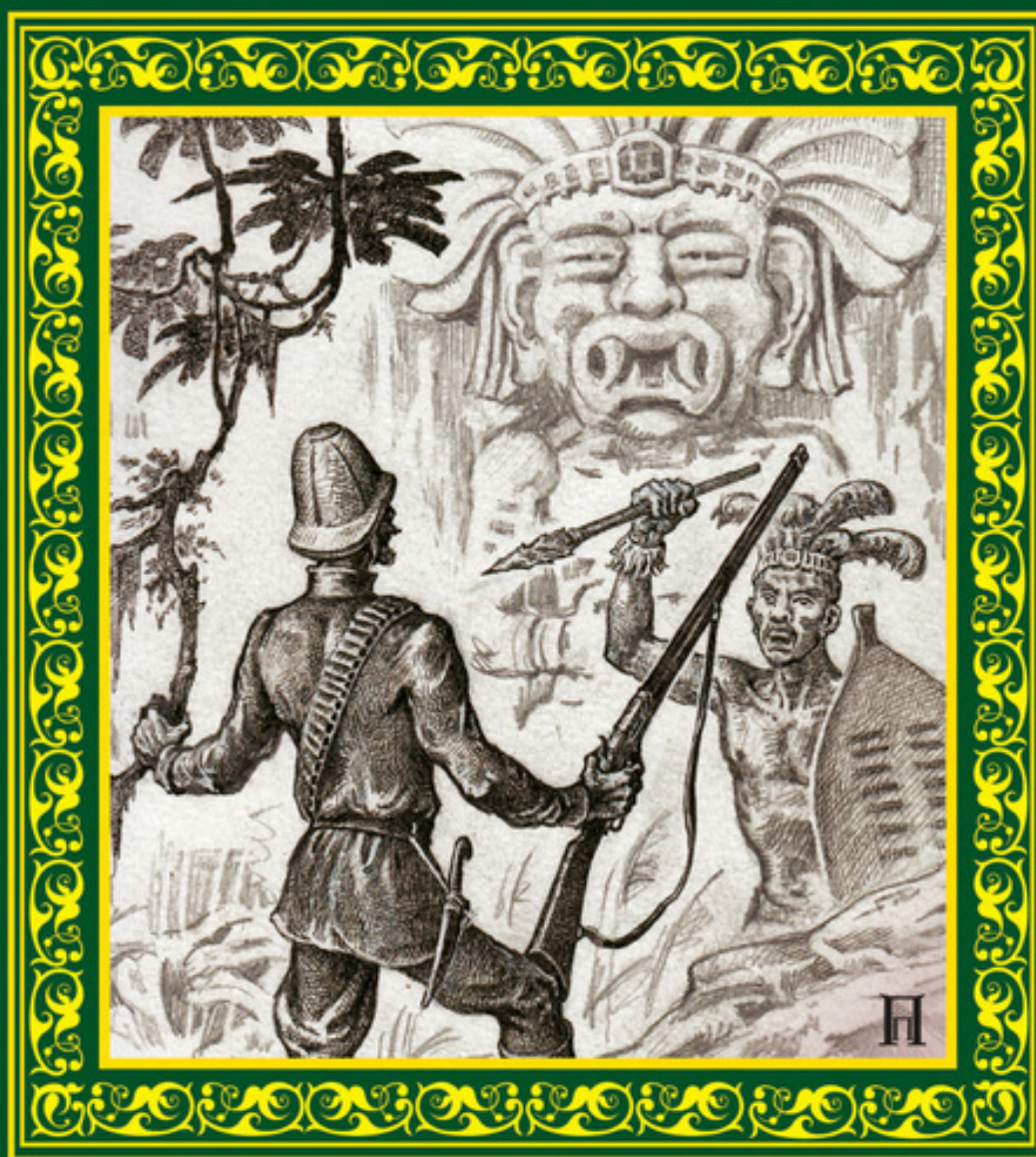

Генри РАЙДЕР ХАГГАРД

ОНА И АЛЛАН

Серия исторических романов

Генри Райдер Хаггард
Она и Аллан (сборник)

«ВЕЧЕ»

1892, 1921

Хаггард Г.

Она и Аллан (сборник) / Г. Хаггард — «ВЕЧЕ», 1892,
1921 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-1273-2

В книгу знаменитого английского писателя Генри Райдера Хаггарда входят два романа из эпохи зулусских войн XIX века. Драматические события романа «Нада» разворачиваются во времена правления грозного короля Чаки (ок. 1787–1828), основателя боевой зулусской державы. Герой романа «Она и Аллан», молодой охотник Квотермейн (будущий участник похода к копиям царя Соломона), вместе с сыном короля Чаки отправляется на встречу с таинственной белой женщиной, сумевшей подчинить своей воле одно из самых жестоких племен Южной Африки.

ISBN 978-5-4444-1273-2

© Хаггард Г., 1892, 1921

© ВЕЧЕ, 1892, 1921

Содержание

Об авторе	6
Нада	8
Введение	8
Глава 1. Пророчества юного Чаки	11
Глава 2. Мопо в беде	15
Глава 3. Мопо возвращается домой	18
Глава 4. Бегство Мопо и Балеки	21
Глава 5. Мопо становится Целителем короля	28
Глава 6. Рождение Умслопогааса	31
Глава 7. Умслопогаас отвечает королю	36
Глава 8. Великое ингомбоко	40
Глава 9. Гибель Умслопогааса	47
Глава 10. Суд над Мопо	52
Глава 11. Совет Балеки	57
Глава 12. Рассказ про Галази Волка	60
Глава 13. Галази покоряет волков	65
Глава 14. Братья-волки	70
Глава 15. Смерть королевских палачей	73
Глава 16. Умслопогаас достает топор	76
Глава 17. Умслопогаас становится вождем племени Топора	80
Глава 18. Проклятие Балеки	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Генри Райдер Хаггард

Она и Аллан (сборник)

Роман «Она и Аллан» публикуется на русском языке впервые.

Печатается по изданию: Г. Р. Хаггард. Нада. – СПб.: П. П. Сойкин, 1904

Знак информационной продукции 12+

© Непомнящий Н. Н., перевод на русский язык, 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

Об авторе

Генри Райдер Хаггард родился 22 июня 1856 года в Браденхеме, небольшой деревушке в графстве Норфолк на востоке Англии. Он был восьмым ребенком в большой семье адвоката сэра Уильяма Райдера Хаггарда и поэтессы Эллы Даветон. Не получив систематического образования, Генри тем не менее слыл любознательным юношей, проявлявшим большой интерес к отечественной истории и судьбам древних цивилизаций. Однако отец не возлагал особых надежд на сына-мечтателя. Будучи очень строгим и властным человеком, сэр Уильям отправил девятнадцатилетнего Генри, подумывавшего о женитьбе, в Африку. Разлука с любимой девушкой и несколько лет, проведенных вдали от родины на просторах таинственной полудикой страны, сформировали личность писателя, заложив основы двух главных элементов его творчества: романтизм и экзотику.

В 1875 году, получив должность секретаря при английском губернаторе южноафриканской провинции Наталь, Хаггард начинает изучать быт и нравы зулусов, много путешествуя по стране. Туземцы с симпатией относились к любознательному англичанину, прозвав его «Инданда» («Человек высокого роста и доброго нрава»). Активная деятельность Хаггарда была отмечена правительством, и в 1878 году он получает пост управителя и регистратора Верховного суда в Трансваале.

Узнав, что его невеста Лили Джексон вышла замуж за преуспевающего банкира, Хаггард возвращается в Норфолк и женится на сестре своего друга Мариане Луизе Марджитсон. Но любовь к Лили не проходит. Всю жизнь он будет страдать от этого неразделенного чувства, воплощая мечту о Лили в ярких образах героинь своих книг: Клеопатре, Аише, прекрасной Маргарет, дочери Монтесумы.

Вместе с семьей Хаггард снова уезжает в Африку, решив заняться фермерским хозяйством. Но эта идея сменяется другой. Интересные наблюдения, записываемые в дневник, приводят Хаггарда к мысли о литературной карьере. Он с головой погружается в работу и в 1885 году, вернувшись в Англию, публикует свою первую книгу – краткую историю Трансвааля. Еще два года проходят в творческих поисках, пока однажды не состоялся знаменитый спор с братом, посчитавшим, что Генри не сможет создать роман в духе «Острова сокровищ». Заключив шуточное пари на 5 шиллингов, Хаггард всего за 6 недель пишет «Копи царя Соломона», книгу, после публикации которой он, что называется, проснулся знаменитым. Роман о приключениях африканского охотника Аллана Квотермейна (альтер эго самого писателя) имел поистине феноменальный успех у читателей, незамедлительно потребовавших продолжения. К образу этого героя Хаггард возвращался не раз.

В 1887 году писатель публикует свой второй великий роман – «Она», историю бессмертной белой богини Аиши, обитающей в джунглях Африки. Эта книга вызвала массу восторгов и подражаний, записав Хаггарда в число предтеч ныне популярного жанра фэнтези.

После поездки в Египет из-под пера Хаггарда выходят еще два выдающихся романа: «Клеопатра» и «Мечта мира». Первый является весьма оригинальной трактовкой истории последней великой царицы Верхнего и Нижнего Египта. Второй рассказывает о судьбе Одиссея.

Человек неугасимой энергии, Хаггард был также известен как политический деятель и публицист. Он баллотировался в парламент, был участником и консультантом всевозможных правительственных комитетов и комиссий по делам колоний. Строгий викторианец и пылкий патриот, Хаггард всегда считал себя защитником нации и культуры. В 1912 году в награду за труды во благо Британской империи он был возведен в рыцарское звание. Скончался писатель 14 мая 1925 года в Лондоне.

Владимир Матющенко

Избранная библиография Г. Р. Хаггарда:

- «Копи царя Соломона» (King Solomon's Mines, 1885)
- «Аллан Квотермейн» (Allan Quatermain, 1887)
- «Она» (She: A History of Adventure, 1887)
- «Клеопатра» (Cleopatra, 1889)
- «Мечта мира» (The World's Desire, 1890)
- «Нада» (Nada the Lily, 1892)
- «Дочь Монтесумы» (Montezuma's Daughter, 1893)
- «Принцесса Баальбека» (The Brethren, 1904)
- «Прекрасная Маргарет» (Fair Margaret, 1907)
- «Она и Аллан» (She and Allan, 1921)

Нада

Введение

Несколько лет тому назад, как раз за год до зулусской войны¹, один европеец путешествовал по Наталю². Имя его не имеет значения, так как не играет никакой роли в этой истории.

Путник вез с собой два фургона с товаром и направлялся в Преторию. Погода стояла холодная, трава росла редко, а иногда ее и вовсе не было, что представляло немалое затруднение для прокорма волов и усложняло путешествие. Европейца соблазняла, однако, высокая ценность его груза в это время года, что могло восполнить его траты в случае потери скота. Он храбро продвигался вперед. Все шло хорошо до маленького города Стангера, на берегах реки Дугузы, где находился крааль³ Чаки, первого короля зулусов, приходившегося дядей Кетчвайю⁴.

В первую же ночь после отбытия из Стангера погода значительно посвежела, густые серые облака заволокли небо и скрыли звезды.

«Да, если бы я не знал, что нахожусь в Натале, я сказал бы, что надвигается снежная буря, – подумал про себя европеец. – Я часто видел такое небо в Шотландии – оно всегда предвещало снег!»

Затем он вспомнил, что в Натале уже много лет не бывало снега, эта мысль отчасти успокоила его. Европеец выкурил трубку и лег спать под навесом одной из повозок. Среди ночи его разбудили ощущение сильного холода и слабое мычание волов, привязанных к повозкам. Он высунул голову из-под навеса и осмотрелся. Земля была покрыта густым слоем снега, в воздухе носились бесчисленные снежинки, разгоняемые холодным резким ветром. Путешественник вскочил, поспешно натягивая на себя теплую одежду, и стал будить кафров, спавших под прикрытием повозок. Не без труда удалось вывести их из оцепенения, которое уже начинало овладевать ими.

Кафры вылезли из-под повозок, дрожа от холода, закутанные в меховые одеяла.

– Живо, ребята! – обратился он к ним на зулусском наречии. – Живо! Что ж вы хотите, чтобы скот замерз от снега и ледяного ветра? Отвяжите волов и загоните их между повозками, они хоть немного защитят их!

С этими словами он зажег фонарь и соскочил с повозки в снег.

С большим трудом удалось наконец кафрам отвязать волов, заочевенвшие пальцы плохо повиновались им, когда пришлось развязывать замерзшие веревки.

Повозки были выдвинуты в ряд, и в пространство между ними загнали всех тридцать шесть волов, которых и привязали с помощью веревок, накрест протянутых между колесами. Покончив с этим делом, европеец снова взобрался на свою холодную постель, а дрожавшие от холода туземцы, подкрепившись ужином, расположились во второй повозке, натянув на себя парусину от походной палатки. На некоторое время водворилась тишина. Изредка раздавалось лишь беспокойное мычание столпившихся быков.

«Если снег не перестанет, я потеряю свой скот: он не вынесет этого холода», – думал про себя европеец.

---

¹ Имеется в виду вторжение английских войск на территорию королевства зулусов в январе 1879 года.

² Наталь – провинция в Южной Африке, включала в себя северные земли зулусов и поселения английских колонистов.

³ Крааль – название африканских деревень с ульеобразными хижинами, окруженными общей изгородью.

⁴ Кетчвайю (ок. 1826–1884) – последний независимый правитель зулусов, возглавивший сопротивление своего народа против британской агрессии и одержавший несколько блестящих побед.

Не успел он мысленно выговорить эти слова, как послышались треск порванных веревок и громкий топот копыт. Европейец снова выглянул из повозки. Волы, сбившись в кучу, бросились бежать и скоро исчезли в темноте ночи, ища защиты от холода и снега.

Через минуту они совершенно исчезли из виду. Делать было нечего, оставалось лишь терпеливо ждать рассвета. Наступившее утро осветило местность, густо засыпанную снегом. Предпринятые поиски ни к чему не привели.

Волы быстро убежали, и следы их занесло свежевypавшим снегом. Европейец призвал на совет кафров и спросил, что теперь делать. Один советовал одно, другой – другое, но все были согласны с тем, что надо дожидаться, пока не растает снег, прежде чем что-либо предпринять.

– Или пока мы сами не замерзнем, дураки вы такие! – возразил угрюмо европейец. Он был сильно не в духе, что, впрочем, было вполне естественно. Европейец терял по меньшей мере четыреста фунтов стерлингов на одних пропавших волах. Наконец один из слуг выступил вперед – до этой минуты он упорно молчал, – погонщик первой повозки.

– Отец мой, – обратился он к европейцу, – вот что я скажу. Волы пропали, а следы их заметены снегом. Никто не знает, куда они побежали, живы ли они или представляют собой груды костей, но там, внизу, в краале, – указал он рукой на несколько шалашей, расположенных на склоне холма, – приблизительно в двух милях отсюда, живет колдун по имени Звите. Он стар, очень стар, но обладает знанием, и если кто может сказать вам, отец мой, где находятся пропавшие волы, то это он!

– Что за глупости! – ответил ему европейец. – Но так как в краале будет не холоднее, чем в этой повозке, пойдем туда и, пожалуй, спросим Звите. Принеси-ка бутылку джина и немного нюхательного табаку для подарков!

Час спустя европейец уже находился в шалаше старого Звите. Путешественник увидел перед собой очень старого человека, от него остались почти одни кости. Старик ослеп на оба глаза, и одна рука, а именно – левая, была мертвенно бледная и сморщенная.

– Чего ты хочешь от старого Звите, белый человек? – спросил старик тоненьким голосом. – Ведь ты не веришь мне? Не веришь в мое знание? Зачем же мне помогать тебе? А все же я исполню твое желание, хотя оно и противно вашим законам, а ты нехорошо поступаешь, обращаясь ко мне. Но я хочу доказать тебе, что не все ложь в нас, зулусских колдунов, и помогу тебе. Ты хочешь знать, отец мой, куда девались твои волы, прячась от холода? Не так ли?

– Совершенно верно! – ответил европейец. – У вас длинные уши!

– Да, отец мой. У меня длинные уши, хотя и говорят, что я стал глухнуть. У меня и глаза зоркие, хотя я и не вижу твоего лица. Дай мне послушать! Дай посмотреть!

Старик замолчал на несколько минут, мерно раскачиваясь взад и вперед, и наконец заговорил:

– У тебя ферма там, внизу, около Пайнтауна, не так ли? Ага! Я так и думал, а на расстоянии часа езды от твоей фермы живет бур. У него только четыре пальца на правой руке. На ферме этого бура есть роща, и в ней растут деревья мимозы. В этой самой роще ты найдешь своих волов – да, да, на расстоянии пяти дней пути отсюда ты найдешь всех своих волов. Я говорю – всех, отец мой, но на самом деле всех, кроме трех: большого черного африканского вола, маленького рыжего зулусского однорогого и пестрого волов. Этих трех ты не найдешь, они погибли в снегу. Пошли людей и тогда найдешь остальных. Нет, нет! Я не прошу награды! Я не делаю чудес за плату, к чему мне? Я и так богат!

Европейец стал смеяться, но в конце концов, такова уж в нас сила веры в сверхъестественное, он послал людей в указанное место. И что же? На одиннадцатый день пребывания европейца в краале Звите посланные вернулись и пригнали всех волов, за исключением трех. После этого европейец больше не смеялся. Эти одиннадцать дней он провел в одном из шалашей краала старого Звите. Каждый день он приходил к нему и беседовал с ним. Часто такие беседы продолжались далеко за полночь. На третий день он спросил Звите, почему его левая рука

такая белая и сморщенная и кто такие Умслопогаас и Нада, о которых он мельком упомянул несколько раз. Тогда старик поведал ему историю, изложенную в этой книге. День за днем старик рассказывал, пока не довел ее до конца. История эта не вся записана в этой книге, некоторые части ее могли быть забыты, другие пропущены. Автор не мог также передать всю выразительность зулусского наречия, не мог также создать точный образ рассказчика. На самом деле он не только рассказывал свою историю, но воспроизводил ее действиями.

Если приходилось говорить о смерти воина, он, ударяя палкой, показывал при этом, куда попал удар и как упал сраженный.

Если история затрагивала грустные факты, он стонал и даже иногда плакал. Старик говорил разными голосами, причем каждое из действующих лиц имело особый голос.

Этот старый, сморщенный человек, казалось, вновь переживал прошлое.

Прошрое само говорило со слушателем, повествуя о делах, давно забытых, о делах, никому более не известных.

Европеец записал рассказ старика Звите, как сумел, по возможности так, как излагал его старик. Сама же история Нады и тех, чьи жизни были тесно связаны с ней, произвела на него настолько сильное впечатление, что он пошел дальше и напечатал свои записки, для того чтобы и другие могли судить о ней. Теперь роль его кончена.

Пусть тот, кого называют Звите, но который на самом деле носит другое имя, начинает свой рассказ.

Глава 1. Пророчества юного Чаки

Вы просите меня, отец мой, рассказать про юношу Умслопогааса, прозванного впоследствии Булалио Убийца, который владел Виновником Стонов, топором с рукоятью из клыка носорога, и про его любовь к Наде – самой прелестной женщине племени зулусов?

История эта длинная, но вы пробудете здесь не одну ночь, и если я буду жив, то расскажу ее вам до конца.

Приготовьтесь, отец мой, услышать много грустного, даже теперь, когда я вспоминаю о Наде, слезы подступают к омертвелой роговой оболочке, которая скрывает солнечный свет от моих старых глаз!

Знаете ли вы, кто я, отец мой? Нет, наверное, не знаете. Вы думаете, что я старый колдун Звите. Так и люди думают уже много лет, но и это не мое настоящее имя. Мало кто знал его. Я хранил его затаенным в сердце, потому что, хотя я и живу теперь под защитой законов белого короля, а великая королева считается верховным вождем моего племени, но если бы кто узнал мое настоящее имя, то и теперь ассегай⁵ мог бы найти дорогу к этому сердцу!

Взгляните на эту руку, отец мой, нет, не на ту, которая иссушена огнем, посмотрите на мою правую руку. Вы видите ее, а я не вижу, потому что слеп, но я помню ее такой, какой она была когда-то. Ага!

Я вижу ее красной и сильной, красной, потому что она обагрена кровью двух королей.

Слушайте, отец мой, наклоните ухо ко мне ближе и слушайте. Меня зовут Мопо! Ага! Я чувствую, что вы вздрогнули, вздрогнули так, как дрогнул отряд Пчел, когда Мопо выступил перед ними и с ассегая в его руках кровь короля Чаки медленно капала на землю.

Да! Я тот самый Мопо, что убил короля Чаку. Мы убили его вместе с принцами Дингааном и Умхланганом, но рана, лишившая его жизни, была нанесена моей рукой. Не будь меня, никогда бы его не убили.

– Что вы говорите? Дингаан погиб при Танголе!

– Да, да, он погиб, но не там, он погиб на горе Призраков и лежит на груди каменной колдуньи, которая сидит там, на вершине, в ожидании конца мира. И я был на горе Призраков. В то время ноги мои двигались быстро, а жажда мести не давала мне покоя.

Я шел весь день и к ночи нашел его. Я да еще другой, и мы убили его. Ха! Ха! Ха! Зачем я вам все это говорю? Что это имеет общего с любовью Умслопогааса и Нады, по прозвищу Лилия? А вот сейчас скажу вам. Я заколол Чаку из мести за мою сестру Балеку – мать Умслопогааса, и за то, что он умертвил моих жен и детей. Я и Умслопогаас убили Дингаана за Наду – мою дочь!

В этой истории встречаются великие имена, отец мой, эти имена известны многим. Когда импи дико выкрикивали их, идя на приступ, я чувствовал, как горы содрогались, я видел, как вода трепетала в своем русле. Где они теперь? Их нет, но белые люди записывают имена их в книги. Я – Мопо – открыл врата вечности носителям этих имен. Они вошли в них и больше не вернулись. Я обрезал нити, привязывавшие их к земле, и они сорвались. Ха! Ха! Они сорвались! Может быть, и теперь падают, а может быть, ползают по своим опустевшим жилищам в образе змей. Жаль, что я не могу узнать этих змей, чтобы раздавить их под своим каблуком.

Вон там, внизу, на кладбище королей есть яма. В этой яме лежат кости короля Чаки – того короля, что убит мной за Балеку. А там далеко, в стране зулусов, есть расщелина в горе

---

⁵ Ассегай – длинное копье, основное оружие зулусов. Король-воин Чака также ввел в обиход короткий ассегай с увеличенным лезвием для рукопашного боя, названный «иква» (это слово походило на звук, издаваемый длинным лезвием, когда его выдергивали из тела врага).

Призраков. У подножия этой трещины лежат кости Дингаана, короля, убитого за Наду. Падать было высоко, а он был тяжелый, кости его рассыпались на мелкие куски.

Я ходил смотреть на них после того, как шакалы и коршуны покончили свое кровавое дело. О, как я хохотал! Потом и пришел сюда умирать. Все это было давно, а я еще не умер, несмотря на то что желаю умереть и пройти скорее по тому пути, где прошла моя Нада. Может быть, я для того и жив еще, чтобы рассказать вам эту историю, отец мой, а вы передадите ее белым людям, если пожелаете.

Вы спрашиваете, сколько мне лет? Да я и сам не знаю. Я очень, очень стар. Если бы король Чака был жив, он был бы одних лет со мной. Никого не осталось в живых из тех, кого я знал мальчиками. Я так стар, что мне следует торопиться. Трава вянет, настает зима. Да, пока я говорю, зима окутывает холодом мое сердце. Что же! Я готов уснуть в этом холоде, и кто знает, быть может, снова проснусь среди благоухающей весны.

Раньше еще, чем зулусы составили отдельное племя, я родился в племени лангени. Племя наше было небольшое, впоследствии все те, кто способен был сражаться, составили лишь один отряд в войске короля Чаки – их набралось всего-то, может быть, от двух до трех тысяч, но зато все наперечет были храбрецы. Теперь все они умерли, и жены их, и дети, да и все племя больше не существует. Оно исчезло подобно тому, как исчезает луна каждого месяца.

Племя наше жило в красивой открытой местности. Говорят, там живут теперь буры⁶, которых мы звали амабоона. Отец мой, Македама, был вождем этого племени, и его крааль расположен был на склоне холма. Я не был, однако, сыном его старшей жены.

Однажды вечером, когда я был еще совсем маленький и ростом едва достигал локтя взрослого человека, я сошел с матерью в долину, где находился загон для скота: нам хотелось посмотреть наше стадо. Мать моя очень любила своих коров; между ними была одна, с белой мордой, она, как собака, ходила следом за ней. Мать моя несла на спине маленькую сестру мою Балеку. Балека была в то время еще маленькой. Мы шли по долине, пока не встретили пастухов, загонявших скот. Мать подозвала корову с белой мордой и кормила ее из рук листьями мучного дерева, которые захватила с собой. Пастухи погнались скот дальше, а корова с белой мордой осталась около моей матери. Мать сказала пастухам, что приведет ее сама, когда вернется домой. Она села на траву, держа на руках Балеку, я играл около нее, корова паслась рядом. Вдруг мы увидели женщину, идущую по долине по направлению к нам.

По ее походке было заметно, как она сильно утомлена. К спине ее был привязан узел, завернутый в циновку. Она вела за руку мальчика приблизительно моих лет, но выше ростом и на вид сильнее меня. Мы ждали довольно долго, пока женщина дошла до нас и в изнеможении опустилась на землю.

По ее прическе мы сразу узнали, что она не принадлежала к нашему племени.

– Здравствуйте! – сказала женщина.

– Здравствуйте! – ответила моя мать. – Что вам надо?

– Мне надо поесть и шалаш, где бы я могла отдохнуть, – ответила женщина. – Я иду издалека!

– Как ваше имя и какого вы племени? – спросила мать.

– Зовут меня Унанди, я жена Сензангаконы, из племени зулусов! – ответила незнакомка.

Надо сказать вам, отец мой, что между нашим племенем и зулусами только что была война. Сензангакона убил нескольких наших воинов и захватил много скота, а потому, когда моя мать услышала слова Унанди, она гневно вскочила на ноги.

– И ты смела прийти сюда и просить пищи и крова – ты, жена зулусского пса! – воскликнула она. – Убирайся прочь, не то я позову работниц и прикажу выгнать тебя отсюда кнутами!

---

⁶ Буры – выходцы из Голландии, переселившиеся в Южную Африку в XVII веке и занявшие плодородные земли в различных областях страны.

Женщина – она была очень красива – молча ждала, пока моя мать кончит свою гневную речь, тотчас подняла голову и тихо сказала:

– Около вас стоит корова, у которой молоко сочится из вымени, неужели же вы откажете дать мне и моему мальчику кружку молока? – Она вынула из своего узла кружку и протянула ее нам.

– Конечно, не дам! – сказала моя мать.

– Нам так хочется пить после долгого пути, – продолжала женщина. – Может быть, вы дадите нам кружку воды? Мы уже давно не встречали источника!

– Не дам, песья жена, иди и сама ищи себе воды!

Глаза женщины наполнились слезами, мальчик скрестил руки на груди и нахмурился. Это был очень красивый мальчик, с большими черными глазами, но когда он хмурил брови, глаза его темнели, как темнеет небо перед грозой.

– Матушка, – оказал он, – видно, мы так же непрошенные гости здесь, как и там, внизу! – И он кивнул головой по направлению в ту сторону, где жило племя зулусов. – Пойдем в Дингисвайю, там племя умтета защитит вас!

– Пойдем, сын мой, – ответила Унанди, – но путь наш дальний, а мы с тобой так устали, что, пожалуй, и не дойдем!

Я молча слушал и почувствовал, как сердце мое содрогнулось от жалости. Мне было жалко и женщину, и мальчика. Оба казались такими утомленными. Не говоря ни слова моей матери, я схватил ковш и побежал к источнику. Через несколько минут я вернулся с водой. Мать моя очень рассердилась и хотела поймать меня, но я быстро промчался мимо нее и подал ковш мальчику. Тогда мать решила больше не мешать мне, но все время словами старалась уязвить женщину. Она говорила, что муж ее причинил зло нашему племени и что сердце подсказывает ей, что он причинит еще большее зло. Так говорит ей ее Элозий⁷. Ах, отец мой, Элозий ее был прав! Если бы женщина Унанди и ее сын умерли тут же, на лугу, в этот день, поля и сады моего племени не обратились бы в голые степи и кости моих единомышленников не валялись бы в большом овраге, там, около крааля Кетчвайю.

Пока моя мать говорила, я стоял молча рядом с беломордой коровой и наблюдал за происходившим. Сестренка Балека громко плакала.

Мальчик, сын Унанди, взяв из моих рук ковш, не подал воды матери. Он сам выпил две трети, и я думаю, он выпил бы и все, если бы жажда его не была утолена. Затем он подал остаток воды матери, и она выпила ее. Тогда, взяв ковш из ее рук, мальчик выступил на несколько шагов вперед, держа ковш в одной руке, а в другой короткую палку.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросил он меня тоном взрослого.

– Меня зовут Мопо! – ответил я.

– А как зовут ваше племя?

Я назвал ему наше племя – племя лангени.

– Хорошо, Мопо, теперь я скажу тебе мое имя. Меня зовут Чака, я сын Сензангаконы, и мое племя зовут амузулу. Я тебе скажу еще что-то. Пока я маленький мальчик, и мое племя маленькое, но придет время, когда я вырасту такой большой, что голова моя будет теряться в облаках, ты будешь смотреть вверх и не увидишь ее. Лицо мое ослепит тебя, оно будет сиять подобно солнцу, а племя мое возрастет одновременно со мной и наконец поглотит весь мир. Слушай меня! Когда я стану велик и мое племя со мной возвеличится, тогда я припомню, как однажды лангени отказали дать мне с матерью ковш молока, чтобы утолить жажду. Ты видишь этот ковш. За каждую каплю, которую он может содержать, будет пролита кровь человека – кровь одного из ваших единоплеменников. Но за то, что ты, Мопо, дал мне воды, я пощажу тебя, одного тебя, Мопо, и возвеличу тебя. Ты разжиреешь в тени моей славы. Тебя одного

---

⁷ Элозий – дух-хранитель.

я никогда не трону, как бы ты ни провинился передо мной, клянусь тебе в этом. Но зато эта женщина, – и он указал палкой на мою мать, – пусть торопится умереть, чтобы мне не пришлось заставить ее желать смерти. Я сказал!

Мальчик заскрежетал зубами и погрозил нам палкой. Мать моя молча стояла в стороне, наконец она не выдержала:

– Негодный лгунишка! Говорит, точно большой, не правда ли? Еще теленок, а ревет, как бык! Я научу его говорить иначе, мальчишка, злой прорицатель! – И, спустив Балеку на землю, она побежала к мальчику.

Чака стоял неподвижно, пока она не подошла совсем близко к нему, тогда он вдруг поднял палку и так сильно ударил ее по голове, что она тут же упала. Он захохотал, повернулся и ушел в сопровождении своей матери.

Это были первые слова Чаки, слышанные мной, отец мой. Они оказались пророческими и оправдались. Последние слова, слышанные мной, тоже были пророческими и, я думаю, тоже оправдаются. Они, впрочем, и теперь уже исполнились. Во-первых, он сказал, что племя зулусов возвысится. И что же, разве это не так? Во-вторых, он предсказал, как оно падет, – и оно падет. Разве белые люди не собираются уже теперь вокруг него близ Кетчвайо подобно тому, как коршуны собираются вокруг околевающего быка. Зулусы уже не те, что были прежде.

Да, да, слова его оправдаются, и голос мой – это голос племени, уже осужденного.

Но об этих других словах Чаки я скажу в свое время.

Я подошел к своей матери. Она приподнялась с земли и села, закрыв лицо руками. Кровь из раны, нанесенной палкой Чаки, текла по ее рукам и падала на грудь.

Так она сидела долго, ребенок плакал, корова мычала, как бы прося подоить ее, а я все вытирал кровь, сочившуюся из раны, пучками сорванной травы. Наконец она отняла руки от лица и заговорила со мной:

– Мопо, сын мой, мне снился сон. Я видела мальчика Чаку, ударившего меня, он вырос и стал великаном. Он гордо выступал по долинам и горам, глаза его сверкали, как молния; и в руках он держал асsegай, обгагранный кровью. Вот он захватывает одно племя за другим, он топчет ногами их краали. Перед ним все зелено, как летом, позади все черно, как будто огонь сжег траву. Я видела и наше племя, Мопо. Оно было многочисленно и сильно, мужчины храбры, девушки красивы, детей я считала сотнями. Я видела его еще раз, Мопо, – от него остались лишь кости, белые кости, тысячи костей, наваленных в кучу в каменистом овраге, а он, Чака, стоял над этими костями и хохотал так, что земля тряслась. После этого, Мопо, в этом видении я увидела тебя взрослым человеком. Ты один остался в живых из всего нашего племени. Ты шел за великаном Чакой, а за тобой были другие великие мужи царственной осанки. Ты ударил его небольшим копьем, он упал и снова сделался маленьким. Он упал и проклял тебя! Но ты крикнул ему в ухо одно имя – имя Балеки, твоей сестры, и он испустил дух. Пойдем домой, Мопо, пойдем домой, темнеет!

Мы встали и медленно направились к дому. Но я молчал, потому что мне было страшно, очень страшно, отец мой.

Глава 2. Мопо в беде

Теперь я должен рассказать вам, как скоро исполнилось предсказание Чаки о смерти моей матери и как она умерла.

На лбу, куда мальчик Чака ударил ее палкой, образовалась глубокая язва. Ее невозможно было залечить. В этой язве образовался нарыв, он проникал все глубже, пока не дошел до мозга, тогда моя мать слегла и вскоре умерла. Я очень любил ее и горько плакал. Вид ее тела, холодного и окоченелого, приводил меня в ужас. Как громко я ее ни звал, она не отвечала мне.

Мать мою похоронили и скоро забыли о ней. Я один помнил ее, остальные все забыли, даже Балека забыла, она была еще слишком мала. Мой отец взял себе другую жену и вскоре успокоился.

С этих пор я почувствовал себя несчастным. Братья не любили меня за то, что я был умнее их да и проворнее бегал. Они восстановили против меня отца, и он стал дурно обращаться со мной.

Но Балека и я любили друг друга, мы оба чувствовали себя одинокими, она лгнула ко мне подобно тому, как вьющееся растение обвивается вокруг единственного дерева в пустыне, и, несмотря на свою молодость, я уже вывел следующее заключение: быть мудрым – значит быть сильным, потому что хотя убивает тот, у кого в руках ассегай, но сильнее тот, чей разум руководит битвой, а не тот, кто убивает.

Я заметил тоже, что колдуны и знахари внушали страх народу, их боялись до такой степени, что, будь они вооружены одной лишь палкой, десять человек, вооруженных копьями, обращались перед ними в бегство.

Поэтому я решил сделаться колдуном, так как только колдун может убить одним словом тех, кого он ненавидит. Я стал изучать медицину, приносил жертвы, постился в пустынном месте, одним словом, делал все то, о чем вы уже слыхали, и многому научился. В нашем волшебстве все же есть и знание – не все ложь. Вы сами могли в этом убедиться, отец мой, иначе не пришли бы ко мне и не спросили о ваших пропавших быках.

Время все шло вперед, мне минуло уже двадцать лет, и я стал взрослым человеком. Я разобрался во всем, чему мог научиться один, и присоединился к главному знахарю и колдуну нашего племени. Его звали Нама. Он был стар, видел только на один глаз и считался очень умным человеком. От него я научился некоторым тайнам нашей науки и приобрел немало знаний, но он стал мне завидовать и уготовил ловушку.

Случилось, что у богатого человека из соседнего племени пропала часть его скота. Он приехал к Наме, привез подарки и просил его выследить пропавший скот. Нама попробовал и не мог найти – зрение начинало изменять ему.

Тогда человек этот рассердился и потребовал возвращения подарков. Нама не хотел отдавать то, что ему уже было дано, и они обменялись угрозами.

Тот объявил, что убьет Наму. В ответ Нама заявил, что околдует его.

– Успокойтесь! – сказал я, боясь, что будет пролита кровь. – Подождите и дайте посмотреть, не скажет ли мне мой змей, где находится пропавший скот?

– Ты мальчишка, и больше ничего! – возразил хозяин скота. – Разве мальчику доступна такая мудрость?

– Это мы скоро увидим! – ответил я, забирая кости в руку⁸.

– Оставь кости! – закричал Нама. – Мы не станем больше беспокоить наших змеев для этого собачьего сына!

---

⁸ Колдуны-кафры употребляют для колдовства суставы звериных костей и бросают их, как мы бросаем кости в игре.

– А я говорю, что он бросит кости! – возразил владелец скота. – Если ты станешь мешать, я этим ассегаем пропущу свет сквозь твоё тело!

С этими словами он занес своё копье над головой Намы.

Тогда я поспешно приступил к делу и бросил кости. Владелец скота сидел передо мной на земле и отвечал на мои вопросы. Вы сами знаете, отец мой, что иногда колдуны узнают, где находится потерянное. Их уши длинные, и подчас Элозий подсказывает им, как, например, на днях подсказал мне про ваш скот. И в этом случае мой змей выручил меня. Я ничего ровно не знал о скоте этого человека, но мой дух был со мной, и вскоре я увидел их всех и описал каждого из них: цвет, возраст, одним словом, все приметы.

Я мог сказать ему также, где они находятся и что один из волов упал в поток и лежит на спине, причем его передние ноги защемлены в раздвоенном корне дерева. Как мне подсказал дух, так я и передал этому человеку. Он остался очень доволен и сказал, что, если мое зрение не обмануло меня и он найдет свой скот в указанном мной месте, подарки будут отобраны у Намы и переданы мне. Присутствующие вполне согласились с ним.

Нама сидел молча и злобно поглядывал на меня. Он знал, что я угадал верно, и очень сердился на меня. Дело казалось выгодным, стадо было большое, и если будет найдено там, где я указал, то все признают меня великим колдуном. Владелец скота объявил, что проведет ночь в нашем краале, а на рассвете пойдет со мной к указанному месту. Среди ночи я проснулся от ощущения тяжести на груди. Я попробовал вскочить, но почувствовал, как что-то холодное колет мне шею. Я снова откинулся, стараясь разглядеть, в чем дело. Дверь моего шалаша была открыта. Луна на небе спустилась уже низко и походила на огненный шар. Я мог разглядеть и через дверь. Лунный свет проникал в мой шалаш и упал на лицо Намы-колдуна, который сидел передо мной, злобно посматривая на меня своим единственным глазом. В руках он держал нож. Вероятно, этот нож и уколол меня в шею.

– Ах ты, щенок! Я вижу, что вырастил тебя на свою погибель! – зашипел он мне на ухо. – Ты осмелился угадать то, чего я не угадал. Так-то? Прекрасно. Теперь я покажу тебе, как я расправляюсь с такими щенками, как ты. Начну с того, что прокалю язык твой до самого корня, чтобы ты не мог болтать, потом разрежу тебя на куски, а утром скажу народу, что это сделали духи в наказание за твою ложь. Затем отрежу тебе руки и ноги. Да, да, я сделаю тебя похожим на палку! Потом я... – И он начал вонзать нож в мое горло.

– Пощади меня! – закричал я. Нож делал мне больно, и я не на шутку перепугался. – Пощади! Я сделаю все, что хочешь!

– Все сделаешь? – допрашивал старик, продолжая колоть меня ножом. – Ты встанешь сейчас же, пойдешь искать стадо этого негодяя, загонишь его в указанное мной место и спрячешь там! – При этом Нама назвал овраг, мало кому известный. – Если ты это сделаешь, я пощажу тебя и выделю трех быков. Если же ты откажешься исполнить мое требование или обманешь меня, клянусь духом моего отца, я найду способ покончить с тобой!

– Конечно, я все сделаю, – поспешно ответил я. – Отчего ты не доверился раньше? Если бы я знал, что ты не хочешь отдавать скот, я не стал бы его выслеживать. Я поступил так, боясь, что ты лишишься обещанных подарков!

– Ну, ладно, ты еще не такой злодей, как я думал, – проворчал Нама. – Вставай и исполняй мое приказание. Еще успеешь вернуться за два часа до рассвета!

Я встал, размышляя, не могу ли я сейчас же броситься на него. У меня в руках не было никакого оружия, а у него был нож. Если бы мне и удалось убить его, меня обвинили бы в его смерти и мне самому тогда не миновать ассегая. Но я придумал другой выход. Я решил отыскать скот в той долине, где выследил его, но не прогонять стадо в указанное колдуном место. Нет, нет, я прямо пригоню его в крааль и изобличу Наму перед моим отцом и всем народом. Увы! Я в то время был молод и не знал коварного сердца Намы. Недаром он был колдуном всю свою жизнь. О! Это был злой человек – хитрый, как шакал, свирепый, как лев.

Он посадил меня, как дерево, но намеревался подрезать корни. Теперь я вырос, и тень моя падала на него, поэтому он хотел меня вырвать с корнем. Я направился в угол моего шалаша. Нама все время зорко следил за мной. Я взял свой керри и маленький щит и вышел; луна ярко светила на небе. Пока я шел по нашему краалю, я старался скользнуть, как тень, но, выйдя за ворота, пустился бегом, громко распевая песню, чтобы отогнать духов, отец мой.

В продолжение часа я быстро шел по долине, пока не дошел до склона холма, где началась заросль кустарников. Здесь было темно, и я стал петь еще громче.

Вскоре я убедился, что мой змей не обманул меня, вот и следы скота. Я бодро пошел дальше, пока не добрался до долинки, по которой с легким журчанием протекал ручеек. Следы скота выступали уже совершенно ясно. Теперь я дошел до пруда. У самого берега плавал утонувший бык, ноги которого были защемленными в раздвоенном корне. Все оказалось именно так, как я видел моими духовными очами.

Я сделал еще несколько шагов вперед и огляделся. Взор мой упал на что-то светлое – то был серый свет утренней зари, слабо блеснувший на рогах скота. Пока я всматривался, одно из животных захрапело, поднялось и стряхнуло с себя ночную росу. В тумане рассвета вол показался мне ростом с большого слона.

Я собрал в кучу и пересчитал всех животных – их было семнадцать – и погнал их перед собой по узкой тропинке, ведущей к краалю. С каждой минутой становилось светлее, с восхода солнца прошло уже более часа, когда я достиг того места, где мне следовало свернуть, если бы хотел спрятать скот, как приказал мне Нама! Но я вовсе не желал исполнить его приказание.

«О нет! Я пригоню скот, – решил я про себя, – прямо в крааль и скажу всему народу, что Нама – вор!»

В эту минуту послышался шум. Я оглянулся и увидел на откосе холма приближающуюся толпу народа. Во главе ее шел Нама. Рядом с ним я разглядел владельца скота. В полном недоумении я замер на месте. Дикари бросились ко мне с криками, размахивая палками и копьями.

– Вот он! – кричал Нама. – Вот он! Каков ловкий мальчик? Я вырастил его, а он покрывает срамом мою седую голову! Не прав ли я? Не говорил ли я, что он вор? Да! Да! Я знаю твои проделки, Мопо! Посмотрите, он хотел украсть скот! Он все время знал, где найти его, а теперь угоняет стадо и хочет спрятать его. Оно, конечно, пригодились бы ему на покупку жены, не так ли, мой умный мальчик?

Старик стремительно бросился ко мне с поднятой палкой, за ним последовал владелец скота с громким злобным рычанием.

Я понял сразу, в чем дело, отец мой. В душе поднялась целая буря злобы, у меня закружилась голова, перед глазами заколыхалась как бы красная скатерть, казалось, она то опускалась, то опять поднималась. С этих пор я всегда видел ее перед глазами каждый раз, когда мне приходилось вступать в бой.

Я крикнул только одно слово – «Лжец!» и кинулся ему навстречу. Нама тоже приближался ко мне. Он ударил меня палкой, но мне удалось подставить под его удар мой маленький щит и вовремя отскочить. Я, в свою очередь, ударил его. О! Как я ударил его! Череп Намы встретился с моим керри, и Нама упал, мертвый, к моим ногам. Я снова зарычал, как зверь, и бросился на второго врага. Он метнул в меня копье, но оно не попало в меня, и в следующую секунду я ударил его вторично. Он поднял свой щит, но я выбил его из рук моего противника, и щит полетел через его голову, а сам он упал без чувств. Остался ли он в живых или нет, не знаю, но вероятно, что он выжил.

Весь народ замер, я воспользовался этой минутой и обратился в бегство. Дикари кинулись за мной, бросая в меня камнями и стараясь поймать, но никто не мог сравниться со мной в быстроте бега. Я летел, как ветер, летел, как олень, которого собаки застигли во сне. Понемногу звук погони становился слабее, пока мои преследователи окончательно не потеряли меня из виду и я остался один.

Глава 3. Мопо возвращается домой

Задыхаясь, бросился я на траву и лежал некоторое время. Отдохнув немного, я встал и спрятался в высоком тростнике, окружавшем болото. Весь день я пролежал, раздумывая о случившемся. Что мне было делать? Теперь я напоминал шакала, не имеющего даже норы. Если я вернусь к своему племени, меня, без сомнения, убьют, как вора и убийцу. Кровь моя будет пролита за кровь Намы-колдуна. А этого я вовсе не желал. В эту-то тяжелую минуту я вспомнил Чаку – того мальчика, которому я много лет тому назад дал кружку воды. Я уже не раз слышал о нем. Его имя было известно в стране, его всюду повторяли, и деревья, и трава, казалось, шептали его.

Видение моей матери начинало осуществляться.

С помощью племени умтетва он занял место своего отца Сензангаконы, прогнал племя амакваба, теперь вел войну со Звите, вождем племени ндванда, и поклялся стереть его с лица земли. Я вспомнил обещание Чаки возвеличить меня и дать мне благосостояние в тени своей славы и решил бежать к нему.

Мне было жаль только мою сестру Балеку, и я решил взять ее с собой, если только удастся добраться до нее и сообщить ей о моем намерении. Я решил попробовать. Дождавшись темноты, я встал и пополз, как шакал, по направлению к краалю. Когда я добрался до плантации мучного дерева, я остановился. Голод мучил меня, пришлось сначала утолить его полужелтыми плодами, а затем продолжать свой путь. Несколько человек сидели у входа одного из шалашей у костра, они разговаривали. Я подполз ближе, как змея, и спрятался за куст.

Люди не могли видеть меня вне полосы света костра, я же хотел услышать, о чем они говорят.

Как я и предполагал, сидевшие говорили обо мне и, конечно, бранили меня. Они говорили, что убийством такого великого колдуна, как Нама, я, несомненно, принесу несчастье всему племени, что племя убитого владельца скота потребует огромный выкуп за нападение на него. Я услышал дальше, что мой отец отдал приказ всему народу начать с завтрашнего утра погоню за мной и умертвить меня, где бы меня ни нашли.

«Ага, – подумал я, – можете охотиться за мной, но охота ваша будет безуспешна!»

В эту минуту собака, спокойно лежавшая до того времени у огня, встала и начала нюхать воздух, потом рычать. Я не на шутку перепугался.

– Что это собака рычит? – сказал один из сидевших у огня. – Пойди, посмотри!

Но человек, к которому были обращены эти слова, только что нюхал табак и вовсе не расположен был двигаться.

– Пускай собака сама посмотрит, – ответил он, чихая, – к чему же держать собак, если надо самому ловить вора?

– Ну, пошла вперед, – обратился к собаке первый из говоривших.

Собака с лаем бросилась вперед.

В эту минуту я увидел ее. Это была моя собственная собака Коос – хороший, верный пес. Я не знал, что делать. Собака, почуяв меня, перестала лаять и, прыгая в кустах, нашла меня и стала лизать мое лицо.

– Лежать, Коос! – шепнул я ему.

Он покорно улегся у моих ног.

– Куда же это собака девалась? – услышал я голос первого. – Точно ее околдовали. Отчего она вдруг перестала лаять и не идет назад?

– Надо пойти посмотреть! – сказал другой, вставая с копьем в руках.

Я опять страшно испугался, думая, что они поймают меня, или же я должен буду снова обратиться в бегство. Но в ту минуту, когда я поднялся, чтобы бежать, большая черная змея

проскользнула между людьми и направилась к шалашу. Все отскочили в ужасе, но сейчас же кинулись в погоню за змеей, решив единогласно, что собака лаяла, без сомнения, на нее.

Это был мой добрый Элозий, отец мой, принявший образ змеи, чтобы спасти мне жизнь. Как только люди удалились от меня, я пополз по другой дороге. Коос следовал за мной по пятам.

Я задумал пробраться в мой собственный шалаш, достать мои стрелы, меховое одеяло и попытаться поговорить с Балекой. Мой шалаш, очевидно, пуст: в нем никто не спал, кроме меня, а шалаш Намы находился на некотором расстоянии вправо.

Тем временем я дополз до тростниковой изгороди, окружавшей шалаш. У открытых ворот никого не было: обязанность закрывать их лежала на мне, а меня не было. Я приказал Коосу лежать смирно, смело дошел до двери моего шалаша и прислушался. Очевидно, шалаш был пуст, дыхания не было слышно, тогда я прополз в дверь и стал шарить рукой в поисках моих стрел, фляжки для воды и деревянной подушечки: она была так удачно вырезана, что мне стало жаль оставить ее. Все эти вещи я нашел. Затем я стал искать одеяло из шкур, и вдруг рука моя коснулась чего-то холодного. Я вздрогнул и снова пощупал рукой. Оказалось, то было лицо человека, лицо мертвеца Намы, убитого мной. Вероятно, его положили в мой шалаш в ожидании погребения.

О! Тогда я не на шутку трусил. Нама мертвый и в потемках – это было гораздо хуже, чем Нама живой. Я готов был бежать, когда вдруг услышал разговор почти рядом, за дверью. Это были женские голоса. Я тотчас же узнал их, они принадлежали двум женам Намы.

Одна из них говорила, что пришла сторожить тело мужа. Таким образом, я оказался в западне.

Раньше, чем я мог сообразить что-либо, я увидел свет в дверях и по тяжелому дыханию нагибающейся пожилой женщины понял, что вошла главная жена Намы. Она присела около тела так, что я не мог выйти из двери, начала плакать и призывать проклятия на мою голову, не зная, что я слушаю ее. Страх заставил мой ум быстрее соображать. Теперь, когда я был не один, я уже не так боялся мертвеца и вспомнил, кстати, какой он был обманщик.

«Ладно, – подумал я, – пусть будет обманщиком еще один, последний раз!»

Я осторожно просунул руки под его плечи и приподнял так, что тело его оказалось в сидячем положении. Женщина услышала шорох, и в горле ее как будто заклокотало.

– Будешь ли ты сидеть смирно, старая ведьма? – заговорил я, подражая голосу Намы. – Неужели ты не можешь оставить меня в покое даже мертвого?

Услышав голос Намы, женщина в ужасе отшатнулась и собиралась с духом, чтобы позвать на помощь.

– Как? Ты еще смеешь кричать? – продолжал я тем же голосом. – Так вот же, я научу тебя молчанию!

С этими словами я повалил тело Намы прямо на нее. Она потеряла сознание и пришла ли когда-нибудь в себя, не знаю, но на некоторое время по крайней мере она была недвижима и для меня безопасна.

Я схватил одеяло из шкур – впоследствии я узнал, что это было лучшее одеяло Намы, ценностью в три быка, – и пустился бегом в сопровождении Кооса.

Крааль отца моего, вождя Македамы, находился на расстоянии двухсот шагов от моего шалаша. Прорезав себе лазейку в тростниковой изгороди с помощью ассегая, я подполз к шалашу, где спала Балека с несколькими своими сестрами от других матерей. Мне было известно, с какой стороны шалаша она обыкновенно ложилась и где приходилась ее голова. Я лег на бок и очень осторожно начал сверлить дыру в тростнике, покрывавшем шалаш. Это заняло много времени, крыша была плотная, но наконец я одолел ее. Но тут я остановился. Мне пришло в голову, что Балека случайно переменила место, и тогда я разбужу не ту, которую

мне надо. Я почти отказался от моего замысла, решив, что убегу один, как вдруг услышал, что одна из девушек проснулась и начала плакать как раз на другой стороне шалаша.

«Ага, – подумал я, – это Балека оплакивает своего брата!»

Я приложил губы к тому месту, где крыша была потоньше, и шепнул:

– Балека! Сестра моя! Балека, не плачь. Я, Мопо, здесь. Не говори ни слова, вставай. Выйди ко мне. Захвати свое одеяло!

Балека была умная девушка. Она не вскрикнула, как сделала бы другая на ее месте, нет, она сразу все поняла, осторожно встала и через минуту выползла из шалаша с одеялом в руках.

– Где ты, Мопо? – шепотом спросила она. – Тебя, наверное, увидят и убьют!

– Тише! – ответил я и в нескольких словах объяснил ей мой план. – Хочешь идти со мной? Или ты желаешь вернуться в шалаш, простившись со мной, может быть, навеки?

Она подумала и сказала:

– Нет, брат мой, я пойду с тобой, потому что из нашего племени люблю тебя одного, хотя и предчувствую, что ты ведешь меня к моей гибели!

В ту минуту я мало обратил внимания на ее слова, но позже припомнил их. Итак, мы убежали вдвоем в сопровождении Кооса.

Мы пустились бегом по степи, обратив лицо к той стороне, где жило племя зулусов.

Глава 4. Бегство Мопо и Балеки

Остальную часть ночи мы шли безостановочно, наконец не только мы, но и собака, видимо, устала.

На день мы спрятались в кустах. Около полудня мы услышали голоса. Выглянув сквозь кусты, я увидел несколько человек нашего племени, посланных моим отцом в погоню за нами. Они направились к соседнему краалю, вероятно, для того, чтобы спросить, не видел ли нас кто-либо, и затем некоторое время они больше не показывались.

С наступлением темноты мы снова пустились в путь, но судьба преследовала нас. Мы встретили старую женщину, она как-то странно посмотрела на нас и молча прошла мимо. В последующие дни мы продвигались вперед день и ночь. Конечно, нельзя было сомневаться в том, что старуха сообщит нашим преследователям о встрече с нами, так оно и было.

На третий день мы набрали на плантацию мучного дерева, кусты которого были сильно потоптаны. Пробираясь между поломанными стеблями, мы наткнулись на тело старого человека, труп которого до того был усеян стрелами, что напоминал собой шкуру дикобраза. Нас это очень удивило. Пройдя немного дальше, мы убедились, что крааль, которому принадлежала эта плантация, только что сожгли дотла. Мы осторожно подошли к нему. Какое грустное зрелище представилось нашим глазам! Впоследствии мы привыкли к ним, отец мой! Всюду, кругом лежали тела убитых, они валялись десятками, старые, молодые, женщины, дети, даже грудные младенцы – все они лежали среди обгорелых шалашей, пронзенные множеством стрел. Земля, пропитанная их кровью, казалась красной, и сами они, озаренные последними лучами заходящего солнца, казались красными. Да, отец мой, вся местность была как бы окрашена кровавой рукой Великого Духа Умкулункула!

Вид этого ужасного зрелища заставил Балеку расплакаться.

Мы нашли очень мало пищи в этот день и ели только травы да зеленые плоды хлебного дерева.

– Здесь прошел неприятель! – сказал я.

Едва я успел выговорить эти слова, как мы услышали слабый стон по другую сторону сломанной тростниковой изгороди. Я пошел посмотреть, в чем дело.

Там лежала молодая женщина, тело ее было покрыто ранами, но бедняжка еще дышала, отец мой. В нескольких шагах от нее лежал труп мужчины, а около него еще несколько мертвых воинов другого племени.

Очевидно, все они пали в ожесточенной битве.

В ногах у женщины мы увидели тела трех детей, четвертый, совсем маленький, лежал рядом с ней.

В ту минуту, когда я нагнулся к несчастной женщине, она опять застонала, открыла глаза и увидела меня. Заметив копьё в моих руках, женщина проговорила слабым голосом:

– Убей меня скорее! Неужели ты еще недостаточно терзал меня?

Я поспешил ответить, что я здесь чужой и вовсе не намерен убивать ее.

– Тогда дай мне воды, – сказала она. – Там, позади краалья, есть источник!

Я подозвал к несчастной женщине Балеку, а сам пошел за водой. В источнике тоже валялись трупы, которые пришлось вытащить, и когда вода немного очистилась, я наполнил фляжку и отнес умирающей. Она жадно припала к ней губами, силы немного вернулись к ней, вода придала ей жизни на несколько минут.

– Как это случилось? – спросил я участливо.

– На нас напал отряд Чаки – вождя зулусов, – ответила она, – и уничтожил нас. Они налетели на нас сегодня на рассвете, когда мы все еще спали. Я проснулась и услышала, как убивают. Я спала с моим мужем, вот он лежит здесь, наши дети спали тут же. Мы выскочили

из шалаша, мой муж держал в руках щит и копье. Он был храбрым человеком. Посмотри! Он умер храбро, убив трех чертей зулусов прежде, нежели сам пал мертвым. Тогда они схватили меня, убили на моих глазах всех детей, а меня кололи до тех пор, пока я не показалась им мертвой, тогда они оставили меня. Я не знаю, за что они напали на нас, но думаю, за то, что наш вождь отказался послать воинов на помощь Чаке против Звите!

Женщина замолчала, потом громко вскрикнула и испустила дух.

Балека опять расплакалась, да и сам я был глубоко возмущен и потрясен этими рассказами.

«Ах! – подумал я. – Великий Дух должен быть очень злым, иначе такие ужасы не могли бы твориться!»

Так я размышлял в то время, отец мой, теперь я думаю иначе. Я знаю, что мы тогда не шли по пути Великого Духа, оттого так и было. В то время, отец мой, я был ребенком.

Впоследствии я привык к таким зрелищам. Они более не трогали меня ничуть, но тогда, во времена Чаки, реки текли кровью, отец мой! Прежде чем зачерпнуть из них воды, не мешало убедиться, чиста ли она. Люди умели умирать без лишнего шума.

Не все ли равно? Не тогда, так теперь они были бы мертвы. Это не важно, да и вообще ничто не важно, кроме самого рождения.

Вот в чем главная ошибка, отец мой!

Мы провели ночь в разоренном краале, но спать не могли. Всю ночь духи мертвецов ходили вокруг нас и перекликались между собой. Оно и не удивительно – мужья искали своих жен, матери своих детей. Но нам-то это казалось страшно. Мы боялись, что они рассердятся на наше присутствие среди них.

Мы прижались друг к другу и дрожали обнявшись. Коос тоже дрожал и по временам громко завывал. Но духи, по-видимому, не замечали нас, и к утру голоса их замолкли.

На рассвете мы встали и, осторожно пробираясь между мертвыми телами, продолжили свой путь. Теперь нам легко было найти дорогу к краалю Чаки – мы шли по следам его войска и скота, который они угнали.

По дороге иногда попадались мертвые тела воинов – очевидно, их убивали, если раны мешали продолжать путь.

Мной овладевало подчас сомнение: благоразумно ли с нашей стороны идти к Чаке? После всего, что мы видели, я боялся, что он убьет и нас, но свернуть было уже некуда, и я решил идти вперед, пока ничто не препятствовало нам.

Однако от усталости и голода мы начинали терять силы. Балека говорила, что лучше всего было бы остаться здесь и ждать смерти, которая положит конец нашим страданиям. Мы присели около ручья. Пока мы отдыхали на берегу ручья, Коос отбежал в ближайшие кусты, и вскоре мы услышали, что он с яростным лаем бросается на кого-то и как будто борется. Я подбежал к кустам и увидел, что собака поймала козленка, почти одного роста с ней. Я схватил копье, заколол козленка и громко закричал от радости – теперь было, чем подкрепить наши слабеющие силы. Ободрав добычу, я отрезал несколько кусков мяса, обмыл их в ручье, и за неимением огня мы ели его сырым. Сырое мясо очень невкусно, но мы были так голодны, что не обращали на это внимания.

Утолив голод, мы встали и вымылись у ручья. Пока мы спокойно занимались этим делом, не подозревая о грозившей опасности, Балека случайно взглянула наверх и в ужасе вскрикнула.

Там, на вершине холма, на близком расстоянии от нас, мы увидели шесть вооруженных людей нашего племени. То были дети моего отца Македамы, они все еще продолжали погоню за нами, чтобы убить нас. Воины уже заметили нас, испустили дикий крик и бросились бегом по направлению к нам. Мы тоже побежали с быстротой ланей, причем страх еще более ускорял наш бег.

Положение было такое. Перед нами находилось открытое место, оно простиралось вниз до самых берегов Белой Умфолози.

Река извивалась по равнине подобно огромной сверкающей змее. На ее противоположном берегу возвышалась гора, и мы не видели, что нас ожидает по ту сторону, но предполагали, что в этом направлении находится крааль Чаки.

Мы побежали к реке, да, впрочем, больше и некуда было деваться. За нами следом гнались воины.

Дикари понемногу настигали нас – они были сильны и очень озлоблены за то, что должны были забежать так далеко от своего крааля.

Мне было ясно, что, как бы скоро мы ни бежали, они настигнут нас. Мы приближались к берегу реки, она была широкая и полноводная. Выше нас течение воды было очень сильное, белые гребешки пены показывались на ее поверхности в тех местах, где вода мчалась над подводными камнями, а ниже крутился водоворот, который никто не мог переплыть, но напротив нас была глубокая яма, вода там казалась спокойней.

– Ах, Мопо, что нам делать? – задыхаясь, проговорила Балека.

– Выбирать одно из двух, – отвечал я, – или погибнуть от асsegая наших единоплеменников, или попытаться переплыть реку!

– Лучше утонуть в реке, нежели умереть под ударом асsegая! – ответила она.

– Хорошо! – сказал я. – Пусть же наш добрый гений придет нам на помощь и духи наших предков да будут с нами!

К счастью, мы оба хорошо плавали. Я подвел Балеку к самому краю реки. Мы бросили наши одеяла и все, что у нас было, кроме копья, которое я держал в зубах, и вошли в воду, продвигаясь вброд, насколько было возможно.

Вода уже доходила нам до груди, наконец ноги наши перестали касаться земли, и мы поплыли на середину реки вслед за собакой Коосом.

В эту минуту воины показались на берегу, сзади нас.

– Эге, молодцы! – закричал один из них. – Вы плывете? Ну ладно, так вы непременно утонете, а если не утонете, то мы знаем брод и все же поймем вас и убьем. Да, да, если нам придется бежать на край света за вами, то все же поймем вас!

С этими словами говоривший пустил в нас стрелу, которая сверкнула, как молния, но упала между нами.

Пока он говорил, мы быстро двигались вперед и уже попали в течение. Оно сильно относило нас вниз, но, несмотря на это, мы храбро, как хорошие пловцы, боролись с ним. Теперь дело обстояло так. Если течение не унесет нас вниз, к водовороту, и нам удастся добраться до противоположного берега, мы спасены, в противном случае мы пропали. Мы уже были совсем близко от берега, но, увы, так же близко и от пенящегося водоворота. Наконец я выбрался на небольшой утес около берега и оглянулся.

В восьми шагах от сестры бурно кипела вода. Я не мог вернуться к ней, так как чувствовал себя слишком утомленным, и, казалось, Балека должна была погибнуть. В эту минуту Коос заметил отчаянное положение. Верный пес с громким лаем подплыл к ней и повернулся головой к берегу. Балека схватила его за хвост, и собака напрягла все свои силы. Балека, со своей стороны, помогала ей ногами и левой рукой и медленно продвигалась вперед. И вот я уже мог протянуть ей конец моего асsegая, Балека схватилась за него левой рукой, ноги ее уже касались водоворота, но я и Коос тянули изо всех сил и благополучно вытащили ее на берег, где она упала в изнеможении. Когда воины на противоположном берегу увидели, что нам удалось переплыть реку, то дико закричали, посылая нам проклятия, и быстро побежали вдоль берега.

Я тотчас же уговорил утомленную девушку подняться, и мы начали взбираться на гору. Добравшись до верха, мы увидели вдали большой крааль.

– Мужайся, Балека, – сказал я. – Смотри, вот крааль Чаки!

– Я вижу, брат! Но что ожидает нас там? Смерть перед нами, смерть за нами – мы со всех сторон окружены ею!

В эту минуту мы дошли до тропинки, шедшей от брода через реку Умфолози к краалю. По ней, очевидно, прошло войско Чаки. Нам оставалось не более получаса пути, когда, оглянувшись, я заметил, что наши враги настигают нас. Их было теперь только пятеро, а шестой, вероятно, потонул при переправе через реку. Мы снова побежали, но силы наши все слабели, и преследователи быстро догоняли нас.

Тогда я снова вспомнил о собаке. Коос злобен и разорвет каждого, на кого я его натравлю. Я подозвал его и постарался объяснить ему, что требую от него, хотя и знал, что посылаю на верную смерть. Он понял и, весь оцетинившись, со страшным рычанием бросился на наших врагов. Те старались убить его копьями, но он бешено прыгал вокруг них, кусал кого попало и таким образом задерживал их бег. В конце концов один из них ударил пса по голове. Коос подпрыгнул, схватил его за горло и повис на нем – оба упали, вцепившись друг в друга. Кончилось тем, что борцы одновременно испустили дух.

Да! Это была удивительная собака! Таких собак больше не встретишь. Она происходила от бурской собаки, впервые появившейся в то время в нашей стране. Эта собака, отец мой, однажды справилась одна с леопардом. Так погиб мой верный Коос!

Тем временем мы продолжали бежать. Теперь мы уже находились шагах в трехстах от ворот крааля и могли заметить, что в нем происходило что-то необыкновенное. Остальные четыре воина, бросив труп товарища, быстро настигали нас.

Я понял, что они добегут до нас раньше, чем мы успеем дойти до ворот. Балека могла двигаться очень медленно. Мне пришла в голову такая мысль: я привел сюда Балеку и тем подверг ее смертельной опасности, теперь, если возможно, я сам спасу ее жизнь. Если она дойдет до крааля без меня. Чака не убьет такую молодую и красивую девушку.

– Беги, Балека! Беги! – крикнул я, бросаясь назад.

Бедная Балека почти ослепла от усталости и страха и, не подозревая моего намерения, продолжала медленно продвигаться к воротам. Я же присел на траву перевести дух, прежде чем вступить в борьбу с четырьмя врагами, с твердым намерением бороться до тех пор, пока меня не убьют.

Сердце мое сильно билось, и кровь ударяла в голову, но когда воины приблизились ко мне и я встал с копьем в руках, кровавая скатерть снова заколыхалась перед моими глазами и всякий страх покинул меня. Враги мои бежали попарно, на расстоянии полета копья между ними, но при этом в первой паре один был впереди на пять или шесть шагов. Он дико крикнул и бросился на меня с поднятым копьем и щитом. У меня не было щита, не было ничего, кроме ассега, но я был хитер. Вот он приблизился ко мне, я стоял, выжидая, пока он не занес копья надо мной, тогда я внезапно бросился на колени и направил удар ниже края его щита. Он тоже нанес мне удар, но промахнулся, копье его только разрезо мне плечо. Видишь, вот шрам! Мое копье попало в цель и прокололо его насквозь. Он упал и бешено катался с ним по земле. Зато я теперь был безоружен, рукоятка моего копья разломилась надвое, и в моих руках остался только короткий кусок палки. Тем временем другой враг уже спешил ко мне! Он показался мне ростом с целое дерево. Я уже считал себя мертвым, потому что никакой больше надежды не осталось, тьма готовилась поглотить меня. Но вдруг в этой тьме блеснул свет. Я бросился плашмя на землю и повернулся на бок. Тело мое ударилось о ноги моего врага с такой силой, что он потерял равновесие и со всего размаху полетел кувырком, не успев ударить меня копьем. Раньше, чем он коснулся земли, я уже вскочил на ноги. Копье выскочило из его рук. Я нагнулся, схватил его и, пока он вставал, пронзил оружием в спину.

Все это произошло за несколько секунд, отец мой, а он уже упал мертвый.

Тогда я пустился бежать и шагах в восьмидесяти от крааля нагнал сестру. В этот момент она упала на землю. Теперь меня, наверное, убили бы, если бы оставшиеся два врага на минуту

не остановились около своих мертвых товарищей, и хотя теперь снова бросились за мной с удвоенною яростью, но было уже поздно. Как раз в это время ворота крааля распахнулись, из них вышли несколько воинов, волоча за руки пленника. За ними показался высокий человек со шкурой леопарда на плечах, он громко смеялся; вслед за ним выступили пять или шесть его приближенных, шествие замыкалось еще партией воинов. Все сразу поняли, в чем дело, и подбежали к нам как раз в ту минуту, когда наши враги настигли нас.

– Кто вы такие? – закричали они. – Кто осмеливается убивать у ворот крааля Слона? Здесь убивает только сам Слон!

– Мы дети Македамы, – отвечали они, – преследуем злодеев, совершивших убийство в нашем краале. Смотрите, вот сейчас двое из нас погибли от их руки, а еще двое других лежат мертвыми на дороге. Разрешите нам убить их!

– Спросите у Слона! – отвечали воины. – Да, кстати, просите, чтобы он позволил не убивать вас самих!

Как раз в это время высокий вождь увидел кровь и услышал слова спутников.

Он гордо выпрямился.

Действительно, на него стоило посмотреть. Несмотря на молодость, он был на голову выше всех окружающих, ширины его грудной клетки хватило бы на двух, лицо его было красиво, хотя и свирепо, глаза горели, как уголья.

– Кто эти люди, дерзнувшие поднять пыль у ворот моего крааля? – спросил он, нахмутив брови.

– О, Чака! О, Слон! – ответил один из военачальников, склоняясь перед ним до земли. – Эти люди говорят, что они преследуют злодеев и хотят умертвить их!

– Прекрасно! – сказал он. – Пусть они убьют злодеев!

– О, великий вождь! Благодарение тебе, великий вождь! – закричали наши обрадованные единоплеменники.

– Когда они убьют злодеев, – продолжал Чака, – пусть им самим выколют глаза и выпустят на свободу искать дорогу домой за то, что осмелились поднять копье перед воротами великого племени зулусов. Ну, что же, продолжайте восхвалять меня, дети мои!

Он дико захохотал, а воины тихо шептали:

– О, он мудр! Он велик! Его справедливость ясна и страшна, как солнце.

Однако люди моего племени заплакали от страха, они вовсе не искали такой справедливости.

– Отрежьте им также языки! – продолжал Чака. – Что? Неужели страна зулусов потерпит такой шум? Никогда! Разве лишь в том случае, когда стада их разбегутся. Начинайте! Эй вы, чернокожие! Вот там лежит девушка, она спит и беспомощна. Убейте ее! Что? Вы колеблетесь? Хорошо! Если вам нужно время на размышление, я даю его вам. Возьмите этих людей, обмажьте их медом и привяжите к муравьиным кучам – завтра с восходом солнца они скажут нам, что думают! Начните с того, что убейте этих двух затравленных шакалов! – И он указал на меня и Балеку. – Они, кажется, очень устали и нуждаются в отдыхе!

Тогда я заговорил в первый раз. Воины уже приближались к нам, чтобы исполнить приказание Чаки.

– О, Чака, – воскликнул я, – меня зовут Мопо, а это сестра моя Балека!

Я остановился. Громкий взрыв хохота раздался вокруг меня.

– Прекрасно! Мопо и сестра твоя Балека! – угрюмо сказал Чака. – Здравствуйте, Мопо и Балека, а также прощайте!..

– О, Чака! – прервал я его. – Я Мопо, сын Македамы из племени лангени. Я дал тебе кружку воды много лет тому назад, когда мы оба были мальчиками. Тогда ты сказал мне, чтобы я пришел к тебе, когда ты будешь могущественным вождем, ты обещал защитить меня и нико-

гда не причинять мне зла. Вот я пришел и привел с собой сестру. Прошу тебя, не отрекайся от своих слов, сказанных много лет тому назад!

Пока я говорил, лицо Чаки заметно изменилось – он слушал меня очень внимательно.

– Это не ложь, – сказал он. – Приветствую тебя, Мопо! Ты будешь собакой в моем шалаше, я буду кормить тебя из рук. Но о сестре твоей я ничего не говорил. Отчего же ей не быть убитой, раз я поклялся отомстить всему племени, кроме тебя одного?

– Потому что она слишком прекрасна, чтобы убивать ее, о, вождь! – отвечал я храбро. – А также потому, что я люблю ее и прошу ее жизни, как милости!

– Поверните девушку сюда лицом! – сказал Чака.

Приказание его было немедленно исполнено.

– Опять ты сказал правду, сын Македамы. Я жалею тебе этот подарок. Она тоже поселится в моем шалаше и будет одной из моих сестер. Теперь расскажи мне твою историю, но смотри, говори одну правду!

Я сел на землю и рассказал все, как было. Когда я кончил, Чака сказал, что очень жалеет о смерти Кооса. Если бы он был жив, Чака послал бы его на крышу шалаша Македамы, отца моего, и сделал бы его вождем племени лангени.

Затем он обратился к своему военачальнику:

– Я беру свои слова назад. Не нужно изувечивать этих людей из племени лангени. Один умрет, а другому будет дана свобода. Вот, Мопо. – И он указал на человека, которого перед тем выводили за ворота. – Ты видишь перед собой человека, показавшего себя трусом. Вчера уничтожен был по моему приказанию крааль колдунов-чародеев, быть может, он попался вам на пути сюда. Этот человек и трое других напали на воина того крааля, защищавшего свою жену и детей. Он храбро дрался и убил трех из моих людей. Тогда эта собака побоялась встретиться с ним лицом к лицу, он метнул в него ассегам, после чего заколол его жену. Это последнее не важно, но он должен был сразиться с мужем этой женщины в рукопашном бою. Теперь я хочу сделать ему великую честь. Он будет бороться насмерть с одной из свиней твоего хлева. – Он указал копьем на людей моего племени. – А тот, кто останется в живых, пусть бежит – за ним будут гнаться так же, как они гнались за тобой. Эту вторую свинью я отсылаю в хлев с костью от меня. Ну, выбирайте между собой, дети Македамы, кто из вас останется в живых?

Люди моего племени были братьями и любили друг друга, а потому каждый из них готов был умереть, чтобы дать свободу другому.

Оба разом выступили вперед, выражая готовность на единоборство с зулусом.

– Что? Неужели и у свиней есть честь? – насмешливо спросил Чака. – В таком случае я сам решу этот вопрос. Видите этот ассегай? Я подброшу его вверх – если он упадет клинком кверху, тот, кто из вас выше ростом, получит свободу, а если же он упадет рукояткой книзу, то свободу получит тот, кто меньше!

С этими словами он подбросил ассегай. Глаза всех напряженно следили за тем, как оружие закружилось в воздухе и упало рукояткой на землю.

– Поди сюда ты! – обратился Чака к тому, кто был повыше. – Спешి назад в крааль Македамы и скажи ему: «Так говорит Чака, Лев зулусов. Много лет тому назад твое племя отказалось дать мальчику Чаке кружку молока, сегодня собака сына твоего, Мопо, воет на крыше твоего шалаша». Ступай!

Человек обернулся, пожал руку своему брату и ушел, унося с собой дурное предзнаменование. Затем Чака обратился к зулусу и к воину моего племени, приказав начать единоборство.

Воздав хвалу могущественному вождю, они начали яростно бороться, причем мой единоплеменник победил зулуса. Едва он успел перевести дух, как должен был пуститься бежать, а за ним погнались пять людей Чаки. Однако моему единоплеменнику удалось убежать от них, он скакал, как заяц, и благополучно ушел от них. Чака не рассердился, я думаю, что он сам приказал своим воинам не особенно торопиться. В жестоком сердце Чаки была одна хорошая

черта: он всегда готов был спасти жизнь храброго человека, если мог это сделать, не умаляя своего достоинства. Что касается меня, то я был очень рад тому, что мой единоплеменник победил того, кто так зверски убил детей бедной женщины в краале за рекой.

Глава 5. Мопо становится Целителем короля

Теперь ты знаешь, отец мой, при каких обстоятельствах моя сестра Балека и я, Мопо, поселились в краале Чаки, по прозванию Лев зулусов.

Ты, может быть, спросишь меня, отчего я так долго остановился на этом рассказе, столь похожем на все рассказы наших племен? Это ты увидишь впоследствии, так как из этих обстоятельств произошла подобно тому, как происходит дерево из семени, история рождения Булалио Умслопогааса – Умслопогааса Убийцы и Нады Прекрасной, – историю любви которых я хочу вам рассказать.

Дело в том, что Нада была моей дочерью, а Умслопогаас, что известно лишь немногим, был не кто иной, как сын короля Чаки, рожденный от сестры моей Балеки.

Когда Балека оправилась от усталости, ее прежняя красота вернулась, и Чака взял ее в жены, в число женщин, которых он называл сестрами. Что касается меня, то Чака взял меня в число своих целителей и так остался доволен моими медицинскими познаниями, что со временем возвел меня в звание главного целителя. Это был важный пост, в течение нескольких лет у меня появилось много жен, и я стал обладателем большого количества скота. Но звание это влекло за собой большую опасность. Встав утром здоровым и сильным, я не мог быть уверен, что ночью не буду представлять из себя окоченелый труп. Многих своих целителей Чака убивал таким образом. Как бы хорошо они его ни лечили, их постигала одна участь. Неминуемо приходил такой день, когда король чувствовал себя нездоровым или не в духе и принимался за истязание своего целителя. Мне же удалось избежать такой участи: во-первых, благодаря моим медицинским способностям, а во-вторых, в силу клятвы, данной мне Чакой, когда мы оба были детьми.

Дело дошло до того, что, куда бы ни шел король, за ним следовал и я. Я спал рядом с его шалашом, сидел за ним во время совета, в битве я находился всегда при нем. О, эти битвы! Эти битвы! В те времена люди умели сражаться, отец мой. В те дни коршуны тысячами сопровождали наши войска, гиены стаями ходили по нашим следам, и все были удовлетворены. Никогда не забуду я первой битвы, во время которой я находился рядом с Чакой. Это было вскоре после того, как король построил себе новый крааль на берегу реки Умлатуза. В это самое время вождь Звиде в третий раз пошел войной на своего соперника. Чака выступил ему навстречу с десятью отрядами⁹, впервые вооруженными короткими копьями. План местности был таков: на длинном отлогом холме, как раз напротив нашего войска, расположились отряды Звиде – их было семнадцать. От этой массы чернокожих сама земля казалась черной. Мы тоже расположились на противоположном холме, нас разделяла небольшая долина с ручьем посередине.

Всю ночь наши костры освещали долину, всю ночь песни воинов раздавались на холмах. Наступил рассвет. Волы замычали, войска начали подыматься, воины бодро вскакивали на ноги, стряхивая утреннюю росу с волос и щитов. Да! Они вставали! Вставали и радостно готовились идти на верную смерть. Отряды один за другим становились в боевой порядок. Утренний ветерок своим легким дуновением освежал их. Перья, украшавшие их головы, слегка колебались – эти перья склонялись, как поле засеянной травы, уже готовой к жатве. За холмом загоралась заря смерти.

Она отражалась красным светом на медно-красных щитах. Место битвы тоже приняло красный оттенок. Белые перья вождей, казалось, тоже окрасились багровым цветом. Они знали значение этого цвета, они видели в том предзнаменование смерти – и что же? Храбрецы смеялись от радости при мысли о приближавшейся битве. Что такое смерть?

---

⁹ Около тридцати тысяч человек. – Примеч. авт.

Разве нехорошо умереть под ударом копья? Что такое смерть? Разве не счастье умереть за своего короля? Смерть есть оружие победы! Победа будет невестой каждому из них в эту ночь. О! Как нежна ее грудь! Чу! Раздается воинственная песнь «Ингомо», звуки которой приводят в исступление бойцов. Она сначала звучит слева и, как меч, перекачивается от одного отряда к другому.

Вдруг Чака гордо выступил из рядов в сопровождении меня и своих военачальников. Он гордо ступал, как большой олень, в глазах его отражалась смерть, он втягивал в себя воздух, раздувая ноздри, и в воздухе этом носились смерть и убийство. Но вот он поднял свое копье, и сразу наступило полное молчание, только звуки песни еще перекачивались по вершинам холмов.

– Где же дети Звиде? – громким голосом закричал он голосом, похожим на рев быка.

– Там, внизу, отец! – отвечали воины.

Копье каждого воина указало на долину.

– Что же они не выступают? – снова закричал он. – Не стоять же нам здесь до старости!

– О, нет, отец! – ответили все сразу. – Начинай! Начинай!

– Пусть отряд умкандлу выступит вперед! – закричал он в третий раз.

Лишь только он произнес эти слова, черные щиты умкандлу выдвинулись из рядов войска.

– Идите, дети мои! – воскликнул Чака. – Вот неприятель. Идите и больше не возвращайтесь!

– Мы внемлем, отец! – ответили они в один голос и двинулись по откосу подобно бесчисленному стаду со стальными рогами.

Вот они перешли поток, и только тогда Звиде как бы проснулся. Ропот пронесся по его войску, копья засверкали в воздухе.

У-у, вот они идут! У-у, они встретились. Слышен гром их щитов! Слышны звуки воинственной песни!

Ряды колышутся взад и вперед. Умкандлу отступают – они бегут! Они кидаются назад через поток, правда, их только половина – остальные мертвы. Рев ярости раздается в рядах войска, один только Чака улыбается.

– Расступитесь! Расступитесь! Дайте дорогу красным девицам умкандлу!

И с поникшими головами они проходят назад.

Чака шепотом говорит несколько слов своим приближенным. Они бегут и также шепотом передают приказание Менциве-полководцу и остальным начальникам отрядов.

Вслед за этим два отряда стремительно спускаются с холма, другие два отряда бегут направо, а еще два отряда – налево. Чака стоит на холме с тремя остальными.

Снова раздается звук сталкивающихся щитов. Вот это люди! Они бьются! Они не бегут! Один неприятельский отряд за другим кидается на них, а они все стоят. Они падают сотнями, тысячами, но ни один не бежит, и на каждом из павших лежат по два мертвых тела. Ого! Отец мой, из этих двух отрядов ни один воин не остался в живых. Это были все мальчики, но все дети короля Чаки. Сам Менцива погребен под горами своих мертвых воинов. Теперь больше нет таких людей. Вот они убиты, все успокоились.

Однако Чака все еще стоит с поднятой рукой. Он зорко оглядывает и север, и юг. Смотри! Копья блестят среди листвы деревьев.

Передние ряды нашего войска сошлись с крайними отрядами неприятельского. Они убивают, и их убивают, но воины Звиде многочисленны и храбры! Мы начинаем терять слишком много воинов.

Тогда Чака опять говорит одно слово. Военачальники слышат его, воины вытягивают шеи, чтобы лучше услышать.

Вот оно раздается наконец:

– Вперед, дети племени зулусов!

Слышны рев, топот ног, копья сверкают, перья развеваются, и подобно реке, выступающей из берегов, или тучам перед бурей мы обрушиваемся без разбора на друзей и врагов. Они спешно строятся, готовясь встретить нас. Но поток уже пролетел, раненые приподнимаются и подбадривают нас. Мы топчем все на пути своем. Что нам до них? Они не могут больше биться. Навстречу нам стремится Звиде, мы сталкиваемся подобно двум стадам разъяренных быков.

О! Отец мой! Больше я ничего не помню. Все окрасилось в багровый цвет. О, эта битва! Эта битва!

Мы отбросили их, но когда нам удалось одолеть врага, ничего не было видно – откос холма, казалось, пылал и чернел. Немногие спаслись бегством, да почти некому было и бежать. Мы пронеслись над ними, как огонь, и уничтожили. Наконец мы остановились, ища взором врага. Все были мертвы.

Войска Звиде не существовало больше. Началась перекличка.

Десять отрядов видели восход солнца, и лишь три видели его закат: остальные были там, где солнце уже не светит.

Таковы бывали битвы во времена короля Чаки!

Вы спрашиваете, что случилось с отрядом, обратившимся в бегство? Я сейчас скажу вам, отец мой!

Когда мы вернулись в наш крааль, Чака призвал этот отряд и сделал перекличку. Он говорил с ними ласково, благодарил за службу, прибавив, что находит естественным, что «девушкам» делается страшно при виде крови и что они бегут назад в свои краали. Тем не менее он приказал им не возвращаться, а они все же вернулись!

Что же ему делать?

С этими словами Чака закрыл лицо руками.

Тогда воины убили их всех, около двух тысяч человек, убили, осыпая насмешками и упреками!

Вот как поступали в те времена с трусами, отец мой. После такого примера против одного зулуса вступало в борьбу не менее пяти воинов всякого другого племени! Если бы даже десять человек вышли на него, то и тогда он не обратился бы в бегство. «Бейтесь и падайте – но не бегите!» – таков был наш девиз.

Никогда больше при жизни короля Чаки побежденный отряд не переступал врат королевского крааля. Эта битва была лишь одной из многих.

С каждым новолунием свежее войско отправлялось обмывать свои мечи.

Возвращались лишь немногие, но всегда с победой и бесчисленным множеством захваченного скота. Избежавшие асsegая составляли новые отряды, и хотя ежемесячно умирали тысячи, но войско короля Чаки все-таки росло.

Вскоре Чака остался единственным вождем в стране. Умсудука пал, а за ним и Мансенгега, Умциликази отогнали далеко к северу, Мастеване совершенно уничтожили. Тогда мы ринулись в эту сторону – в Наталь.

Когда мы появились здесь, нельзя было счесть народа, когда мы ушли, кое-где можно было встретить человека, прячущегося в пещере, – вот и все!

Мужчин, женщин, детей – всех стерли с лица земли, никого не осталось в стране. Затем настал черед Уфаку – вождя амапондосов.

Ах, где-то теперь Уфаку?

И так продолжалось и продолжалось, и наконец сами зулусы устали воевать, самые острые мечи затупились.

Глава 6. Рождение Умслопогааса

Чака не имел живых детей, несмотря на то что у него было много жен. Таково было правило его жизни. Каждого ребенка, рождавшегося от одной из его «сестер», немедленно убивали, так как Чака опасался, чтобы его сын не сверг его и не лишил власти и жизни.

Вскоре после рассказанных событий сестре моей Балеке, жене короля, пришло время родить, и в тот же день жена моя Макрофа разрешилась близнецами. Это случилось через восемь дней после того, как Анали, моя вторая жена, родила сына.

Когда король узнал о «болезни» Балеки, он не приказал тотчас же умертвить ее, потому что немного и по-своему любил ее. Он послал за мной и приказал мне быть при ней, а когда ребенок родится, принести показать его труп, согласно обычаю, по которому он лично должен был убедиться в его смерти.

Я склонился перед ним до земли и с тяжелым сердцем пошел исполнять его приказание.

Но приходилось покориться, зная непреклонность Чаки, не допускавшего неповиновения.

Я отправился в эмпозени – местопребывание королевских жен, и объявил приказание короля стоявшей у входа страже. Воины подняли свои копья и пропустили меня, я вошел в шалаш Балеки. В нем находились и другие королевские жены, но при виде меня женщины встали и ушли; закон не позволял им оставаться в моем присутствии. Таким образом я остался наедине с сестрой. Несколько минут Балека лежала молча, по волнению ее груди я заметил, однако, что она плачет.

– Потерпи, милая! – сказал я наконец. – Скоро страдания твои кончатся!

– О, нет, – ответила она, поднимая голову, – только начнутся. О, жестокий человек! Я знаю, зачем ты пришел: умертвить моего будущего младенца!

– Ты знаешь сама – такова воля короля!

– А! Воля короля! А что мне до воли короля? Разве я сама не имею голоса в этом?

– Да ведь это ребенок короля!

– Это ребенок короля – правда, но разве он также и не мой ребенок? Неужели мое дитя должно быть оторвано от груди и задушено, и кем же? Тобой, Мопо! Не я ли бежала с тобой, спасая тебя от злобы нашего народа и мести отцовской? Знаешь ли ты, что два месяца тому назад король разгневался на тебя, когда заболел, и, наверное, умертвил бы тебя, если бы я не заступилась и не напомнила ему о клятве? И вот как ты отплачиваешь мне! Ты приходишь убить мое дитя, моего первенца!

– Я исполняю приказание короля! – отвечал я угрюмо, но сердце мое разрывалось на части.

Балека больше ничего не сказала, но, отвернувшись лицом к стене, горько плакала и стонала. Тем временем я услышал шорох у входа в шалаш, и свет в дверях заслонила входящая фигура. Вошла женщина. Я обернулся посмотреть на нее и сразу упал, кланяясь до земли. Передо мной стояла Унанди, мать короля, по прозванию Мать Небес, – та самая женщина, которой моя мать отказалась дать молока.

– Здравствуй, Мать Небес! – приветствовал я ее.

– Здравствуй, Мопо, – отвечала она. – Скажи, почему плачет Балека? Оттого ли, что она мучается родами?

– Спроси ее сама, великая мать вождя! – сказал я.

Тогда Балека заговорила прерывающимся голосом:

– Я плачу, царица мать, потому что этот человек, брат мой, пришел от того, кто мой господин, от твоего сына, чтобы умертвить моего будущего ребенка. О, Мать Небес, ты сама кормила грудью, заступись за меня! Твоего сына не убили при рождении!

– Кто знает, Балека? Может быть, было бы и лучше, если бы и его убили! – грустно сказала Унанди. – Тогда бы многие из тех, кто теперь уже мертв, были бы живы!

– Но по крайней мере ребенком он был добр и ласков, и ты могла любить его, Мать зулусов!

– Никогда, Балека! Ребенком он кусал мне грудь и рвал мои волосы. Каков человек сейчас – таков был и ребенок!

– Да! Но ребенок его может быть не таким. Мать Небес! Подумай, у тебя нет внука, который будет беречь тебя на старости лет. Неужели ты допустишь иссякнуть твоему роду? Король, наш властелин, постоянно подвергается опасностям войны. Он может умереть, и что тогда?

– Что тогда? Корень Сензангаконы не иссяк. Разве у короля нет братьев?

– Но они не твоей плоти и крови. Мать! Как? Ты не хочешь даже слушать меня? Тогда я обращаюсь к тебе, как женщина к женщине. Спаси мое дитя или убей меня вместе с ним!

Сердце Унанди дрогнуло. Слезы показались на ее глазах.

– Как бы это сделать, Мопо? – обратилась она ко мне. – Король должен видеть ребенка мертвым, если же он заподозрит обман, а ты знаешь, и тростник имеет уши, то... Тебе известно сердце Чаки, и ты сам понимаешь, где будут лежать наши кости завтра!

– Неужели нет других новорожденных в стране зулусов? – сказала Балека, приподнявшись на постели и говоря шепотом, похожим на шипение змеи. – Мопо, твоя жена тоже должна была родить? Послушайте же меня – ты, Мать Небес, и ты, брат, слушай тоже. Не думайте шутить со мной. Я или спасу моего ребенка, или вы оба погибнете вместе с ним. Я скажу королю, что вы приходили ко мне оба и нашептывали мне заговор – спасти ребенка, а короля убить. Теперь выбирайте, и скорее!

Она откинулась навзничь, мы молча переглядывались. Наконец Унанди первая заговорила:

– Дай мне руку, Мопо, и поклянись, что ты будешь верен в сохранении этой тайны, так же, как и я клянусь тебе. Быть может, придет день, когда этот ребенок, еще не видевший света, будет королем страны зулусов, тогда в награду за сегодняшнюю услугу ты будешь первым человеком среди народа, голосом короля, его наперсником! Если же ты не сдержишь клятвы, берегись! Я умру не одна!

– Клянусь, Мать Небес! – ответил я.

– Хорошо, сын Македамы!

– Хорошо, брат мой! – сказала Балека. – Теперь иди и скорее делай все, что нужно. Я чувствую приближение родов. Иди и знай, что в случае неудачи я буду безжалостна и добьюсь твоей смерти хотя бы ценой моей собственной жизни!

Я вышел из шалаша.

– Куда идешь? – спросила меня стража.

– Иду за лекарствами, слуги королевские! – ответил я.

Так я сказал, но на душе моей было тяжело, и я задумал бежать из страны зулусов.

Я не мог и не смел сделать то, что от меня требовали. Неужели же я могу убить своего собственного ребенка, отдать его жизнь ради спасения жизни ребенка Балеки? Могу ли я пойти против воли короля и спасти ребенка, осужденного им на смерть? Нет, это невозможно! Я убегу, оставлю все и буду искать племя, жилище где-нибудь в стороне, там я начну жизнь сначала. Здесь я жить больше не могу. Здесь, около Чаки, ничего не найти, кроме смерти.

Размышляя таким образом, я дошел до своего шалаша и узнал, что жена моя, Макрофа, только что разрешилась двойней. Я выслал из шалаша всех, кроме Анади, неделю тому назад давшей мне сына. Второй ребенок из двойни был мальчик и родился мертвым. Первой родилась девочка, известная впоследствии под именем Нады Прекрасной – Нады Лилии. Внезапная мысль озарила меня – вот где выход из моего положения.

– Дай-ка мне мальчика, – сказал я Анади. – Он не умер. Дай его мне, я вынесу его за ворота крааля и верну к жизни моими лекарствами!

– Это бесполезно, ребенок мертвый! – воскликнула Анади.

– Давай мне его, когда я приказываю! – закричал я свирепо.

Она подала мне труп ребенка.

Я взял его, завернул в узел с лекарствами и все вместе обернул циновкой.

– Не впускайте никого до моего возвращения, – сказал я, – и не говорите никому ни слова о ребенке, которого вы считаете мертвым! Если впустите кого-нибудь или скажете слово, мое лекарство не поможет и ребенок действительно умрет!

С этими словами я вышел. Жены мои недоумевали. У нас не было в обычае оставлять в живых обоих детей, когда рождалась двойня. Тем временем я поспешно бежал к воротам эмпозени.

– Я несу лекарства, слуги королевские! – объяснил я страже.

– Проходи, – ответили они.

Я прошел ворота и направился к шалашу Балеки. Около нее сидела Унанди.

– Ребенок родился! – сказала мне мать короля. – Взгляни на него, Мопо, сын Македамы!

Я взглянул. Ребенок был крупный, с большими черными глазами, как у Чаки. Мать короля, Унанди, вопросительно смотрела на меня.

– Где же он? – шепотом спросила она.

Я развернул циновку и вынул мертвого ребенка, со страхом оглядываясь вокруг.

– Дайте мне живого! – в свою очередь, шепнул я.

Она передала мне ребенка. Я выбрал в своих лекарствах снадобье и натер им язык ребенка. Это снадобье имело свойство заставить онеметь язык на некоторое время. Затем я завернул ребенка в узел с лекарствами и снова обмотал его циновкой.

Вокруг шеи мертвого ребенка я завязал шнурок, которым будто бы задушил его, и слегка завернул его другой циновкой.

Теперь я в первый раз обратился к Балеке:

– Послушай, женщина, и ты, Мать Небес, я исполнил ваше желание, но знайте, что еще раньше, чем я доведу до конца это дело, оно будет стоять жизни многих людей. Будьте безмолвны, как могила, она широко разверзается перед вами обеими! – Я ушел, унося в правой руке циновку с завернутым в нее мертвым ребенком. Узел с лекарствами, где лежал живой, был привязан к плечам.

Я вышел из спальни и, проходя мимо стражи, молча развернул перед ними циновку.

– Ладно! – сказали они, пропуская меня.

Но с этой минуты начались мои неудачи. Как только я вышел за ворота, меня встретили три посланных от короля.

– Король зовет тебя в интункулу! – Так называется жилище короля, отец мой.

– Хорошо, – ответил я, – сейчас приду, но сперва я забегу к себе взглянуть на мою жену Макрофу. Вот у меня в руках то, что нужно королю! – При этом я показал им мертвого ребенка. – Отнесите его к королю!

– Король не давал нам такого приказания, Мопо! – отвечали они. – Он приказал, чтобы ты сию же минуту явился сам к нему!

Кровь застыла в моих жилах. У короля много ушей. Неужели он уже знает? И как я осмелюсь явиться к королю с живым ребенком за спиной? Я чувствовал в то же время, что всякое колебание послужит моей гибели, так же как изъятие страха или смущение.

– Хорошо! Идем! – ответил я, и мы вместе направились к воротам интункулу.

Надвигались сумерки. Чака сидел в маленьком дворике перед своим шалашом. Я на коленях подполз к нему, произнося обычное королевское приветствие «Байет!» и оставаясь в таком положении, ждал.

– Встань, сын Македамы! – сказал король.

– Не могу встать, Лев зулусов! – отвечал я. – Я не могу встать, имея в руках королевскую кровь, пока король не дарует мне прощения!

– Где он? – спросил Чака.

Я указал на циновку в моих руках.

– Покажи!

Я развернул. Чака взглянул на ребенка и громко рассмеялся.

– Он мог бы быть королем! – сказал он, приказав одному из своих приближенных унести труп. – Мопо, ты умертвил того, кто мог бы царствовать. Тебе не страшно, Мопо?

– Нет, король! – ответил я. – Ребенок умерщвлен по приказанию того, кто сам король!

– Сядь-ка, потолкуем. Завтра ты получишь в награду пять быков, ты можешь сам выбрать их из королевского стада!

– Король добр, он видит, что пояс мой туго стянут, он хочет утолить мой голод. Позволишь ли мне, король, удалиться? Моя жена Макрофа родит, и я хотел бы навестить ее!

– Нет, посиди немного, скажи, что делает Балека, моя сестра и твоя?

– Все благополучно! – ответил я.

– Не плакала ли она, когда ты взял у нее ребенка?

– Нет, не плакала. Она сказала: воля моего властелина пусть будет моей волей!

– Хорошо. Если бы она плакала, то тоже была бы убита. Кто же был при ней?

– При ней была Мать Небес!

Чака нахмурил брови.

– Унанди, моя мать? Зачем она там была? Клянусь, хотя она и моя мать, если бы я думал... – И Чака остановился. На минуту он замолк и затем продолжил: – Скажи-ка, что у тебя в этой циновке? – Он указал концом своего ассегая на узел за моими плечами.

– Лекарства, король!

– Ты носишь с собой такое количество лекарств? Да их хватило бы на целое войско. Разверни циновку и покажи, что в ней!

Скажу вам откровенно, отец мой, что от ужаса у меня кровь застыла в жилах. Если бы я открыл циновку и он увидел ребенка, тогда...

– Это тагати, оно заколдовано, мой повелитель. Не следует смотреть лекарства!

– Открой, говорю тебе! – возразил он гневно. – Что? Я не могу видеть то, что должен плотать? Я, величайший из королей?

– Смерть есть лекарство королей! – ответил я, взяв в руки узел, и положил его как можно дальше от него, в тени изгороди. Затем нагнулся, медленно развязывая веревки. Капли пота текли по моему лицу, подобно каплям слез. Что делать, если он увидит ребенка? А что, если ребенок проснется и закричит? Я должен буду вырвать копье из рук короля и ударить его. Да, решено! Я убью короля и затем себя самого. Наконец циновка была развязана. Сверху лежали коричневые корни целебных трав, а под ними бесчувственный ребенок, завернутый в мох.

– Скверная штука! – сказал король, нюхая щепотку табаку. – Смотри-ка, Мопо, какой у меня верный глаз! Вот тебе и твоим лекарствам! – С этими словами он поднял ассегай и намеревался пронзить им узел, но в эту минуту, когда он прицелился, мой добрый змей внушил королю чихнуть, и вследствие этого копье пронзило только листья моих целебных трав, не задев ребенка.

– Да благословит небо короля! – сказал я, как того требовал обычай.

– Спасибо, Мопо, это хорошее пожелание, – сказал король. – А теперь убирайся! Следуй моему совету. Убивай своих, как я убиваю своих. Я делаю это для того, чтобы они не надоедали мне. Поверь мне, лучше потопить детенышей льва!

Я поспешно завернул узел, руки мои дрожали. О, если бы в эту минуту ребенок проснулся и закричал! Наконец я завязал узел, встал, поклонился королю и, согнувшись вдвое, прошел

мимо него. Не успел я переступить ворота интункулу, как ребенок начал пищать. О, если бы это случилось минутой раньше!

– Что это, – спросил меня один из воинов, – спрятано у тебя под поясом, Мопо?

Я не отвечал и бежал, не останавливаясь, до своего шалаша. Когда я вошел, обе мои жены были одни.

– Я вернул ребенка к жизни! – сказал я, развязывая узел.

Анади взяла ребенка и стала его разглядывать.

– Мальчик кажется мне больше, чем был!

– Дыхание жизни вошло в него и раздуло его! – объяснил я.

– И глаза его совсем другие, – продолжала Анади. – Теперь они большие и черные, похожие на глаза короля!

– Дух мой глянул в них и сделал их красивыми! – ответил я.

– У этого ребенка родимое пятно на бедре. У моего, что я дала тебе, такого знака не было!

– Я прикладывал лекарства к этому месту! – ответил я.

– Нет, это другой ребенок, – сказала она угрюмо. – Это подмененное дитя, оно принесет несчастье нашему дому!

Тогда я вскочил в ярости и проклял ее, я понял, что, если я не остановлю ее, язык этой женщины погубит нас.

– Замолчи, колдунья! – крикнул я. – Как ты смеешь так говорить? Ты хочешь навлечь проклятие на наш дом! Ты хочешь сделать нас всех жертвами королевского гнева! Повтори еще твои слова – и ты сядешь в круг, ингомбоко сочтет тебя за колдунью!

Я продолжал браниться, угрожая ей смертью, пока она не испугалась и, бросившись к моим ногам, молила о прощении.

Признаюсь, однако, я очень боялся языка этой женщины, увы – не напрасно!

Глава 7. Умслопогаас отвечает королю

Прошло несколько лет, и об этом происшествии, казалось, все забыли, но это только казалось. О нем не говорили, но и не забыли, и скажу тебе, отец мой, я очень боялся того часа, когда о нем вспомнят.

Тайна была известна двум женщинам: Унанди, Матери Небес, и Балеке, сестре моей, жене короля. Другие две – мои жены, Макрофа и Анали, подозревали ее. При таких условиях тайна не могла быть сохранена навсегда. К тому же Унанди и Балека не сумели скрыть свою нежность к ребенку, который назывался моим сыном, но, в сущности, был сыном короля Чаки и сестры моей Балеки и, таким образом, приходился внуком Унанди.

Частенько то та, то другая заходили в мой шалаш под предлогом посещения моих жен, брали ребенка на руки и ласкали его. Напрасно просил я их воздерживаться от этих знаков особенного внимания к нему, любовь к ребенку брала верх, и они все-таки приходили. Кончилось тем, что Чака однажды увидел мальчика, сидящим на коленях своей матери Унанди.

– Какое дело моей матери до твоего мальчишки, Мопо? – спросил он меня угрюмо. – Разве она не может целовать меня, если ей так хочется ласкать ребенка? – И Чака дико расхохотался.

Я ответил, что не знаю, и все на время затихло. Но с этого дня Чака приказал следить за своей матерью.

Тем временем Умслопогаас из мальчика превратился в здорового крепкого отрока, подобного ему не было далеко вокруг. С самого детства характер мальчика был немного угрюм, он говорил мало и подобно отцу своему, Чаке, не знал чувства страха. Он любил только двух существ на свете – меня, Мопо, которого называл отцом, и Наду, считавшуюся его сестрой-близнецом.

Надо сказать, что если среди мальчиков Умслопогаас выделялся силой и храбростью, то Нада была прелестной, самой красивой девочкой.

Скажу тебе откровенно, отец мой, мне кажется, она не была чистокровной зулуской, хотя поручиться в этом не могу. Во всяком случае, глаза ее были нежнее и больше, чем у женщин нашего племени, волосы длиннее и менее курчавы, и цвет лица, ближе подходящий к цвету чистой меди. В этом отношении она вся была в мать свою, Макрофу, хотя красивее матери – красивее всех виденных мной женщин. Мать ее Макрофа, жена моя, принадлежала к племени свази и попала в крааль короля Чаки вместе с другими пленными после одного из его набегов. Она считалась дочерью вождя из племени халакази, и что она родилась от его жены – это было верно, но был ли вождь отцом ее, я не знаю. От самой Макрофы я слыхал, что до ее рождения в краале ее отца проживал европейец. Он был родом португалец, очень красив и мастерски выделял железные вещи. Этот европейец любил мать моей жены; говорили, будто Макрофа была его дочерью, а не дочерью вождя племени свази. Я знаю тоже, что за несколько месяцев до рождения моей жены вождь свази убил этого европейца. Никто, конечно, не мог знать сущую правду, и я говорю об этом лишь потому, что красота Нады более походила на красоту европейцев, нежели на красоту наших единоплеменниц, что было бы вполне естественно, если бы ее дед был действительно европейец.

Умслопогаас и Нада были всегда неразлучны. О, как они были милы! Дважды за время их детства Умслопогаас спас жизнь Нады.

В первый раз дело было так.

Однажды дети зашли далеко от крааля в поисках ягод. Незаметно забрались они в страшную глушь, где их застала ночь. Утром, подкрепившись яйцами, они тронулись дальше, но не могли выбраться из незнакомого места, а тем временем наступил вечер, и вскоре спустилась непроглядная мгла.

Наступило следующее утро, и дети изнемогали от усталости и голода, так как ягод больше им не попадалось. Нада, обессиленная, опустилась на землю, а Умслопогаас все еще не терял надежды. Оставив Наду, он полез на гору, на склоне ее мальчик нашел много ягод и очень питательный корень, которым утолил голод. Наконец мальчик добрался до самой вершины. И что же, там, далеко, на востоке, он увидел белую полосу, похожую на стелющийся дым. Он сейчас же сообразил, что видит водопад за королевским жилищем.

Бегом спустился он с горы с целым запасом корней и ягод в руках, прыгая и крича от радости. Но когда он добежал до того места, где оставил Наду, то нашел ее в бесчувственном состоянии. Бедняжка лежала на земле, а над ней стоял шакал, обратившийся в бегство при приближении Умслопогааса.

Казалось, было только два выхода из такого положения – или самому спастись, или же лечь рядом с Надой и ждать смерти. Но мальчик нашел еще третий путь. Он снял свою кожаную сумку, разорвал ее, сделал из нее веревки и привязал ими Наду к своей спине. С этой ношей мальчик направился к королевскому краалю.

Ему бы никогда не удалось добраться – путь был слишком дальний, но, к счастью, под вечер несколько королевских посланных, проходя этим лесом, наткнулись на мальчика с привязанной к его спине девушкой. Мальчик с палкой в руках, шатаясь, медленно продвигался вперед с блуждающими глазами и пеной у рта. От усталости он не мог больше говорить. Веревки глубоко врезались в тело на его плечах.

Узнав в нем Умслопогааса, сына Мопо, люди эти помогли ему добраться домой. Они хотели было оставить Наду, думая, что она уже мертвая, но Умслопогаас знаками указал на ее сердце, и, убедившись в том, что оно еще билось, люди захватили и ее с собой. В конце концов оба быстро оправились и более, чем когда-либо, полюбили друг друга.

После этого я просил Умслопогааса сидеть дома, не выходить за ворота крааля и не водить сестру по диким, незнакомым местам.

Но мальчик любил бродить, как дикий зверь, а куда он шел, туда шла и Нада. В один прекрасный день они опять ускользнули через открытые ворота и забрались в глубокую долину. Эта долина имела дурную славу из-за являющихся в ней привидений. Говорили, будто эти привидения убивают всех, кто туда попадет. Не знаю, правда ли это, но знаю, что в этой долине жила дикая женщина. Жилищем ей служила пещера, а питалась она тем, что ей удавалось убить, украсть или вырыть из земли.

Женщина эта была помешанная. Случилось это вследствие того, что мужа ее заподозрили в колдовстве против короля и убили. Чака, согласно обычаю, послал разрушить его крааль. Воины пришли и убили всех его обитателей. Напоследок умертвили детей, трех молодых девушек, и закололи бы и мать, если бы в эту минуту на глазах у всех в нее не вошел дух и она не сошла с ума. Тогда они отпустили ее из-за духа, поселившегося в ней, и с тех пор никто не решался ее тронуть.

Несчастливая женщина убежала и поселилась в этой долине. Сумасшествие ее выражалось в том, что, где бы она ни видела детей, особенно девочек, ею овладевало безумное желание убить их, как убили когда-то ее собственных детей. Такие случаи бывали не раз. Во время полнолуния, когда ее безумие достигало высшей степени, женщина уходила очень далеко в поисках детей и, как гиена, выкрадывала их из краалей.

И вот Умслопогаас и Нада пришли в эту долину, где жила детоубийца. Они присели около впадины с водой, находившейся вблизи входа в ее пещеру, и, не подозревая об опасности, занялись плетением венков.

Вскоре Умслопогаас отошел от Нады, ему вздумалось поискать те лилии, что растут на скалах: Нада любила их. Уходя, он что-то крикнул ей. Его голос разбудил женщину, спавшую в своей пещере. Обыкновенно она выходила только ночью подобно диким шакалам.

Услышав голос мальчика, женщина вышла из пещеры, полная кровожадных инстинктов, в руках она держала копье.

Увидев Наду, спокойно сидевшую на траве, занятую цветами, женщина, крадучись, стала приближаться к ней с намерением убить ее. Когда она уже была в нескольких шагах – я рассказываю со слов самой девочки, – Нада почувствовала около себя как бы ледяное дыхание.

Невольный страх овладел девочкой, хотя она еще не замечала женщины, собиравшейся нанести ей смертельный удар. Нада отложила цветы, нагнулась над водой, и там-то и увидела она отражение кровожадного лица детоубийцы.

Сумасшедшая подползла к ней сверху. Всклопоченные волосы закрывали ее лицо до бровей, глаза сверкали, как у тигрицы. Пронзительно вскрикнув, Нада вскочила и бросилась по тропинке, по которой ушел Умслопогаас. Безумная женщина дикими прыжками пустилась вслед за ней.

Умслопогаас услышал крик Нады, обернулся и бросился назад под гору, и вдруг, о ужас, перед ним очутилась безумная.

Она уже схватила Наду за волосы и занесла копье, чтобы пронзить ее. Умслопогаас не был вооружен, у него ничего не было, кроме короткой палки. С этой палкой он бросился на безумную и так сильно ударил ее по руке, что она выпустила девочку и с диким воплем бросилась на Умслопогааса с поднятым копьем.

Мальчик отскочил в сторону. Опять она замахнулась на него, но он высоко подпрыгнул вверх, и копье пролетело под его ногами. В третий раз женщина ударила его, и хотя он бросился на землю, стараясь избежать удара, но копье все же вонзилось ему в плечо. К счастью, тяжесть его тела при падении выбила оружие из ее руки, и раньше, чем она могла снова схватить его, Умслопогаас был уже на ногах на некотором расстоянии от нее, причем копье осталось в его плече.

Женщина обернулась с безумным яростным криком и бросилась на Наду с намерением задушить ее руками. Умслопогаас, стиснув зубы, вырвал копье из раны и ударил им безумную. Женщина подняла большой камень и с силой швырнула его в мальчика.

Удар был так силен, что камень, ударившись о другой, разлетелся вдребезги. Он снова напал на женщину, и на этот раз так ловко, что копье пронзило ее насквозь и она, мертвая, упала на землю. Нада перевязала глубокую рану на плече Умслопогааса, после чего с большим трудом дети добрались до крааля, где рассказали мне эту историю.

Однако дело тем не кончилось. Некоторые из наших единоплеменников стали роптать и требовать смерти мальчика за то, что он убил женщину, одержимую духом. Но я сказал, что никто не тронет его. Он убил безумную, защищая свою жизнь и жизнь сестры, а всякий имеет право защищаться. Нельзя убить только того, кто исполняет приказание короля.

– Во всяком случае, – говорил я, – если женщина и была одержима духом, то дух этот был злой, потому что добрый дух не станет требовать жизни детей, а лишь животных, тем более что у нас не в обычае приносить Аматонго¹⁰ человеческие жертвы даже во время войны, это делают только собаки племени базуту.

Однако ропот все увеличивался. Колдуны в особенности настаивали на смерти мальчика, они предсказывали всевозможные несчастья и наказание за смерть безумной, одержимой духом, если убийца ее останется в живых, и наконец дело дошло до самого короля.

Чака призвал меня и Умслопогааса, а также колдунов. Сначала колдуны изложили свою жалобу, испрашивая смерти мальчика. Чака спросил, что случится, если мальчик не будет убит. Они ответили, что дух убитой женщины внушит ему чинить зло королевскому дому.

Чака спросил, внушит ли дух причинить зло лично ему – королю. Колдуны, в свою очередь, спросили духов и ответили, что опасность грозит не ему лично, а одному из членов коро-

---

¹⁰ Дух предков у зулусских племен.

левской семьи после него. На это Чака сказал, что ему нет дела до тех, кто будет после него, и до их счастья или несчастья. После этого он обратился к Умслопогаасу, отважно смотревшему ему прямо в глаза, как равный смотрит на равного.

– Мальчик, что ты можешь сказать на то, чтобы не быть убитым, как того требуют эти люди?

– А то, великий король, – ответил он, – что я убил безумную, защищая свою собственную жизнь!

– Это не важно, – сказал Чака, – если бы я, король, пожелал убить тебя, осмелился бы ты убить меня или моего посланного? Итонго, поселившийся в этой женщине, был, несомненно, царственный дух, который приказал убить тебя, и ты должен был подчиниться его воле. Что ты можешь еще сказать в свою защиту?

– А вот что, Слои, – ответил Умслопогаас, – если бы я не убил женщину, то она убила бы мою сестру, которую я люблю больше своей жизни!

– Это еще ничего не значит, – сказал Чака. – Если бы я приказал убить тебя за что-нибудь, то разве не приказал бы убить и всех твоих? Не мог ли поступить так же и царственный дух? Если ты не имеешь ничего более сказать, то ты должен умереть!

Признаюсь, мне становилось страшно. Я боялся, что Чака в угоду колдунам убьет того, кого называли моим сыном.

Но мальчик Умслопогаас поднял голову и храбро ответил, не как человек, просящий о сохранении своей жизни, а как человек, защищающий свое право.

– А вот что, победитель врагов, если и этого недостаточно, то не будем больше говорить – вели меня умертвить. Ты, король, не раз приказывал убить эту женщину. Те, кому ты поручал исполнить твое приказание, щадили ее, считая женщину одержимой духом. Я же в точности исполнил приказание короля, я убил ее – будь она одержима или нет, так как король повелел умертвить ее, а потому я заслужил не смерти, а награды!

– Хорошо сказано, Умслопогаас! – ответил Чака. – Пусть дадут десять голов скота этому мальчику с сердцем взрослого человека, его отец будет стеречь их за него. Ты теперь доволен, Умслопогаас?

– Я беру должное и благодарю короля, потому что он платить не обязан, а дает по своей доброй воле! – ответил мальчик.

Чака на мгновение замолчал, он начинал сердиться, но вдруг громко расхохотался.

– Да, да, этот теленок похож на того, что был занесен много лет тому назад в крааль Сензангаконы! Каким я был, таков и этот малый. Продолжай, мальчик, идти по этой дороге и, может быть, в конце ее найдешь тех, кто будет тебя встречать королевским приветствием «Байет!». Но смотри! Не попадайся на моем пути – нам вместе тесно будет! А теперь ступай!

Мы ушли, но я заметил, как колдуны продолжали ворчать про себя. Они были недовольны и предвещали всякого рода несчастья.

Дело в том, что они завидовали мне и хотели поразить в самое сердце через того, кто назывался моим сыном.

Глава 8. Великое ингомбоко

Некоторое время все было тихо, и так продолжалось до конца Праздника плодов.

Немало людей погибло за эти празднества, но тогда же происходило Великое ингомбоко, или травля колдунов. Многих заподозрили в колдовстве против короля. В то время в стране зулусов положение было таково, что все племя трепетало перед чародеями. Никто не мог спать спокойно, так как не был уверен, что на другое утро его не тронут жезлом изанузи, как назывались сыщики колдунов, и не приговорят к смерти.

Чака молчал и был доволен, пока изанузи выслеживали только тех, от кого он сам желал отделаться, но когда они действовали из своих собственных интересов и подвергали смерти его любимцев, король разгневался. Обычай страны требовал немедленной смерти тех, на кого указывали колдуны. Той же участи подвергалась и вся семья этого человека. Из-за этого сам король редко мог спасти даже тех, кого любил.

Однажды ночью я был призван к королю по случаю его нездоровья. В этот день происходило ингомбоко, и пятеро храбрейших военачальников были заподозрены вместе со многими другими в колдовстве. Все они были умерщвлены, послали также убить их жен и детей. Чака, очень рассерженный этими убийствами, призвал меня к себе.

– Мопо, сын Македамы, у нас теперь в стране зулусов правят колдуны, а не я! – обратился он ко мне. – Чем же это кончится? Чего доброго, они и меня самого заподозрят и убьют. Эти изанузи одолевают меня, они покрывают страну, как ночные тени. Научи меня, как отделаться от них.

– Тот, кто идет по мосту копий, о король, падает в бездну небытия! – ответил я мрачно. – Сами колдуны не могут удержаться на этом мосту. Разве у колдунов не такое же сердце, как у других людей? Разве кровь их нельзя пролить?

Чака как-то странно взглянул на меня.

– Ты, однако, очень храбрый человек, Мопо, что осмеливаешься говорить такие слова мне, – сказал он. – Разве ты не знаешь, что тронуть изанузи – кощунство?

– Я говорю то, что сам король думает, – ответил я. – Слушай, король! Правда, что тронуть настоящего изанузи – кощунство, а что, если изанузи этот – лжец? А что, если он обрекает на смерть напрасно и лишает жизни неповинных людей? Разве кощунство – подвергнуть его той участи, которой он подверг многих других? Скажи-ка, король!

– Это ты хорошо сказал, Мопо, – согласился Чака. – А теперь скажи мне, сын Македамы, как можно было бы доказать это?

Тогда я нагнулся и шепотом сказал королю несколько слов на ухо. Чака уныло склонил голову. Я сказал так, отец мой, потому что сам видел зло, причиняемое изанузи. Я ведь знал все их тайны, а потому боялся за собственную жизнь и жизнь дорогих и близких моему сердцу людей. Все колдуны и изанузи ненавидели меня как человека, знакомого с их колдовством, как человека с проницательным взором и тонким слухом.

Однажды утром спустя некоторое время после вышеприведенного разговора моего с королем в краале случилось нечто небывалое.

Сам король выскочил утром из своего шалаша, громко созывая народ, чтобы посмотреть на зло, сделанное ему неизвестным колдуном.

Все немедленно сбежались, и вот что представилось глазам нашим. На пороге ворот, ведущих в интункулу, жилище короля, видны были большие кровавые пятна.

Храбрейшие из воинов почувствовали, что колени их подкосились, женщины громко плакали, как плачут над покойниками. Они плакали, потому что знали весь ужас такого предзнаменования.

– Кто это сделал? – кричал Чака громовым голосом. – Кто осмелился околдовать короля и пролить кровь на пороге его дома?

Все молчали. Чака снова заговорил:

– Такое преступление не может быть омыто кровью двух или трех и забыто! Человек, совершивший его, отправится не один, а со многими другими в царство духов. Все его племя умрет с ним, не исключая младенцев в его шалаше и скота его крааля! Идите, гонцы, на восток, на запад, на север, на юг, созовите именитых колдунов. Пусть они позовут начальников каждого отряда и вождей каждого племени! На десятый день соберется круг ингомбоко, тогда будет такое выслеживание колдунов и ведьм, какого еще доселе не бывало в стране зулусов!

Гонцы тотчас же отправились исполнять приказание короля, запомнив со слов колдунов имена тех, кто должен был явиться.

И вот ежедневно стали стекаться люди к воротам королевского крааля и ползком приближались к королю, восхваляя его громким голосом. Но король никого не удостоил вниманием. Только одного из военачальников он приказал немедленно умертвить, заметив в его руке трость из королевского алого дерева, которую Чака когда-то сам подарил ему.

В ночь перед собранием ингомбоко колдуны и колдуньи вступили в крааль. Их было сто человек одних и пятьдесят других. Человеческие кости, рыбы и воловь пузыри, змеиные кожи, надетые на них, придавали им отвратительный и странный вид. Они шли молча, пока не достигли королевского жилища интункулу. Тут они остановились и хором запели песню, которую всегда поют перед началом ингомбоко. Окончив ее, они молча отошли на место, указанное им, где провели ночь в непрерывном бормотании и чародействе.

Призванные издалека дрожали от страха. Они знали, что многих из них отметит обезьяний хвост раньше, чем солнце успеет сесть еще раз.

И я тоже дрожал, сердце мое было полно страха. Ах, отец мой, тяжело было жить на свете во времена короля Чаки. Все принадлежали королю, а тех, кого щадила война, те были всегда во власти колдунов.

На рассвете глашатаи начали созывать весь народ на королевское ингомбоко. Люди приходили сотнями. В руках они держали только короткие палки, иметь при себе какое бы то ни было оружие было запрещено под страхом смерти. Они усаживались в большой круг перед воротами королевского жилища. О! Вид их был грустный, и мало кто думал о пище, они сами представляли из себя пищу смерти.

Кругом толпились воины, все отборные люди, рослые и свирепые, вооруженные одними керри, – то были палачи.

Когда все было готово, король вышел из своего шалаша, одетый в плащ из звериных шкур. За ним следовали индуны¹¹ и я.

Чака был на голову выше всех присутствующих. При его появлении вся бесчисленная толпа бросилась на землю, и уста каждого пронзительно и отрывисто прокричали королевское приветствие «Байет!».

Чака, казалось, не обратил на них ни малейшего внимания, чело его было отуманено, как горная вершина, задержанная облаками.

На некоторое время воцарилось гробовое молчание. Затем из отдаленных ворот вышла толпа девушек, одетых в блестящие одежды, с зелеными ветвями в руках. Подойдя ближе, девушки стали хлопать в ладоши и затянули нежным голосом какой-то напев, а затем столпились в кучу позади нас.

Чака поднял руку, и тотчас раздался топот бегущих ног. Из-за королевского шалаша показалась целая группа колдунов Абонгома: мужчины – по правую сторону, женщины – по

---

¹¹ Индуна – советник и одновременно военачальник высокого ранга в зулусском обществе.

левую. Каждый из них держал в левой руке хвост дикого зверя, в правой – пучок стрел и маленький щит.

Они имели отвратительный вид, а кости, украшавшие их одежды, гремели при каждом движении, пузыри и змеиная кожа развевались за ними по ветру, лица, натертые жиром, блестя, глаза были вытаращены, точно у рыб, а губы судорожно подергивались, пока они яростным оком осматривали сидящих в кругу. Ха! Ха! Ха! Они не подозревали, эти дети зла, кто из них еще раньше солнечного заката будет палачом и кто жертвой.

Но вот они стали приближаться в глубоком молчании, нарушаемом лишь топотом их ног да сухим брэнчанием костяных ожерелий, пока не выстроились в один ряд перед королем.

Так они стояли некоторое время; вдруг каждый из них протянул руку, державшую маленький щит, и все в один голос закричали:

- Здравствуй, отец наш!
- Здравствуйте, дети мои! – ответил Чака.
- Что ты ищешь, отец? – спросили они. – Крови?
- Крови виновного! – ответил Чака.

Они повернулись и заговорили шепотом между собой: женщины переговаривались с мужчинами.

- Лев зулусов жаждет крови!
- Он насытится! – закричали женщины.
- Лев зулусов чувствует кровь!
- Он увидит ее! – закричали опять женщины.
- Взор его выслеживает колдунов!
- Он сосчитает их трупы!

– Замолчите! – крикнул Чака. – Не теряйте времени в напрасной болтовне, приступайте к делу. Слушайте! Чародеи околдовали меня! Чародеи осмелились пролить кровь на пороге королевского дома. Ройтесь в недрах земли и найдите виновных, вы, крысы! Облетите воздушные пространства и найдите их, вы, коршуны! Обнюхивайте ворота жилищ и назовите их, вы, шакалы, ночные охотники! Тащите их из пещер, где они запрятаны, верните их из далеких стран, если они убежали, вызовите их из могил, если они умерли. К делу! К делу! Укажите мне их, и я щедро награжу вас, и, хотя бы они были целым народом, уничтожьте их. Теперь начинайте! Начинайте партиями в десять человек. Вас много – все должно быть кончено до заката солнца!

- Все будет исполнено, отец! – отвечали хором колдуны.

Тогда десять женщин выступили вперед. Во главе их находилась самая известная колдунья того времени, престарелая женщина по имени Нобела. Для этой женщины темнота ночи не существовала, она обладала чутьем собаки, ночью слышала голоса мертвых и правдиво передавала все слышанное.

Остальные изанузи обоего пола сели полукругом перед королем. Нобела выступила вперед, а за ней вышли девять ее подруг. Они поворачивались то к востоку, то к западу, к северу и югу, зорко вглядываясь в небеса. Они поворачивались к востоку и западу, к северу и югу, стараясь проникнуть в сердце людей. Потом, как кошки, поползли по всему кругу, обнюхивая землю. Все это происходило в глубоком молчании. Каждый из сидящих в кругу прислушивался к биению своего сердца. Одни коршуны пронзительно выкрикивали на деревьях.

Наконец Нобела заговорила:

- Вы чувствуете его, сестры?
- Чувствуем! – ответили они.
- Он находится на востоке, сестры?
- Да, на востоке! – отвечали они.
- Не он ли сын чужеземца, сестры?

– Да, он сын чужеземца!

Колдуньи подползали все ближе, ползли на руках и коленях, пока не добрались на расстоянии десяти шагов от того места, где я сидел среди индунов около короля. Индуны переглянулись и позеленели от страха, а у меня, отец мой, затряслись колени, мозг костей превратился в воду. Я знал отлично, кого они называли сыном чужеземца. Это был не кто иной, как я, отец мой. Меня-то они и собирались выследить. Если же меня заподозрят в чародействе, то убьют со всем моим семейством, потому что даже клятва короля едва ли спасет меня от приговора колдуний.

Я взглянул на свирепые лица изанузи передо мной, смотрел, как они ползут, точно змеи, оглянулся и увидел палачей, уже схватившихся за свое оружие, готовясь приступить к исполнению своих обязанностей, и, как я уже сказал, я переживал чувства человека, для которого чаша горечи переполнена.

Но в эту минуту я вспомнил, о чем мы шептались с королем, из-за чего созван настоящий ингомбоко, и надежда вернулась ко мне подобно первому лучу рассвета после бурной ночи. Все же я не смел особенно надеяться, легко могло случиться, что король лишь устроил мне ловушку, чтобы вернее поймать меня.

Теперь уже колдуньи доползли и остановились прямо передо мной.

– Оправдывается ли наш сон? – спросила престарелая Нобела.

– Виденное во сне сбывается наяву! – отвечали колдуньи.

– Не шепнуть ли вам его имя, сестры?

Женщины, как змеи, подняли головы, преклоненные к земле, причем костяные ожерелья звякнули на их худощавых шеях. Затем они соединили головы в круг, а Нобела просунула свою среди них, произнося одно слово.

– Ага! Ага! – засмеялись они. – Мы слышим тебя. Ты верно назвала его. Пускай это имя будет произнесено перед лицом Неба, как его имя, так и всего его дома, пусть он не услышит другого имени вовек!

Все вдруг вскочили на ноги и бросились ко мне со старухой Нобелой во главе.

Они прыгали вокруг, указывали на меня звериным хвостом, а старуха Нобела ударила меня этим хвостом по лицу и громко закричала:

– Привет тебе, Мопо, сын Македамы! Ты тот самый человек, который пролил кровь на пороге королевского дома с целью околдовать короля. Да погибнет весь твой род!

Я видел, как она подошла ко мне, чувствовал удар по лицу, но ощущал все это, как во сне. Я слышал шаги палачей, когда они ринулись вперед, чтобы схватить меня и предать ужасной смерти, язык прилип к моей гортани, и я не мог произнести ни слова.

Я взглянул на короля и в эту минуту разобрал слова, сказанные им вполголоса: «Близко к цели, а все же мимо!»

Он поднял свое копьё, и все смолкло. Палачи остановились, колдуньи замерли с простертыми руками, вся толпа застыла, точно окаменелая.

– Стойте! – крикнул король. – Отойди в сторону, сын Македамы, прозванный злодеем! И ты, Нобела, отойди в сторону вместе с теми, кто назвал его злодеем. Что? Неужели вы думали, что я удовлетворюсь смертью одной собаки? Продолжайте выслеживать вы, коршуны, выслеживайте партиями по очереди! Днем работа, ночью пир!

Я встал, крайне удивленный, и отошел в сторону. Колдуньи тоже отошли, совершенно озадаченные. Никогда еще не бывало такого выслеживания. До сих пор та минута, когда человека тронули хвостом изанузи, считалась минутой его смерти. Отчего же, спрашивал каждый из присутствующих, на этот раз смерть отложена? Колдуньи тоже недоумевали и вопросительно смотрели на короля, как смотрят на грозовую тучу, ожидая молнии. Король молчал.

Итак, мы стояли в стороне, пока следующая партия изанузи не начала свой обряд. Они делали то же, что и предыдущая партия, и все же была разница; по обычаю изанузи всякая

партия выслеживает по-своему. Эта партия ударила по лицу некоторых королевских советников, обвиняя их в колдовстве.

– Станьте и вы в стороне, – сказал король тем, на которых указали изанузи, а вы, указавшие на их преступность, станьте рядом с теми, кто назвал Мопо, сына Македамы. Быть может, все вы тоже виновны!

Приказание короля было исполнено, и третья партия начала свое дело. Эта партия указала на некоторых из военачальников и, в свою очередь, получила приказание стать в сторону. Так продолжалось целый день. Партия за партией приговаривала своих жертв. Наконец колдуны кончили и по приказанию короля отошли, составив одну группу со своими жертвами.

Тогда изанузи мужского пола начали проделывать то же самое, но я заметил, что они чего-то смутно боялись, как бы предчувствуя западню. Тем не менее приказание короля должно было быть исполнено, и хотя колдовство не могло помочь им, но жертвы должны были быть указаны. Нечего делать – они выслеживали то того, то другого, пока не набралось большое количество осужденных. Мы сидели молча на земле, глядя друг на друга грустными глазами, в последний раз, как мы думали, любясь закатом солнца. По мере наступления сумерек те, кого колдуны не тронули, приходили все в большее иступление. Они прыгали, скрежетали зубами, катались по земле, ловили змей, пожирали их живыми, обращались к духам, выкрикивали имена древних королей. Наступил вечер, и последняя партия колдунов сделала свое дело, указав на нескольких стражей эмпозени – дома королевских женщин.

Только один из колдунов этой последней партии, молодой человек высокого роста, не принимал участия в выслеживании. Он стоял один посреди большого круга, устремив глаза к небу. Когда эта последняя партия получила приказание стать в стороне вместе с теми, кого они наметили своими жертвами, король громко окрикнул молодого человека, спрашивая его имя, какого он племени и почему не принимал участия в выслеживании.

– Зовут меня Индабазимбой, сыном Арпи, о, король, – ответил он. – Я принадлежу к племени маквиллизини. Прикажешь, о король, выследить того, кого называли мне духи как виновника этого деяния?

– Приказываю тебе! – сказал король.

Тогда молодой человек по имени Индабазимба выступил из круга и, не делая никаких движений, не произнося ни одного заклинания, а уверенно, как человек, знающий, что он делает, подошел к королю и ударил его хвостом по лицу, сказав:

– Я учуял запах, о Небо надо мной!¹²

Крик изумления пробежал по толпе. Все ожидали немедленной смерти безумца, но Чака встал и громко рассмеялся.

– Ты сказал правду! – воскликнул он. – И ты один! Слушайте вы все! Я сделал это! Я сам пролил кровь на пороге моего дома! Я сделал это моими собственными руками, чтобы узнать, кто обладает настоящим знанием и кто из вас обманывает меня. Теперь оказывается, что во всей стране зулусов один настоящий колдун – вот этот юноша, а что касается обманщиков – взгляните на них, сочтите их! Они бесчисленны, как листья на деревьях. Смотрите! Вот они стоят рядом с теми, кого они осудили на смерть, – невинные жертвы, осужденные ими вместе с женами и детьми на собачью смерть! Теперь я спрашиваю вас всех, весь народ: какого они достойны возмездия?

Громкие крики раздались в толпе:

– Пусть они умрут, о король!

– Ага! – ответил он. – Пусть они умрут смертью, достойной лгунов и обманщиков!

---

¹² Королевский титул у зулусов. – Примеч. авт.

Изанузи, как женщины, так и мужчины, стали громко кричать от страха, они молили о пощаде, царапали себя ногтями – очевидно, никто из них не желал вкусить собственное смертельное лекарство. Король же громко смеялся, слушая их крики.

– Слушайте, вы! – сказал он, указывая на толпу, где я стоял среди прочих осужденных. – Вас обрекли на смерть эти лживые пророки. Теперь настал ваш черед. Убейте их, дети мои! Убейте их всех, сотрите их с лица земли! Всех! Всех! За исключением того молодого человека!

Тогда мы повскакивали с земли с сердцами, исполненными ярости и злобы, со страшным желанием отомстить за пережитый нами ужас.

Осужденные карали своих судей.

Громкие крики и хохот раздался в кругу ингомбоко – люди радовались своему избавлению от ига колдунов. Наконец все кончилось!

Мы отошли от груды мертвых тел – там наступила тишина, замолкли крики, мольбы, проклятия.

Лживые колдуны подверглись той самой участи, на которую обрекали стольких невинных людей.

Король подошел посмотреть поближе на их трупы. Те, кто исполнял его приказание, склонились перед ним и отползли в сторону, громко прославляя короля. Я один стоял перед ним. Я не боялся стоять в присутствии короля Чаки, подошел ближе и смотрел на груды мертвых тел и на облако пыли, еще не успевшее опуститься на землю.

– Вот они лежат здесь, Мопо! Лежат те, кто осмелился обманывать короля! Ты мудро посоветовал мне, Мопо, и научил меня расставить им ловушку, но, однако, мне показалось, что ты вздрогнул, когда Нобела, царица ведьм, указала на тебя. Ну, ладно! Они убиты – теперь страна вздохнет свободней, а зло, причиненное ими, сгладится подобно этому облаку пыли, которое скоро опустится на землю, чтобы слиться с ней!

Так говорил король Чака и вдруг замолк. Что это? Как будто что-то шевелится за этим облаком пыли. Какая-то фигура медленно прокладывает себе дорогу среди груды мертвых тел.

Медленно продвигалась она, с трудом пробираясь через мертвые тела, пока наконец не встала на ноги и, шатаясь, направилась к нам. Что это было за ужасное зрелище!

Передо мной стояла старая женщина, вся покрытая кровью и грязью. Я узнал ее – это была Нобела, осудившая меня на смерть, та самая Нобела, только что убитая мной и восставшая из мертвых проклясть меня.

Фигура подвигалась все ближе, одежда висела на ней кровавыми лохмотьями, сотни ран покрывали ее тело и лицо. Я видел, что она умирает, но жизнь еще была в ней, и огонь ярости и ненависти горел в ее змеиных глазах.

– Да здравствует король! – воскликнула она.

– Молчи, лгунья! – ответил Чака. – Ты мертвая!

– Нет... еще, король! Я услышала твой голос и голос этого пса, которого охотно отдала бы на съедение шакалам, и не хочу умереть, не сказав тебе несколько слов на прощание. Я выследила тебя сегодня утром, пока еще была жива, теперь, когда я почти мертвая, я снова выслеживаю тебя. О, король, он околдует тебя, верь мне. Чака, он и Унанди, мать твоя, и Балека, твоя жена. Вспомни меня, король, когда смертельное оружие в последний раз блеснет перед твоими глазами. А теперь прощай!

Старуха испустила дикий крик и повалилась, мертвая, на землю.

– Колдуны упорно лгут и нехотя умирают! – небрежным голосом произнес Чака, отвернувшись от трупа. Но слова умирающей старухи запали в его душу, особенно то, что было сказано про Унанди и Балеку.

Они запали в сердце Чаки подобно зернам, падающим в землю, выросли и со временем принесли плоды.

Так кончилось великое ингомбоко короля Чаки – величайшее ингомбоко, когда-либо происходившее в стране зулусов.

Глава 9. Гибель Умслопогааса

После великого ингомбоко Чака приказал учредить надзор за своей матерью Унанди и женой Балекой, сестрой моей. Ему было доложено, что обе женщины тайком приходили в мой шалаш, нянчили и целовали мальчика – одного из моих детей. Чака вспомнил предзнаменование колдуньи Нобелы, и в сердце его закралось подозрение.

Меня он не допрашивал и не считал способным на заговор. Тем не менее вот что он предпринял, не сумею сказать, отец мой, нарочно или с умыслом.

Чака послал меня с поручением к племени, живущему на берегу реки Амасвази. Я должен был сосчитать скот, принадлежащий королю и порученный попечению этого народа, и дать королю отчет о приплоде.

Я низко склонился перед королем, сказав, что бегу, как собака, исполнять его приказание, и он дал мне с собой стражу. Затем я отправился домой проститься с моими женами и детьми. Дома я узнал, что жена моя Анади, мать Мусы, тяжело занемогла. Странные вещи приходили ей в голову, она бредила вслух. Ее, несомненно, околдовал один из врагов моего дома. Однако остаться я не мог, а должен был идти исполнить поручение короля, о чем и сообщил жене моей, Макрофе – матери Нады и, как все думали, юноши Умслопогааса. Но когда я заговорил с Макрофой о своем уходе, она залилась горькими слезами и прижалась ко мне.

На мой вопрос, отчего она так плачет, Макрофа ответила, что на душе ее уже лежит тень несчастья, она так уверена, что если я оставлю ее в краале короля, то по возвращении своем не найду больше в живых ни ее, ни Нады, ни Умслопогааса, любимого мной, как сына.

Я старался успокоить жену, но чем больше я уговаривал, тем сильнее она рыдала, повторяя, что она совершенно уверена в том, что предчувствие ее не обманывает.

Тронутый ее слезами, я спросил ее совета, как нам быть. Ее страх невольно передавался и мне подобно тому, как тени ползут с долины на гору.

Она ответила так:

– Возьми меня с собой, дорогой супруг мой, дай мне уйти из этой проклятой страны, где само небо ниспосылает кровавый дождь, и позволь мне жить на моей родной стороне, пока не пройдет время страшного короля Чаки!

– Но как могу я это сделать? – спросил я жену. – Никто не смеет покинуть королевский крааль без разрешения на то самого короля!

– Муж может прогнать свою жену! – возразила Макрофа. – Король не вмешивается в отношения мужа и жены. Скажи мне, милый муж, что ты больше не любишь меня, что я не приношу детей и поэтому ты отсылаешь меня на родину. Со временем мы опять соединимся, если только будем еще живы!

– Хорошо, пусть будет по-твоему: уходи из крааля сегодня ночью вместе с Надой и Умслопогаасом, а завтра утром выступишь со мной на берегу реки, и мы вместе продолжим путь. А там будь что будет, да сохранят нас духи отцов наших!

Мы обнялись, и Макрофа тайком вышла из крааля вместе с детьми. На рассвете я собрал людей, назначенных королем сопровождать меня, и мы отправились в путь. Солнце было уже высоко, когда мы подошли к берегу реки. Макрофа ждала меня с детьми, как было условлено. Они встали при нашем приближении, но я успел взглянуть на жену, грозно нахмутив брови, что удержало ее от приветствия. Сопровождавшие меня воины с недоумением смотрели на меня.

– Я развелся с этой женщиной, – объяснил я им. – Она увядшее дерево, негодная, старая ведьма. Я взял ее с собой, чтобы отослать в страну свази, откуда она взята. Перестань реветь! – обратился я к Макрофе. – Мое решение неизменно!

– А что говорит на это король? – спросили люди.

– Я сам буду отвечать перед королем! – сказал я, и мы пошли дальше.

Теперь я должен рассказать, как мы лишились Умслопогааса, сына короля Чаки. В ту пору он был уже вполне взрослым юношей, крутого нрава, высокий и безумно храбрый для своих лет.

Итак, мы путешествовали семь дней. Путь лежал дальний. К ночи седьмого дня мы достигли горной местности. Здесь попадалось мало краалей. Чака разграбил их уже много лет тому назад. Тебе, может быть, знакома эта местность, отец мой? Там находится большая и необыкновенная гора, на которой водятся привидения, и зовут ее поэтому горой Призраков. Серая вершина ее заострена и своими очертаниями напоминает голову старухи. В этой дикой местности нам пришлось переночевать, темнота быстро надвигалась. Вскоре мы убедились, что в скалах вокруг нас много львов. Мы слышали их рев, и нам было очень страшно всем, кроме Умслопогааса. Этот ничего не боялся. Мы окружили себя изгородью из веток терновника и приютились за ней, держа оружие наготове.

Скоро выглянула луна. Она была полная и светила так ярко, что мы видели все, что происходило далеко вокруг нас. На расстоянии шести полетов копья от того места, где мы сидели, была скала, а на вершине ее пещера. В этой пещере жили два льва с детенышами. Когда луна поднялась выше на небе, мы увидели, что львы вышли из логовища и остановились на краю скалы. Около них, точно котят, играли два львенка. Если бы не опасность нашего положения, можно было бы залюбоваться этой картиной.

– О, Умслопогаас, – сказала Нада, – я бы хотела иметь одного из этих зверьков вместо собаки!

Юноша рассмеялся и ответил:

– Если хочешь, я достану тебе одного из них, сестрица!

– Оставь, малый! – сказал я. – Человек не может взять львенка из логовища, не поплатившись за это жизнью!

– Однако это возможно! – ответил он, и разговор прекратился.

Когда молодые львы наигрались, мы увидели, что львица захватила их в пасть и отнесла в пещеру. Через минуту она снова вышла и вместе с самцом отправилась за добычей. Вскоре мы услышали их рев в некотором отдалении. Тогда мы сложили большой костер и спокойно легли спать внутри изгороди, теперь мы знали, что львы заняты охотой и ушли от нас далеко. Один Умслопогаас не спал. Оказалось, что он решил исполнить желание Нады – достать маленького льва.

Когда все заснули, Умслопогаас, как змея, выполз из-за терновой изгороди и с ассегаем направился ползком к подножию скалы, где находилось логовище льва. Затем он вскарабкался на скалу и, подойдя к пещере, стал ощупью пробираться в ней. Львята, услышав шум, подумали, что мать вернулась с пищей, и стали визжать и мурлыкать. Наконец Умслопогаас дополз до того места, где лежали маленькие, протянул руку и схватил одного из них, другого он убил, потому что не мог бы унести обоих. Юноша очень торопился, сознавая, что должен успеть уйти до возвращения больших львов, и вернулся к забору, где мы лежали.

Начинало светать.

Я проснулся, поднялся с земли, оглянулся кругом. И что же? За колючей изгородью стоял Умслопогаас и громко смеялся. В зубах он держал ассегай, с которого еще капала кровь, а в руках его барахтался молодой львенок. Он ухватил его одной рукой за шерсть на загривке, а другой за задние лапы.

– Просыпайся, сестрица! – кричал он. – Вот собака, которую ты пожелала иметь. Сейчас она кусается, но скоро будет ручной!

Нада проснулась и при виде львенка кричала от радости, я же замер от ужаса.

– Безумец! – кричал я наконец. – Выпусти львенка, пока львы не пришли растерзать нас!

– Я не хочу выпускать его, отец, – угрюмо ответил он. – Нас здесь пятеро, вооруженных копьями, неужели же мы не справимся с двумя кошками? Я не побоялся один идти в их логовище, а ты боишься встретиться с ними на открытом месте!

– Ты с ума сошел! – ответил я. – Брось его сейчас же!

С этими словами я кинулся к Умслопогаасу, чтобы отнять у него львенка. Он быстро схватил львенка за голову, свернул ему шею и бросил на землю со словами:

– Ну вот, смотри, теперь я исполнил твое приказание, отец!

Не успел он выговорить эти слова, как мы услышали громкий рев, очевидно, исходивший из логовища на скале.

– Скорее назад! – закричал я, и мы оба перескочили через колючую изгородь, где наши спутники уже схватились за копыя, дрожа от страха и утреннего холода. Взглянув наверх, мы увидели, что львы спускались со скалы по следам того, кто похитил их детей. Впереди шел лев со страшным ревом, за ним следовала львица; она не могла реветь, потому что держала во рту львенка, убитого Умслопогаасом в пещере. Вот они, разъяренные, приблизились к нам с оцетинившимися гривами, бешено размахивая хвостами.

Тем временем львы подошли совсем близко к нам и прямо наткнулись на тело второго детеныша, лежавшее вне колючей изгороди. Львы остановились, обнюхали его и заревели так, что, казалось, земля тряслась. Львица выпустила изо рта детеныша и схватила другого.

– Встань за мной! – крикнул Умслопогаас. – Поднимай копые. Лев собирается прыгнуть!

Не успел он произнести эти слова, как огромный зверь присел на земле, затем вдруг взвился в воздух и, как птица, пролетел пространство, разделявшее нас.

– Ловите его на копыя! – крикнул Умслопогаас, и мы поневоле исполнили приказание мальчика.

Столпившись в одном месте, мы выставили наши копыя таким образом, что лев, подпрыгнув, упал прямо на них, причем они глубоко вонзились в его тело. Тяжесть его падения сбила нас с ног, лев катался по земле, рыча от ярости и боли. Наконец он встал на ноги, хватаясь зубами за копыя, вонзившиеся в его грудь. Тогда Умслопогаас, стоявший в стороне во время падения льва и, очевидно, имевший свой план в голове, испустил дикий крик и вонзил ассегай в плечо разъяренного зверя.

Лев протяжно застонал и свалился замертво. Тем временем львица стояла вне загородки, держа во рту второго убитого детеныша, она не могла решиться покинуть ни одного из них, но когда она услышала последний стон самца, она выронила изо рта львенка и как-то сжалась, готовясь прыгнуть.

Умслопогаас стоял один прямо перед ней, он только что успел вытащить свой ассегай из тела убитого льва.

Разъяренная львица в один миг очутилась около мальчика, стоявшего неподвижно, точно каменное изваяние. Потом тело ее встретило конец копыя, которое он держал вытянутым перед собой, оно вонзилось в ее тело, переломилось, и Умслопогаас упал замертво, придавленный тяжестью львицы. Она тотчас же вскочила, причем сломанное копые все еще торчало в ее груди, обнюхала мальчика и, как бы узнав в нем похитителя своих детей, схватила его за пояс и перепрыгнула со своей ношей через изгородь.

– О, спасите его! – закричала Нада отчаянным голосом.

Мы все кинулись с громким криком в погоню за львицей.

На минуту она остановилась над телами мертвых своих детенышей. Тело Умслопогааса висело у нее в пасти, она смотрела на своих детенышей как бы в некотором недоумении. В нас блеснула надежда, что она бросит Умслопогааса, но, услышав наши крики, львица повернула и исчезла в кустах, унося его с собой.

Мы схватили копыя и кинулись за ней, однако почва вскоре стала каменистой, и мы не могли найти следов Умслопогааса и львицы. Они исчезли бесследно, как исчезает облако. Мы

вернулись. О, как тяжело сжималось мое сердце! Я любил мальчика так же нежно, как если бы он был моим родным сыном. Я чувствовал, что он погиб, что ему пришел конец.

– Где мой брат?! – воскликнула Нада, когда мы пришли без него.

– Он погиб, – ответил я, – погиб навеки!

Девушка бросилась на землю с громкими рыданиями.

– О, как бы я хотела погибнуть вместе с ним! – воскликнула она.

– Идем дальше! – сказала Макрофа, жена моя.

– Неужели ты не оплакиваешь своего сына? – спросил ее один из наших спутников.

– К чему плакать над мертвыми? Разве слезы могут вернуть их к жизни? – ответила Макрофа. – Пойдемте!

Эти слова, очевидно, показались странными нашему спутнику, но он ведь не знал, отец мой, что Умслопогаас не был ее родным сыном.

Однако мы остались еще на день в этом месте в надежде, что львица вернется к своему логовищу и нам удастся по крайней мере убить ее. Но она больше не возвращалась. Прождав напрасно целый день, мы на другое утро свернули наши покрывала и с тяжелым сердцем продолжали наш путь.

В душе я недоумевал: к чему судьба допустила меня спасти жизнь этого мальчика из когтей Льва зулусов, чтобы отдать его на растерзание горной львице?

Тем временем мы продолжали продвигаться вперед, пока не дошли до крааля, где я должен был исполнить приказание короля и где нам предстояло расстаться с женой.

На следующее утро по приходе в крааль, нежно поцеловавшись украдкой, хотя на людях мы враждебно глядели друг на друга, мы расстались, как расстаются те, кому не суждено уже более встречаться на земле. У нас обоих была та же мысль, что мы никогда более не увидимся, как оно и оказалось на самом деле.

Я отвел Наду в сторону и сказал ей так:

– Мы расстаемся, дочь моя, и не знаю, свидимся ли когда-нибудь. Времена тяжелые, и ради безопасности твоей и матери я лишаю себя радости видеть вас. Нада, ты скоро станешь женщиной и будешь прекраснее всех женщин нашего племени. Может случиться, что многие знатные люди посватаются к тебе. Легко может быть, что меня, твоего отца, не будет с тобой и я не буду иметь возможности выбрать тебе мужа по обычаю нашей страны. Но я завещаю тебе, насколько оно будет возможно, выбери человека, которого ты можешь любить, в этом единственный залог счастья женщины!

Я должен был замолчать. Нада взяла меня за руку и, глядя на меня своими чудными глазами, сказала:

– Замолчи, отец, не говори со мной о замужестве, я не буду ничьей женой после того, как Умслопогаас погиб благодаря моему легкомыслию. Я проживу и умру одна. О, как бы я желала скорее дожидаться этой минуты – соединиться с любимым человеком!

– Послушай, Нада, – сказал я, – Умслопогаас был тебе братом, и тебе не подобает так говорить о нем даже теперь, когда его нет в живых!

– Это меня не касается, отец, – ответила Нада. – Я говорю то, что сердце подсказывает мне, а оно говорит мне, что я любила Умслопогааса живого и, несмотря на то, что он умер, я буду любить его до самой смерти. Вы все считаете меня ребенком, но сердце мое горячо и не обманывает меня!

Я не стал более уговаривать девушку, потому что знал, что Умслопогаас не приходился ей братом и она вполне могла быть его женой. Я мог только удивляться, как ясно говорил в ней голос крови, подсказывая ей естественное чувство.

– Утешься, Нада, – успокаивал я ее. – То, что нам дорого на земле, станет нам еще дороже в небесах. Я твердо верю, что человек не создан для того, чтобы разрушиться на земле, но возвращается снова к Умкулункулу. Теперь прощай!

Мы поцеловались и расстались.

Мне было очень грустно, только что потеряв Умслопогааса, известного впоследствии под прозвищем Убийцы и Дятла. Мне еще тяжелее казалась разлука с женой и дочерью.

Глава 10. Суд над Мопо

Четыре дня пробыл я в шалашах того племени, к которому был послан исполнить королевскую волю. На пятое утро я собрал всех, сопровождавших меня, и мы снова направили стопы свои к краалю короля. Пройдя некоторое расстояние, мы встретили отряд воинов, приказавших нам остановиться.

– Что надо вам, королевские слуги? – смело спросил я их.

– Слушай, сын Македамы! – ответил их посредник. – Ты должен передать нам жену твою Макрофу и твоих детей, Умслопогааса и Наду. Таков приказ короля!

– Умслопогаас, – отвечал я, – ушел за пределы королевской власти, ибо его нет в живых, жена же моя Макрофа и дочь Нада находятся у племени свази, и королю придется послать армию их отыскивать! С ненавистной мне Макрофой пусть король делает, что хочет, я развелся с ней. Что же касается девушки, конечно, не велика важность, коли она умрет – девушек ведь много, – но я буду просить о ее помиловании!

Все это я говорил беззаботно, ибо хорошо знал, что жена моя с ребенком вне власти Чаки.

– Проси, проси милости! – сказал воин, смеясь. – Все остальные, рожденные тобой, умерли по приказанию короля!

– Неужели? – спокойно ответил я, хотя колени мои дрожали и язык прилип к гортани. – На то королевская воля! Подрезанная ветвь дает новые ростки, у меня будут другие дети!

– Так, Мопо, но раньше найди жен, ибо твои умерли!

– В самом деле? – отвечал я. – Что же, и тут королевская воля. Мне самому надоели эти крикуны!

– Слушай дальше, Мопо, – продолжал воин, – чтобы иметь новых жен, надо жить, от мертвых не рождается потомство, а мне сдается, что Чака уже точит тот ассегай, который снесет тебе голову!

– Пусть так, – ответил я, – король лучше знает. Высоко солнце над моей головой и долг путь. Убаюканные ассегаем крепко спят!

Так говорил я, отец мой, и правда, тогда мне хотелось умереть. Мир после всех этих утрат был пуст для меня.

После допроса моих спутников о правдивости моих показаний двинулись в путь, и дорогой я постепенно узнал все, что произошло в королевском краале.

Через день после моего ухода лазутчики донесли Чаке, что вторая жена моя, Анали, занемогла и в беспамятстве повторяет загадочные слова. Когда зашло солнце, Чака взял с собой трех воинов и пошел с ними в мой крааль. Он оставил воинов у ворот, приказав им не пропускать никого ни туда, ни обратно, а сам вошел в шалаш, где лежала больная Анали, вооруженный своим маленьким ассегаем с рукояткой из алого королевского дерева.

Случилось так, что в шалаше находились Унанди, мать Чаки, и Балека, сестра моя, его жена, пришедшие поласкать Умслопогааса. Но, войдя в шалаш, они нашли его полным других моих жен и детей. Тогда они отослали всех, кроме Мусы, сына больной Анали, того самого мальчика, который родился восемью днями раньше Умслопогааса, сына Чаки. Задержав Мусу в шалаше, они стали ласкать его, так как боялись, что иначе равнодушие их ко всякому другому ребенку, кроме Умслопогааса, возбудит подозрение остальных жен.

Когда они так сидели, в дверях вдруг мелькнула чья-то тень, и сам король подкрался к ним. Он увидел, как они нянчились с ребенком Мусой, а когда они узнали короля, то бросились к его ногам, славя его. Но он угрюмо улыбнулся и велел им сесть. Потом обратился к ним со словами:

– Вас поражает, Унанди, мать моя, Балека, моя жена, почему я пришел сюда в шалаш Мопо, сына Македамы? Хотите, скажу вам: его я отослал по делу, а мне сказали, что его жена

Анади занемогла. Не она ли там лежит? Как первый врач в стране, я пришел излечить ее, знайте это, Унанди, мать моя, Балека, жена моя!

Так говорил он, оглядывая их и понюхивая табак с лезвия своего маленького ассегая, но они дрожали от страха, так как знали, что, когда Чака говорит кротко, замышляет смерть. Унанди, Мать Небес, ответила ему, что они рады его приходу, ибо его лекарство, наверное, успокоит больную.

– Конечно, – сказал он, – меня забавляет, мать моя и сестра, видеть, как вы ласкаете вот этого ребенка. Будь он вашей крови, вы не могли бы его любить больше!

Опять они задрожали и молились в душе, чтобы только что заснувшая Анади не проснулась и не стала бормотать в бреду безумные слова. Молитва их была услышана не небом, а землей, так как Анади проснулась, услышала голос короля, и ее больное воображение остановилось на том, кого она принимала за королевского сына.

– Ага, вот он! – сказала она, приподнимаясь и указывая на собственного сына Мусу, испуганно прижавшегося в углу шалаша. – Поцелуй его, Мать Небес, приласкай. Как звать его, щенка, накликавшего беду на наш дом? Он сын Мопо от Макрофы!

Она дико захохотала и опрокинулась на свою постель из звериных шкур.

– Сын Мопо от Макрофы? – проговорил король. – Женщина, чей это сын?

– Не спрашивай ее, король! – закричали обезумевшие от страха мать и жена Чаки, бросаясь ему в ноги. – Не слушай ее, король! Больную преследуют дикие мысли, не годится тебе слушать ее безумные речи. Должно быть, околдовали ее, ей снятся сны!

– Молчать! – крикнул король. – Я хочу слушать ее бред. Авось луч правды осветит мрак, я хочу знать правду. Женщина, кто отрок сей?

– Кто он? Безумный, ты еще опрашиваешь? Тише, наклони ухо ко мне, шепотом говори, не подслушал бы тростник этих стен, не донес бы королю. Так слушай же: этот отрок – сын Чаки и Балеки, сестры Мопо, ребенок, подмененный Матерью Небес, Унанди, подкинутый нашему дому на проклятие, тот будущий правитель, которого Унанди представит народу вместо короля, ее сына, когда народ наконец возмутится его жестокостью!

– Она лжет, король, – закричали обе женщины. – Не слушай ее. Мальчик – ее собственный сын, она в беспамятстве не узнает его!

Но Чака, стоя среди шалаша, зловеще засмеялся.

– Нобела верно предрекла, я напрасно убил ее. Так вот как ты провела меня, мать! Ты приготовила мне в сыне убийцу. Славно, Мать Небес, покоришься теперь небесному суду. Ты надеялась, что мой сын меня убьет, но пусть будет иначе. Пусть твой сын лишит меня матери. Умри же, Унанди, умри от руки рожденного тобой! – И, подняв ассегай, он заколол ее.

С минуту Унанди, Мать Небес, жена Сензангаконы, стояла неподвижно, не проронив ни звука, потом, выхватив из проколотого бока ассегай, закричала:

– Злодей, Чака, ты умрешь, как я! – и тут же упала, мертвая.

Так умертвил Чака мать свою Унанди.

Балека, видя случившееся, повернулась и побежала вон из шалаша в эмпозени с такой быстротой, что стража у ворот не могла остановить ее. Когда она добралась до своего дома, то силы оставили ее, и она без чувств упала на землю. Но мальчик Муса, мое дитя, пораженный ужасом, остался на месте, и Чака, считая его своим сыном, тоже умертвил его.

Потом он гордо выступил из шалаша, оставив стражу у ворот, и приказал отряду воинов, окружив весь крааль, поджечь его. Они поступили по его приказанию: выбегавших людей убивали, а оставшиеся там погибали в огне. Так погибли мои жены, дети, слуги и все случайно находившиеся у них люди. Улей сожгли, не пожалев пчел, в живых оставались один я да где-то далеко Макрофа с Надой.

Говорят, Чака не насытился пролитой кровью, так как послал людей убить Макрофу, жену мою, Наду, мою дочь, и того, кто назывался моим сыном. Меня же он приказал посланным не убивать, а привести к нему живым.

Мне пришла в голову мысль: не лучше ли самому покончить с собой? Зачем ждать смертный приговор? Покончить с жизнью так легко, я знал, как это сделать. В своем кушаке я тайно хранил одно снадобье. Тому, кто отведаст это снадобье, отец мой, не видать больше ни света солнца, ни блеска звезд.

Погибнуть от асsegая, медленно мучиться под ножами истязателей, или быть уморенным голодом, или бродить до конца дней с выколотыми глазами – вот что ждало меня и вот почему я днем и ночью носил с собой свое снадобье. Настал час им воспользоваться.

Так думал я среди мрака ночи и, достав горькое снадобье, попробовал его языком. Но, делая это, я вдруг вспомнил про свою дочь Наду, единственное дорогое существо, находящееся только временно в другой, далекой стране, вспомнил про жену Макрофу, про сестру Балеку, жившую еще по какому-то странному капризу короля. Еще одно желание таилось в моем сердце – это жажда мести. Мертвые бессильны карать своих мучителей, если души их еще страдают, то руки уже не платят за удар ударом.

Итак, я решил жить. Умереть я всегда успею. Успею, когда голос Чаки произнесет мой смертный приговор. Смерть сама намечает свои жертвы, не отвечает ни на какие вопросы. Смерть – это гость, которого не надо ждать у порога шалаша, так как при желании он воздухом проберется через солому кровли. Я решил пока не принимать снадобье.

Итак, отец мой, я остался жить, и воины повели меня обратно в крааль Чаки.

Мы добрались до него к ночи, так как солнце уже село, когда мы проходили ворота. Тем не менее, исполняя приказание, воин вошел к королю сообщить о нашем прибытии. Король немедленно приказал привести пойманного, и меня втолкнули в дверь большого шалаша. Посредине горел огонь, так как ночь была холодна, а Чака сидел в глубине, против двери.

Некоторые из приближенных схватили меня за руки и потащили к огню, но я вырвался от них, так как руки мои не были связаны. Падая ниц, я славил короля, называя его королевскими именами. Приближенные опять хотели меня схватить, но Чака сказал:

– Оставьте его, я сам допрошу своего слугу!

Тогда они поклонились до земли и, сложив руки на палках, коснулись лбами пола. А я сел тут же на полу против короля, и мы разговаривали через огонь. По приказанию Чаки я дал самый подробный отчет о своем путешествии.

– Хорошо, – сказал тогда король, – я доволен! Как видно, в стране моей еще остались честные люди! А известно ли тебе, Мопо, какое несчастье постигло твой дом в то время, как ты отправился по моим делам?

– Как же, слышал! – ответил я так просто, как будто вопрос касался пустяков.

– Да, Мопо, горе обрушилось на дом твой, проклятие небес на крааль твой! Мне говорили, Мопо, что небесный огонь живо охватил твои шалаши!

– Слышал, король, слышал!

– Мне докладывали, Мопо, что люди, запертые внутри, теряли рассудок при виде пламени и, понимая, что нет спасения, закалывали себя асsegаями и бросались в огонь!

– Знаю все, король! Велика важность!

– Много ты знаешь, Мопо, но не все еще. Ну, известно ли тебе, что среди умерших в твоём краале находилась родившая меня, прозванная Матерью Небес?

При этих словах, отец мой, я поступил разумно, добрый дух вдохновил меня, и я упал на землю и громко завопил, как бы в полном отчаянии.

– Пощади слух мой! – вопил я. – Не повторяй, что родившая тебя мертва, о, Лев зулусский! Что мне все остальные жизни, они исчезли, как дуновение вихря, как капля воды, но это горе могуче, как ураган, оно безбрежно, как море!

– Перестань, слуга мой, успокойся! – говорил насмешливо Чака. – Я сочувствую твоему горю по Матери Небес. Если бы ты сожалел только об остальных жертвах огня, то плохо бы тебе было. Ты выдал бы свою злобу на меня, а так тебе же лучше: хорошо ты сделал, что отгадал мою загадку!

Теперь только я понял, какую яму Чака рыл мне, и благословил в душе Элозия, внушившего мне ответ королю.

Я надеялся, что теперь Чака отпустит меня, но этого не случилось, так как пытка моя только начиналась.

– Знаешь ли ты, Мопо, – сказал король, – что, когда мать моя умирала среди охваченного пламенем крааля, она кричала загадочные страшные слова. Слух мой различил их сквозь песню огня. Вот эти слова: будто ты, Мопо, сестра твоя, Балека, и твои жены сговорились подкинуть ребенка мне, не желавшему иметь детей. Скажи теперь, Мопо, где дети, уведенные тобой из крааля, мальчик со львиными глазами, прозванный Умслопогаасом, и девочка по имени Нада?

– Умслопогааса растерзал лев, о король, – отвечал я, – а Нада находится в скалах свази!

И я рассказал ему про смерть Умслопогааса и про то, как я разошелся с женой Макрофой.

– Отрок с львиными глазами в львиной пасти! – сказал Чака. – Туда ему и дорога. Наду можно еще добыть ассегаями. Но довольно о ней, поговорим лучше о песне, петой моей покойной матерью в треске огня. Скажи-ка теперь, Мопо, лжива ли она?

– Помилуй, король. Мать Небес обезумела, когда пела эту песню! – ответил я. – Слова ее непонятны!

– И ты ничего об этом не знаешь? – сказал король, странно глядя на меня сквозь дым костра. – Странно, Мопо, очень странно! Но что это тебе как будто холодно, руки твои дрожат! Не бойся, погрей их, хорошенько погрей, всю руку положи в огонь!

И, смеясь, он указал мне своим маленьким, оправленным в королевское дерево ассегаем на самое яркое место костра.

Тут, отец мой, я действительно похолодел, так как понял намерение Чаки. Он готовил мне пытку огнем.

С минуту я молчал задумавшись. Тогда король опять громко сказал:

– Что же ты робеешь, Мопо? Неужели мне сидеть и греться, пока ты дрожишь от холода? Встаньте, приближенные мои, возьмите руку Мопо и держите ее в пламени, чтобы он согрелся и чтобы душа его ликовала, пока мы будем говорить с ним о том ребенке, упомянутом моей матерью, рожденном от Балеки, жены моей, от сестры Мопо, моего слуги!

– Прочь, слуги, оставьте меня! – смело сказал я, решившись сам подвергнуться пытке. – Благодарю тебя, о король, за милость! Я погреюсь у твоего огня. Спрашивай меня, о чем хочешь, услышишь правдивые ответы!

Тогда, отец мой, я протянул руку в огонь, но не в самое яркое пламя, а туда, где дымило. Кожа моя от страха покрылась потом, и несколько секунд пламя обвивалось вокруг руки, не сжигая ее. Но я знал, что мука близка.

Некоторое время Чака следил за мной, улыбаясь. Потом он медленно заговорил, как бы давая огню разгореться.

– Так скажи мне, Мопо, ты, правда, ничего не знаешь о рождении сына у твоей сестры Балеки?

– Я одно знаю, о король, – отвечал я, – что несколько лет тому назад я убил младенца, рожденного твоей женой Балекой, и принес тебе его тело!

Между тем, отец мой, рука моя уже дымилась, пламя въедалось в тело, и страдания били ужасны. Но я старался не показывать виду, так как знал, что если я крикну, не выдержав пытки, то смерть будет моим уделом.

Король опять заговорил:

– Клянешься ли ты моей головой, Мопо, что в твоих краалях не вскармливали никакого младенца, мной рожденного?

– Клянусь, король, клянусь твоей головой! – отвечал я.

Теперь уже, отец мой, мучение становилось нестерпимым. Мне казалось, что глаза мои выскакивают из орбит, кровь кипела во мне, бросалась в голову, и по лицу текли кровавые слезы. Но я невозмутимо держал руку в огне, а король и его приближенные с любопытством следили за мной. Опять Чака молчал, и эти минуты казались годами.

Наконец он сказал:

– Тебе, я вижу, жарко, Мопо, вынь руку из пламени. Ты выдержал пытку, я убежден в твоей невинности. Если бы затаил ложь в сердце, то огонь выдал бы ее и ты бы запел свою последнюю песню!

Я вынул руку из огня, и на время муки прекратились.

– Правда твоя, король, – спокойно ответил я, – огонь не властен над чистым сердцем!

Говоря это, я взглянул на свою левую руку. Она была черна, отец мой, как обугленная палка, и ногтей не оставалось на искривленных пальцах.

Взгляни на нее теперь, отец мой, я ведь слеп, но тебе видно. Рука была скрючена и мертва. Вот следы огня в шалаше Чаки, огня, сжигавшего меня много-много лет тому назад. Эта рука уже не служила мне с той ночи истязания, но правая оставалась, и я с пользой владел ею.

– Но мать мертва, – снова заговорил король. – Умерли в пламени и твои жены, и дети. Мы устроим поминки, Мопо, такие поминки, каких не было еще никогда в стране зулусов, и все народы земли станут проливать слезы. Мопо, на этих поминках будет отслеживание, но колдуны не созовутся, мы сами будем колдунами и сами выследим тех, кто навлек на нас горе. Как же мне не отомстить за мать, родившую меня, погибшую от злых чар, а ты, безвинно лишенный жен, чад, неужели не отомстишь за них? Иди теперь, Мопо, иди, верный слуга мой, которого я удостоил погреться у моего костра!

И, пристально глядя на меня сквозь дым, он указал мне ассегам на дверь шалаша.

Глава 11. Совет Балеки

Я поднялся на ноги, громко славя короля, и вышел из королевского дома интункулу. Я до выхода шел медленно, но потом бросился бежать, терпя страшные муки. Забежав на минутку к знакомому и обмазав руку жиром и завязав кожей, я снова стал метаться от нестерпимой боли и помчался на место моего бывшего дома. Там я в отчаянии бросился на пепел и зарылся в него, покрыв себя костями своих близких, еще лежавших здесь.

Да, отец мой, так лежал я, последний раз лежал на земле своего крааля, и от холода ночи защищал меня пепел рожденных мной.

Я стонал от боли и душевного отчаяния. Пройдя через испытание огнем, я снова приобрел славу в стране, делался знаменитым. Да, я вытерплю свое горе, сделаюсь великим, и тогда настанет день мщения королю. Ах, отец мой, тут, лежа в пепле, я зывал к Амадонго, к духам своих предков, молился Элозию, духу-хранителю, я даже дерзал молить Умкулункулу, Великого Мирового Духа, живущего в небесах и на земле незримо и неслышно. Я молил о жизни, чтобы убить Чаку, как он убил всех дорогих мне существ. За молитвой я уснул, или, вернее, свет мыслей моих погас, и я лежал, как мертвец. Тогда меня посетило видение, посланное в ответ на мольбу, и, быть может, это был только бред, порожденный моими горестями.

Мне казалось, что я стою на берегу большой, широкой реки. Тут было сумрачно, поверхность реки слабо освещалась, но далеко, на той стороне, точно пылала заря, и в ее ярком свете я различил могучие камыши, колеблемые легким ветром. Из камышей выходили мужи, жены, дети, выходили сотнями, тысячами, погружались в волны реки и барахтались в них.

Слушай дальше, отец мой. Все люди в воде были черного племени, как и все выходившие из камышей. Белых, как твой народ, вовсе не было, так как в видении было зулусское племя, о котором одном сказано, что оно «будет оторвано от берега». Я видел, что из ступивших в воду одни быстро переплывали, другие не двигались с места, точь-в-точь как в жизни, отец мой, когда одни рано умирают, а другие живут долгие годы. Среди бесчисленных лиц я узнал много знакомых, узнал лицо Чаки и вблизи него себя самого, узнал также Дингаана, его брата, лицо отрока Умслопогааса, лицо Нады, моей дочери, и вот тогда-то впервые я понял, что Умслопогаас не умер, а только исчез.

Во сне своем я обернулся и осмотрел тот берег реки, где стоял. Тогда я увидел, что за мной поднималась скала, высокая, черная, и в скале были двери из слоновой кости. Через них изнутри струился свет, доносился смех. Были в скале и другие двери, черные, как бы выточенные из угля, и через них зияла темнота, слышались стоны. Перед дверями находилось ложе, а на нем восседала ослепительная женщина. Высокая, стройная, она сверкала белизной, белые одежды покрывали ее, волосы ее были цвета литого золота, а лицо светилось, как полуденное солнце. Тогда я заметил, что выходившие из реки, вода еще стекала с них, подходили к женщине, становились перед ней и громко зывали:

– Хвала Инкозацане зулусов, хвала Царице Небес!

Чудная женщина держала в каждой руке по жезлу: в правой руке – белый жезл из слоновой кости, в левой – из черного дерева. Когда подходившие к трону люди приветствовали женщину, она указывала им то белым жезлом правой руки на белую дверь, на дверь света и смеха, то черным жезлом левой руки на угольные двери мрака и стонов. Тогда одни люди шли в одну сторону и вступали в свет, другие – в другую и погружались во мрак. Между тем еще группа людей вышла из воды. Я узнал их. Тут находились Унанди, мать Чаки, моя жена Анади, сын мой Муса, а также остальные мои жены дети вместе со всеми бывшими у них людьми. Они остановились перед лицом Небесной царицы, которой Умкулункула поручил охранять зулусский народ, и громко воззвали:

– Хвала Инкозацане зулусов, хвала!

Инкозацана указала им светлым жезлом на светлую дверь. Но они не двигались с места. Тогда женщина вдруг заговорила тихим, грустным голосом:

– Идите, дети моего народа, идите на суд, чего вы ждете? Проходите в дверь света!

Но они все медлили, и теперь Унанди сказала:

– Мы медлим, о, Царица Небес, медлим, чтобы вымолить правосудие над тем, кто умертвил нас. Я, прозванная на земле Матерью Небес, больше всех прошу этого!

– Как его имя? – спросил снова тихий, страшный голос.

– Чака, король зулусов! – отвечала Унанди. – Чака, сын мой.

– Многие уже приходили искать ему возмездия, – сказала властительница небес, – многие еще придут. Не бойся, Унанди, час его пробьет. Не бойся и ты, Анади, и вы все, жены и дети Мопо. Повторяю вам, его час пробьет. Копье пронзило твою грудь, Унанди, копье вонзится в грудь Чаки. А вы, жены, дети Мопо, знайте, что рука, наносящая удар, будет рукой Мопо. Я сама направлю его, я научу его мстить. Идите же, дети моего народа, проходите на суд, ибо Чака уже приговорен.

Так вот что снилось мне, отец мой, вот какое видение посетило меня, когда, несчастный, я лежал среди костей и пепла своего краалья. Так было мне дано узреть Инкозацану Небес на высоте ее величия. Позже, как ты узнаешь, я еще два раза видел ее, но то было на земле, наяву.

Да, трижды удостоился я узреть лицо, которого теперь уже не увижу до своей смерти, потому что больше трех раз смертные этого лица не видят.

Утром, проснувшись, я пошел к шалашу королевских «сестер» и подождал, когда они пойдут за водой. Увидев Балеку, я тихонько окликнул ее, и она осторожно зашла за куст алоэ, и мы уныло взглянули в глаза друг другу.

– Злосчастен день, когда я послушался тебя и спас твоего ребенка. Видишь, каковы последствия этого. Погиб весь мой род, умерла Мать Небес, все умерли, а меня самого пытали огнем! – Я показал Балеке свою сухую руку.

– Ах, Мопо, я бы меньше горевала, если бы знала, что сын мой, Умслопогаас, жив! Да и меня ведь не пощадят. Скоро я присоединюсь к остальным. Чака уже обрек меня на смерть, ее только отложили. Он играет со мной, как леопард с раненой ланью. Впрочем, я даже рада умереть, так я скорее найду своего сына!

– А если юноша жив, Балека, что тогда?

– Что ты сказал? – вскрикнула она, дико сверкнув глазами и бросаясь ко мне. – Повтори свои слова, Мопо, о, повтори их! Я готова тысячу раз умереть, лишь бы Умслопогаас остался в живых!

– Верного я ничего не знаю, но прошлую ночь мне приснился сон! – И я рассказал ей про видение и про то, что перед тем случилось.

Она внимала мне, как внимают королю, решающему вопрос жизни и смерти.

– Сон твой вещий, Мопо, – сказала она наконец, – ты всегда был странным человеком и обладал даром ясновидения. Чует мое сердце, что Умслопогаас жив!

– Велика любовь твоя, женщина, и она – причина наших горестей. Будущее покажет, что мы напрасно пострадали, злой рок тяготеет над нами. Что делать теперь – бежать или оставаться здесь, выжидая перемены судьбы?

– Оставайся на месте, Мопо! Слушай, что надумал король. Он, всегда бесстрашный, теперь боится, как бы убийство матери не навлекло на него гнева народа. Поэтому он должен рассказывать, что не он убил ее, а она погибла в огне, навлеčenном колдовством на твой крааль. Никто не поверит этой лжи, но возражать не посмеют. Он устроит, как говорил тебе, выслеживание, но совсем нового характера, так как он сам с тобой станет находить колдунов. Так он предаст смерти всех ненавидящих его за жестокость и за убийство матери. Ты же нужен ему, Мопо, и тебя он сохранит.

Итак, не беги, а оставайся здесь, прославься, дождись великого мщения, о брат мой! Ах, Мопо, разве нет в стране других принцев? А Дингаан и Умхлангана, а Панда? Разве братья короля не хотят царствовать, разве, просыпаясь по утрам, они не ощупывают себя, чтобы убедиться, живы ли еще, разве, засыпая по ночам, они уверены, что разбудит их на заре: ласки ли жен или лезвие королевского ассегая? Добейся их доверия, брат мой, очаруй сердца их, узнай их замыслы или открой им свой. Только таким путем ты доведешь Чаку до того порога, который переступили твои жены, который и я готовлюсь переступить!

Вот что, уходя, сказала мне Балека и была совершенно права. Панду ни на что не подбить, он жил тихо и больше молчал, как слабоумный. Но Дингаан и Умхлангана из другого теста, их при случае можно вооружить таким ассегаем, который разнесет по ветру мозги Чаки. Время действовать еще не настало, чаша Чаки не заполнилась до краев.

Обдумав все это, я встал и пошел в крааль своего друга, где стал лечить обожженную руку. Пока я с ней возился, ко мне пришел посланный от короля.

Я предстал перед королем и припал к его ногам, называя его королевскими именами. Но он протянул руку и, подняв меня, ласково сказал:

– Встань, Мопо, слуга мой, ты много перенес горя от колдовства твоих врагов. Я потерял мать, а ты – жен и детей. Плачьте же, наперсники мои, оплакивайте мою мать, плачьте над горем Мопо, лишенного семьи через колдовство наших врагов!

Тогда приближенные громко завопили, а Чака сверкал на них очами.

– Слушай, Мопо, – сказал король, когда вопли прекратились. – Никто не возвратит мне матери, но тебе я дам новых жен, и ты обретешь детей. Пойди, выбери себе шесть девушек из предназначенных королю. Также возьми из королевского скота лучших сто волов, созови королевских слуг и повели им выстроить тебе новый крааль больше, красивее прежнего. Все это даю тебе с радостью, Мопо, тебя ждет еще большая милость, я разрешаю тебе месть.

В первый день новолуния я созову большой совет из всех зулусских племен. Твое родное племя лангени также тут будет. Мы все вместе станем оплакивать свои потери и тут же узнаем, кто виновник их. Иди теперь, Мопо, иди. Идите и вы, мои приближенные, оставьте меня одного горевать по матери!

Так, отец мой, оправдались слова Балеки, так благодаря коварной политике Чаки я еще больше возвысился в стране. Я выбрал себе крупный скот, выбрал прекрасных жен, но это не доставило мне радости. Сердце мое высохло, радость, сила исчезли из него, погибли в огне шалаша Чаки, потонули в горе по тем, кого я раньше любил.

Глава 12. Рассказ про Галази Волка

Я расскажу тебе про участь Умслопогааса с той минуты, как львица схватила его, расскажу так, как узнал от него самого много лет спустя.

Львица, отскочив, побежала, держа в зубах Умслопогааса. Он попробовал вырваться, но так больно укусила его, что юноша уже не двигался в ее пасти и, только оглядываясь, видел, как Нада отбежала от колючей изгороди и громко кричала: «Спасите его!» Он видел ее лицо, слышал крик, потом перестал что-либо видеть или слышать.

Немного погодя Умслопогаас очнулся от боли в боку, укушенном львицей, и до него долетели какие-то окрики. Он осмотрелся: близ него стояла львица, только что выпустившая его из пасти. Она хрипела от ярости, а перед ней стоял юноша, высокий, сильный, с угрюмым видом и серовато-черной шкурой волка, обмотанной по плечам таким образом, что верхняя челюсть с зубами находилась на его голове. Он стоял, покрикивая, перед львицей, держа в одной руке воинственный щит, а в другой сжимая тяжелую, оправленную в железо палицу.

Львица, страшно рыча, присела, готовясь прыгнуть, но юноша с палицей не стал дожидаться ее нападения. Он подбежал к ней и ударил ее по голове. Удар был сильным, метким, но не убил львицу – она поднялась на задние лапы и набросилась на юношу. Он принял ее на щит, но, придавленный страшной тяжестью, не удержался на ногах и упал, громко воя, как раненый волк. Тогда львица, прыгнув на него, стала его теревить. Благодаря щиту ей не удавалось покончить с ним, но Умслопогаас видел, что долго так не может длиться, щит будет отброшен в сторону, а незнакомец загрызен львицей. Тогда Умслопогаас вспомнил, что в груди зверя осталась часть его сломанного копья, решил еще глубже вонзить лезвие или умереть. Юноша живо встал, силы вернулись к нему в трудную минуту, и подбежал к месту, где львица теревила человека, прикрывавшегося щитом.

Она не замечала его, так что он бросился на колени и, схватив рукоятку сломанного копья, глубоко пронзил зверя и еще повернул копьё в ране. Тогда львица увидела Умслопогааса, прыгнула на него и, выпустив когти, стала рвать ему грудь и руки. Лежа под ней, он услышал невдалеке могучий вой и вдруг... Что же он увидел?

Множество волков, серых и черных, бросились на львицу и стали рвать и теревить ее, пока не растерзали на куски.

После этого Умслопогаас лишился чувств, глаза его закрылись, как у мертвого. Когда же он очнулся, то вспомнил про львицу и оглянулся, ища ее. Но вместо этого он увидел себя в пещере, на сеннике, вокруг него висели шкуры зверей, а около стояла кружка с водой. Он протянул к воде руку, выпил ее и тут заметил, что рука его исхудала, как после тяжелой болезни, а грудь покрыта чуть зажившими рубцами.

Пока он лежал, раздумывая, у входа в пещеру показался тот самый юноша, которого подмяла под себя львица. Он нес на плечах мертвую лань и, сбросив ее на землю, подошел к Умслопогаасу.

– Ага, – сказал он, взглядевшись в него, – глаза смотрят! Незнакомец, ты жив еще?

– Жив, – отвечал Умслопогаас. – Жив и голоден!

– Пора и проголодаться! – сказал опять тот. – С того дня, как я с трудом донес тебя сюда через лес, прошло двенадцать суток, и ты все лежал без сознания, глотая одну воду. Я думал, что львиные когти прикончили тебя. Два раза я хотел тебя убить, чтобы прекратить твои страдания и самому с тобой развязаться. Но я останавливался из-за слова, сказанного мне кем-то, кого уже нет в живых. Набирайся сил, потом мы поговорим!

Тогда Умслопогаас стал есть и с каждым днем поправлялся. Как-то, сидя у огня, он разговаривал с хозяином пещеры.

– Как тебя зовут? – спросил Умслопогаас.

– Имя мое – Галази Волк, – ответил тот. – Я зулусской крови, из рода короля Чаки. Отец Сензангаконы, отца Чаки, приходится мне прадедом.

– Откуда же ты, Галази?

– Я пришел из страны свази, из племени халакази, которым должен был бы управлять. История моя такова: Сигуяна, дед мой, приходился младшим братом Сензангаконе, но, поссорившись с последним, ушел и стал странником. С некоторыми людьми из племени умтетва он кочевал по стране Свазиленд, жил у племени халакази, в их больших пещерах. В конце концов он убил предводителя племени и заступил на его место. После его смерти управлял мой отец, но образовалась целая враждебная партия, ненавидевшая его за зулусское происхождение и желавшая возвести в правители кого-нибудь из древнего рода свази. Сделать это они не могли – так боялись моего отца. Я же родился от его старшей жены, так что в будущем мне предстояло быть вождем, и потому представители враждебной партии также ненавидели меня.

Так обстояло дело до прошлой зимы, когда мой отец задумал во что бы то ни стало лишить жизни двадцать военачальников с их женами и детьми, потому что узнал о составленном ими заговоре. Но военачальники, проведав, что им готовилось, убедили одну из жен отца отравить его. Ночью она его отравила, а поутру мне пришлось сказать, что отец лежит больной и зовет меня. Я пошел к нему в шалаш и нашел его в корчах.

– Что случилось, отец?! – вскрикнул я. – Кто виновник злодеяния?

– Я отравлен, сын мой, – проговорил он, задыхаясь. – Вот мой убийца!

Он указал на женщину, стоявшую у дверей с опущенной головой и с дрожью следившей за плодами своего преступления.

Эта жена отца была молода и прекрасна, мы дружили с ней, однако, я, не задумываясь, кинулся на нее, так как сердце мое разрывалось. Схватив копье, я подбежал к ней и, несмотря на ее мольбы о пощаде, заколол ее.

– Молодец, Галази! – крикнул мне отец. – Когда меня не станет, позаботься о себе, эти собаки свази прогонят тебя отсюда, не дадут властвовать. Если ты останешься в живых, поклянись мне, что не успокоишься, пока не отомстишь за меня!

– Клянусь, отец мой! – ответил я. – Клянусь, что истреблю все племя халакази до последнего человека, кроме сродников своих, и обращу в рабство их жен и детей!

– Громкие слова для молодых уст, – сказал отец, – но я верю, что ты это исполнишь. В свой предсмертный час я предвижу твое будущее, Галази. О, сын Сигуяны, перед тобой несколько лет странствования по чужой земле, а потом смерть мужественная, не такая, как моя, от руки этой ведьмы!

С этими словами он поднял голову, посмотрел на меня и с громким стоном скончался.

Я вышел из шалаша, таща за собой тело женщины. Много военачальников собралось тут в ожидании конца.

– Предводителя, отца моего, не стало! – громко крикнул я. И я, Галази, заступая на его место, убил его убийцу! – Я повернул тело так, чтобы они могли видеть лицо. Тогда отец женщины, толкнувший ее на убийство и находившийся тут, обезумел от такого зрелища.

– Как, братья?! – воскликнул он. – Мы допустим над собой господство этого зулусского пса, умертвившего женщину? Старый лев издох, долой львенка!

И он подбежал ко мне, заноса копье.

– Долой его! – закричали остальные и тоже подбежали, потрясая копьями.

Я выждал, не торопясь, так как знал из последних слов отца, что мой час не пробил. Я дал первому подойти ко мне, он бросил копье, я отскочил в сторону и заколол его.

Отец упал, мертвый, на труп дочери.

Тогда я с громким криком прорвался мимо остальных. Никто меня не тронул, никто не смел меня поймать. Нет ведь человека, который бы меня обогнал, когда я примусь бежать.

– Не попробовать ли мне? – сказал, улыбаясь, Умслопогаас, слывший у зулусов за скорохода.

– Прежде окрепни, а потом беги! – отвечал Галази.

– Продолжай рассказ, – попросил Умслопогаас, – он веселит меня.

– Да, незнакомец, я не кончил!

– Бежав из страны халакази, я направился прямо к зулусам, за помощью к Чаке. На пути я зашел в крааль старца, хорошо знакомого с делами. Он отсоветовал мне идти к Чаке.

Уйдя из этого крааля, я наутро проходил мимо другого и встретил там старуху, спросившую меня, не хочу ли я достать страшное оружие, Всеистребляющую Палицу. На мой ответ, что я не знаю, где такую найти, она посоветовала мне:

– Завтра утром, на заре, поднимись вот на эту гору. На пути вверх попадетсся тебе тропинка, и ты вступишь в мрачный лес. Потом ты дойдешь до пещеры, в скале которой лежат кости человека. Собери их в мешок, принеси мне, и я дам тебе эту палицу!

Между тем люди, выходявшие из крааля, прислушивались к словам старухи и не советовали мне слушаться ее, говоря, что она помешанная, а в пещерах и скалах обитают злые духи. Там, в пещере, по их словам, погиб сын этой старухи, за его-то кости она и обещает в награду великую палицу.

– Лгут они, – сказала старуха, – нет никаких духов. Духи гнездятся в их трусливых сердцах, а там, наверху, одни волки. Я знаю, что кости моего сына лежат в пещере, я их видела во сне, но я слишком слаба, чтобы взобраться на горную тропинку. Здесь все трусы, нет ни одного молодца со смерти моего мужа, убитого зулусами!

Я слушал ее молча, но, когда она кончила, попросил показать мне палицу, предназначенную тому, кто предстанет перед Аматонго, перед лесными духами горы Призраков. Старуха встала и ползком добралась до шалаша. Скоро она вернулась, таща с собой большую палицу.

– Вот, незнакомец, смотри, видал ты что-нибудь подобное? – Галази потряс палицей перед Умслопогаасом.

– Да, отец мой, то была палица, и я, Мопо, позже видал ее в деле. Она была велика, узловата, черна, точно продымившееся в огне железо, металлическая оправа ее стерлась от частых ударов.

– Когда я увидал ее, – продолжал Галази, – мной овладело безграничное желание владеть ею. Как называется палица? – спросил я старуху.

– Страж Брода, – ответила она, – и хорошо же она стережет! Пять человек поразили на войне этой палицей, а сто семьдесят три полегли под ее ударами. Последний из сражавшихся ею убил двадцать человек, прежде чем пал сам, ибо такова слава палицы, что имеющий ее погибает славной смертью. Во всей стране зулусов есть только одно еще подобное оружие – это великий топор Джикизы, вождя племени Топора, живущего вон там, в том краале. Приносящий победу древний Имубубузи – Виновник Стонов с роговой рукояткой. Если бы Виновник Стонов, топор, и Страж Брода, палица, работали вместе, то и тридцати человек не осталось бы в живых во всей стране зулусов. Теперь выбирай!

– Вот что, старуха, – сказал я, – дай-ка мне палицу на время, пока я буду отыскивать кости. Я не вор и принесу ее обратно!

– Кажется, ты действительно честный малый! – сказала она, вглядываясь в меня. – Бери Стража и отправляйся за костями. Коли погибнешь, то и твое оружие пропадет, а в случае неудачи верни его мне; если же достанешь кости, то владей палицей. Она покроет тебя славой, и конец твой будет мужественный – ты падешь, заносся ее высоко над побежденными тобой!

Итак, поутру, на заре, взяв Страж Брода и небольшой легкий щит, я приготовился выступить. Старуха благословила меня, пожелав доброго пути. Но остальные жители крааля насмеялись, крича:

– Маленький человек с большой палицей! Берегись, малыш, как бы привидения ею же не побили тебя!

Так говорили все, кроме одной девушки, приходившейся внучкой старухе. Она отвела меня в сторону, умоляя остаться, говоря, что лес на горе Призраков имеет дурную славу, что никто не ходит в него, так как там духи воют подобно волкам. Я поблагодарил девушку, а другим не отвечал, только попросил показать мне дорогу.

Теперь, если ты окреп, незнакомец, то подойди к отверстию пещеры, выгляни. Месяц ярко светит.

Умслопогаас приподнялся и прополз в узкое отверстие пещеры. Над ним высоко в небо вздымалась серая вершина, похожая на сидящую женщину со склоненной на грудь головой, так что пещера была как бы на ее коленях. Ниже скала круто обрывалась, вся поросшая мелким кустарником. Еще ниже темнел громадный густой лес, спускаясь к другой скале, у подножия которой на той стороне реки расстилались широкие зулусские равнины.

– Вон там, – сказал Галази, указывая Стражем Брода на далекую равнину, – крааль, где жила старуха, вот и скала, куда мне надлежало взобраться, вот и лес, где царили духи Аматаонго. По той стороне леса вьется тропинка в пещеру, а вот и сама пещера. Видишь этот камень, им загораживается вход. Он очень велик, но ребенок может сдвинуть его, так как он укреплен на скалистом острие. Только помни одно, не надо толкать камень слишком глубоко. Если он дойдет вот до этого знака, то надо много сил, чтобы отвалить его. Однако я справлюсь, хотя и не достиг еще полной зрелости. Если же камень перевалится за знак, то он покатится внутрь пещеры с такой быстротой, с какой скатывается голыш с обрыва. Тогда, пожалуй, и два человека изнутри да один снаружи вряд ли справятся с ним. Смотри теперь, я, как всегда, на ночь завалю камень так!

Он ухватился за скалу, и она, как любая дверь, захлопнулась на выточенном природой стержне.

– Итак, – продолжал он, – я покинул крааль, и все провожали меня до реки. Она разлилась, и никто не решался переправиться.

– Ага, – кричали они, – вот и конец пути, маленький смельчак, сторожи теперь брод, ты, мечтавший владеть Стражем Брода, размахнись-ка палицей по воде, может, ты усмиришь волны!

Не отвечая на насмешки, я привязал веревкой щит к плечам, захваченный мешок обмотал вокруг тела, а к палице прикрепил ремень и взял его в зубы. Потом я бросился в речку и поплыл. Дважды течение относило меня, и стоящие на берегу кричали, что я погиб, но я опять всплывал и наконец добрался до противоположного берега. Тогда оставшиеся на той стороне замерли от удивления, а я пошел вперед, направляясь к скале. Трудно, незнакомец, взбираться на ту скалу. Когда ты окрепнешь, я покажу тебе тропинку. Я одолел ее и в полдень добрался до леса. Тут, на опушке, я отдохнул и закусил провизией из мешка, так как нуждался в силах для борьбы с привидениями, если таковые существовали. Потом я встал и углубился в лес.

Высоки в нем деревья, странник, и настолько густы, что местами света не больше, чем в ночь новолуния. И все же я пробивался вперед, часто сбиваясь с дороги.

Изредка из-за верхушек деревьев выглядывала фигура серой каменной женщины, сидящей наверху горы Призраков, и я направлялся к ее камням. Сердце мое сильно билось, пока я так бродил в темноте леса, среди ночной тишины, я все осматривался, не следят ли за мной глаза Аматаонго. Но нет, духи не попадались, только изредка большие пятнистые змеи выползали из-под моих ног. Быть может, это и был Аматаонго. Временами мелькал серый волк и прокрадывался между деревьями, следя за мной. А в больших ветвях глубоко, точно женщина, вздыхал ветер.

Я подвигался вперед, напевая и стараясь ободрить себя. Наконец деревья поредели, местность стала повышаться, и опять блеснули небеса.

Но я утомил тебя рассказом, отдохни до завтра, и там я dokonчу его. Скажи мне только свое имя.

– Имя мое Умслопогаас, сын Мопо! – ответил он. – Когда ты кончишь твой рассказ, я начну свой. А теперь давай спать!

Галази вздрогнул. Услышав имя гостя, он смутился, но ничего не сказал. Они легли спать, и Галази закутал Умслопогааса шкурами лосей. Сам Галази был такой крепкий, что улегся без всякого покрывала на голой скале.

Так почивали они, а вокруг пещеры были волки, чуя кровь человеческую.

Глава 13. Галази покоряет волков

– Теперь слушай, Умслопогаас, сын Мопо! – продолжал на другой день Галази. – Пройдя через лес, я добрался как бы до колен каменной колдуньи, сидящей вон там высоко и целые века выжидающей конца мира. Здесь уже весело играло солнце, здесь бегали ящерицы, порхали птицы, и хоть опять наступал вечер – я ведь долго бродил по лесу, я уже больше не трусил. Я влез на крутую скалу, поросшую мелким кустарником, и наконец добрался до каменных колен колдуньи, представляющих собой площадку перед пещерой. Я заглянул за край скалы, и, поверишь ли, Умслопогаас, кровь моя похолодела, сердце замерло. Там, перед самой пещерой, валялись много больших волков. Одни спали, рыча во сне, другие грызли черепа убитых зверей, а остальные сидели, как псы, оскалив зубы, высунув из разинутой пасти языки. Я вгляделся и различил за ними вход в пещеру, где, по-видимому, находились кости юноши. Но мне не хотелось туда идти: я боялся волков, так как понял теперь, кого принимали за горных духов. Я решил бежать оттуда, но когда обернулся, то великая палица Страж Брода размахнулась ихватила меня таким ударом по спине, каким храбрецы расправляются с трусами. Случайность ли или Страж хотел пристыдить вооруженного им, этого я не знаю, но стыд охватил меня. Как, неужели вернуться назад, терпеть насмешки жителей крааля, старухи? Да разве в лесу ночью меня не загрызут духи? Лучше уж сейчас поскорее попасться в их лапы. Не медля дольше, чтобы страх не обуял меня, я взмахнул палицей и с боевым криком племени халакази вскочил на край скалы и бросился на волков. Они тоже вскочили и остановились, завывая, со взъерошенной шерстью и с горящими глазами. Их звериный запах доносился до меня. Но, увидев, что на них кинулся человек, они вдруг испугались и разбежались во все стороны, спрыгивая большими прыжками со скалистой площадки, изображающей колени колдуньи, так что скоро я очутился один у входа в пещеру. Сердце у меня росло в груди от радостного сознания, что я покорил волков, не зашибив ни одного, я гордо, точно петух по крыше, подошел к отверстию пещеры и заглянул в глубь ее. Как раз в эту минуту заходящее солнце яркими, красными лучами осветило темноту. Тогда, Умслопогаас, я опять струсил!

Видишь, вон там углубление в стене, огонь теперь освещает его? В том конце вышина пещеры в рост человека. Углубление узкое и неглубокое, оно точно выбуравлено железом. Человек мог бы сидеть в нем, да человек и сидел или, скорее, то, что было когда-то человеком. Там находился остов, обтянутый почерневшей кожей. Зрелище это было ужасно. Он упирался в вытянутые руки и в правой держал кусок мяса. Мясо было наполовину съедено, видно, он поел перед смертью. Глаза этого скелета покрывала кожаная повязка, точно заслоняя от него что-то. Одной ноги не хватало, а другая свисала через край ниши. Под ней на земле валялось заржавленное лезвие сломанного копья.

Подойди сюда, Умслопогаас, тронь рукой стену пещеры. Она гладкая, не правда ли? Гладкая, как те камни, на которых женщины мелют зерна. А отчего она гладкая, спросишь ты. Я могу тебе сказать. Когда я сквозь дверь пещеры смотрел внутрь, то видел следующее.

На полу лежала волчица, тяжело дыша, точно она пробежала много верст. Она казалась большой и свирепой. Близ нее находился волк, старый, черный, больше всех виденных мной, настоящий родоначальник, с серыми полосами на голове и на боках. Этот волк стоял на месте, но, пока я следил за ним, он вдруг побежал и подскочил высоко вверх, к иссохшей ноге, свисавшей из скалистой трещины. Лапы его ударились о гладкую скалу, на секунду он за нее ухватился, щелкнув зубами на расстоянии копья от мертвеца, но сорвался с яростным рычанием и медленно прошелся по пещере.

Опять подбежал, подпрыгнул, опять щелкнули большие челюсти, и опять он, воя, упал. Тогда поднялась волчица, они вместе старались стащить высоко сидящую фигуру. Ничего

не выходило. Ближе расстояния копыта они не могли подпрыгнуть. Теперь, Умслопогаас, тебе понятно, почему скала гладкая, блестящая.

Месяц за месяцем, год за годом волки старались достать кости мертвеца. Каждую ночь они, щелкая зубами, бросались на стену пещеры, никогда не достигая мертвой ноги. Одну ногу они пожрали, но другая оставалась недоступной.

Пока я следил, исполненный ужаса и удивления, волчица, высунув язык, прыгнула так высоко, что почти достала до висевшей ноги. Она упала назад, я увидел, что это ее последний прыжок, так как она надорвалась и лежала, громко воя, а изо рта ее струилась черная кровь.

Волк все видел, он приблизился, обнюхал ее и, поняв, что она убила насмерть, схватил ее за горло и стал терзать. Теперь пещера огласилась стонами, задыхающимся воем; волки катались по земле под сидящим высоко человеком. В багровом свете заходящего солнца эта картина, эти звуки были столь ужасны, что я дрожал, как ребенок.

Волчица заметно слабела, так как белые клыки самца глубоко вонзились ей в горло. Я понял, что настала минута покончить с ним.

После недолгой, но ужасной борьбы мне удалось уложить его ловким ударом палицы.

Немного погодя я оглянулся и увидел, что волчица опять стала на ноги, точно невредимая. Знай, Умслопогаас, такова природа этих злых духов, что, грызясь постоянно, они не могут истреблять друг друга. Только человек может убить их, и то с трудом. Итак, она стояла, поглядывая не на меня, даже не на мертвого самца, а на того, кто сидел наверху. Заметив это, я подкрался сзади и, подняв Стража, опустил его вниз изо всей силы. Удар пришелся ей по шее, сломал шею, и она перекувырнулась и моментально издохла.

Отдохнув немного, я подошел к отверстию пещеры и выглянул. Солнце садилось, лес почернел, но свет еще сиял на лице каменной женщины, вечно восседающей на горе. Мне пришлось ночевать тут, так как, несмотря на полнолуние, я не смел спускаться к равнине один, окруженный волками и привидениями. А если один я не решался, то тем более не мог пойти, унося с собой сидящего в расщелине. Нет, я остался, так что я вышел из пещеры к ключу, бьющему из скалы вон тут, правее, и напился. Потом я вернулся, уселся у входа в пещеру и следил, как затухал свет на лице земли. Пока он угасал, стояла тишина, но потом проснулся лес. Поднялся ветер и развевал зеленые ветки, походившие на волны, слабо озаренные луной. Из глубины леса неслись завывания привидений и волков, им вторил вой с вершины скал, вот такой вой, какой мы слышим, Умслопогаас, сегодня ночью!

Ужасно было сидеть здесь у входа, про камень я еще не знал, да если бы и знал, то не согласился бы остаться там, внутри, с мертвыми волками да с тем, кого они стремились пожрать. Я прошелся по площадке и посмотрел вверх. Свет месяца падал прямо на лицо каменной колдуньи. Мне показалось, что она смеется надо мной. Я тогда понял, что нахожусь на месте, где являются мертвецы, где злые духи, носящиеся по свету, гнездятся, как коршуны. Я вернулся в пещеру, чувствуя, что надо что-нибудь предпринять, иначе можно сойти с ума. Я притянул к себе труп мертвого волка и стал сдирать с него шкуру.

Я работал около часу, напевая и стараясь не думать ни о том, кто висел в расщелине, ни о завываниях, которыми оглашались горы. Но месяц все ярче освещал внутренность пещеры. Я мог различить форму костей сидевшего, даже повязку на его глазах. «Зачем завязал он ее? – размышлял я. – Разве чтобы не видеть свирепых морд бросавшихся на него волков?»

Между тем окружавший меня вой все приближался, я видел уже серые тени, подкрадывающиеся ко мне в сумерках. Вот совсем близко сверкнули огненные зрачки, острое рыло обнюхало волчий труп. С диким воем поднял я Стража и ударил. Раздался крик боли, что-то усакало в темноту. Наконец шкура была содрана, и я отбросил ее в сторону. Схватив тушу, дотащил ее до края скалы и оставил там. Немного погодя завывания стали еще ближе, я увидел серые тени. Они обступили тушу, накинулись на нее и жестоко дрались, разрывая на куски. Потом, облизываясь красными языками, волки убежали обратно в лес.

Во сне это было или наяву, наверняка не знаю. Одно только помню, что я вдруг посмотрел вверх и увидел свет. Да, Умслопогаас, это не мог быть свет месяца, падающий на сидевший скелет, нет, то был красный свет, фигура точно пылала в нем. Я все смотрел, мне показалось, что отвисшие челюсти дрогнули, что из пустого желудка, из высохшей груди донесся резкий, глухой голос:

– Привет тебе, Галази, сын Сигуяны, – сказал голос. – Привет, Галази Волк! Скажи, что ты делаешь здесь, на горе Призраков, где столько веков уже каменная колдунья сторожит конец мира?

Я отвечал, Умслопогаас, или мне казалось, что я отвечаю, ибо голос мой тоже звучал дико и глухо:

– Привет тебе, мертвец, сидящий, как коршун на скале! Слушай, зачем я здесь, на горе Призраков. Я пришел за твоими костями, чтобы твоя мать могла похоронить их.

– Много, много лет просидел я тут, Галази, – отвечал мертвец, – следя, как привидения-волки подсакивают и стараются стащить меня вниз, так что скала стала гладкой под их скользящими лапами! Так просидел я еще живым семь дней, семь ночей, томясь голодом, с голодными волками подо мной. Так просидел я мертвым много лет в сердце каменной колдуньи, следя за месяцем, солнцем, звездами, прислушиваясь к вою волков-призраков, пожирающих все подо мной, проникаясь разумом вечной неподвижной колдуньи. Но мать моя была молода, прекрасна, когда я вступил в очарованный лес и взобрался на каменные колени. Как выглядит теперь она, Галази?

– Она поседела, сморщилась, очень постарела! – отвечал я. – Ее считают помешанной, однако я по ее желанию пришел разыскивать тебя, вооруженный Стражем, принадлежавшим твоему отцу и перешедшим теперь ко мне!

– Он останется при тебе, Галази, – сказал голос, – потому что ты один не побоялся волков, чтобы предать меня погребению. Слушай же, ты проникнешься разумом вечной, давно окаменелой колдуньи, ты и еще другой. Не волков ты видел, не волков убил, нет, это души злых людей, живших в давно прошедшие времена, обреченных скитаться по земле, пока не истребит их человек. Знаешь ли ты, как жили эти люди, Галази, чем они питались? Когда просветлеет, взберись на каменные плечи колдуньи, загляни во впадину между ее грудей. Тогда увидишь, как жили эти люди. Им произнесен приговор, они обречены блуждать, истощенные, голодные, в волчьем обличье, пребывая на горе Призраков, где когда-то жили, до тех пор, пока не погибнут от руки человека. Раздирающий голод заставляет их годами тянуться к моим костям. Ты убил их короля, а с ним и царицу. Слушай дальше, Галази Волк, послушай, каким разумом я награжу тебя. Ты станешь королем волков-призраков ты, да еще один, принесенный тебе львом. Обмотай по плечам черную шкуру – тогда волки пойдут за тобой, все оставшиеся триста шестьдесят три волка, и пусть тот, кто явится к тебе, наденет серую шкуру. Куда вы двое поведете их, там они все пожрут, принося всем смерть, а нам – победу. Знай одно, что они сильны только в тех местах, где прежде добывали себе пищу. Недобрый дар взял ты от моей матери, дар Стража. Хотя без него ты бы никогда не одолел короля волков, но зато, приобретя его, ты сам погибнешь. Завтра снеси меня обратно к матери, чтобы мне уснуть там, где уже не мечутся духи-волки. Галази, я кончил!

По мере того как он говорил, голос мертвеца становился все глуше, так что я еле различал слова. Однако я успел спросить его, кого же принесет лев, кто поможет мне управлять волками-привидениями, как зовут этого пришельца. Тогда мертвец ответил столь тихо, что, если бы не окружающая тишина, я бы не расслышал:

– Его зовут Умслопогаас Убийца, сын Чаки, Льва зулусского!

Тут Умслопогаас вскочил с места.

– Мое имя Умслопогаас, – сказал он, – но я не убийца, так как я сын Мопо, а не Чаки. Ты видел это во сне, Галази, а если нет, то мертвец солгал тебе!

– Может быть, я и видел сон, – ответил Галази Волк. – Может быть, солгал мертвец. Все же если в этом он солгал, то, как ты видишь, относительно другого он сказал правду!

После этих слов, услышанных наяву или во сне, я действительно заснул, а когда проснулся, то лес застилали облака тумана, слабый, серый свет скользил по лицу той, что сидит на камне. Я вспомнил про свой сон и захотел проверить его. Я встал и, выйдя из пещеры, нашел место, где мог взобраться до груди и головы каменной колдуньи. Я полез, и в это время солнечные лучи заиграли на ее лице. Я им обрадовался, но по мере того как приближался, сходство с женским лицом утрачивалось; я уже ничего не видел перед собой, кроме шероховатых скалистых глыб. Так всегда бывает с колдуньями, Умслопогаас, будь они каменные или живые, при приближении они меняются!

Теперь я находился на груди горы и сначала бродил взад и вперед между каменными глыбами. Наконец я набрел на расщелину шириной в три мужских прыжка и длиной в полполета копья. Близ этой расщелины лежали большие, почерневшие от огня камни, а около них сломанные горшки и кремневый нож. Я заглянул в расщелину: она была глубока, сыра и вся поросла зеленым мхом да высокими папоротниками.

Вернувшись, я сделал следующее. Я содрал и с волчихи шкуру. Когда я кончил, солнце уже взошло и пора было выступить! Но один я не смел уйти, надо было захватить с собой сидящего в скалистой щели. Я очень боялся этого мертвеца, говорившего со мной во сне. Но я обязан был его взять, так что, навалив один на другой камни, я добрался до него и снес вниз. Только из кожи и костей, он оказался очень легким. Спустив его, я обвязал вокруг себя волчью шкуру, оставил кожаный мешок, куда скелет не помещался, и, подняв себе мертвеца на плечи, как ребенка, держа его за оставшуюся ногу, направился в крааль.

По откосу, зная дорогу, я шел скоро, ничего не видя и не слыша. Я вступил в лесной мрак. Тут пришлось умерить шаг, чтобы ветви не ударяли мертвеца по голове. Так я шел, подвигаясь в глубь леса. Тогда справа от меня раздался волчий вой, слева ему ответили другие завывания, послышался еще вой за мной, впереди меня. Я шел смело, боясь остановиться, направляясь по солнечным лучам, изредка красневшим сквозь большие деревья. Теперь я уже различал крадущиеся на моем пути серые и черные тени, обнюхивающие на ходу воздух. Наконец я дошел до открытого места, и – о ужас! – все волки мира собрались тут. Сердце у меня замерло, ноги задрожали, со всех сторон были звери, большие, голодные. Я стоял неподвижно, занеся палицу, а они тихо подползли, ворча, бормоча, образуя вокруг меня большой круг. Но они на меня не бросились, а только подкрадывались все ближе. Один из них прыгнул, но не на меня, а на то, что я держал на плечах. Я двинулся в сторону, он промахнулся и упал на землю, стал жалобно, точно испуганно, визжать. Тогда припомнилось мне предсказание в моем сне, что мертвец наградит меня разумом, делающим меня королем волков-призраков, меня и еще другого, принесенного мне львом.

Разве это не оправдалось, разве не растерзали бы меня волки?

На минуту я задумался, потом крикнул, завыв подобно волку. Тогда все волки откликнулись могучим протяжным воем. Я протянул руку, позвал их. Они подбежали, окружили меня, но вреда не причинили – напротив, они красными языками лизали мне ноги, дрались, чтобы стать ко мне ближе, и терлись о меня, как коты.

Один еще попробовал схватить мертвеца, но я ударил его Стражем, и он улизнул, как наказанный пес. К тому же другие искусали его так, что он взвыл.

Я уже знал, что мне нечего бояться, я стал главой духов-волков, поэтому пошел дальше, и за мной побежала вся стая.

И я все шел, а они покорно следовали; упавшие листья шуршали под их ногами, подымалась пыль. Наконец показалась лесная опушка.

Тут я подумал, что, окруженного волками, меня не должны видеть люди, иначе они примут меня за колдуна и убьют. На опушке я остановился и приказал волкам идти обратно. Они

жалобно взвыли, точно жалея обо мне, но я крикнул им, что вернусь опять, что буду управлять ими. Слова мои точно отозвались в их диких сердцах. Они повернули и, завывая, пошли, так что скоро я остался один.

Теперь, Умслопогаас, пора спать, завтра ночью я dokonчу рассказ.

Глава 14. Братья-волки

На следующую ночь Умслопогаас и Галази опять грелись у огня на пороге пещеры, вот как мы сидим теперь, отец мой, и Галази продолжал рассказ:

– Я пошел дальше и пришел к реке. Уровень воды настолько понизился, что я мог достать дно ногами и переправился вброд. Между тем люди на другом берегу разглядели мою ношу, а также волчью шкуру на моей голове. Они побежали к краалю, крича: «К нам по воде идет кто-то на спине у волка!»

Когда я подошел к краалю, все жители его собрались встретить меня, кроме старухи, которая не могла так далеко идти. Когда увидели меня, спускающегося с горы, и поняли, что я нес на плечах, то всех обуял страх. Но, удивленные, они не убежали, а только молча пятились предо мной, держась друг за друга. Я тоже медленно продвигался, пока не приблизился к краалю. Старуха сидела у ворот, греясь в полуденных лучах. Я подошел к изгороди и, сняв с плеч ношу, опустил ее на землю со словами:

– Женщина, вот сын твой! С большим трудом вырвал я его из когтей привидений, там их много наверху. Он весь тут, кроме одной ноги, не найденной мной. Возьми его теперь, предай погребению, ибо общество его мне тягостно.

Она взглядела в лежавшего перед ней, протянула иссохшую руку, сорвала повязку с провалившихся глаз. Потом с диким воплем обхватила руками шею мертвого.

Она вскрикнула еще раз, стоя неподвижно, с протянутыми руками. Тут пена выступила у нее изо рта, и она упала, мертвая, на труп сына. Наконец кто-то из жителей закричал:

– Как зовут этого человека, отвоевавшего тело у духов?

– Галази зовут меня! – отвечал я.

– Нет, не так, твое имя Волк, вот и волчья шкура на твоей голове!

– Галази имя мое, а Волком ты прозвал меня, но пусть я назовусь Галази Волк!

– И вправду, волк, смотрите, как он скалит зубы, не человек он, братья, нет!

– Ни то ни другое, просто колдун! – закричали все. – Только колдун мог пробраться через лес и влезть на каменные колени!

– Да, да, это волк, это колдун! Убейте его, убейте колдуна-волка, пока он не навлек на нас своих духов!

Они подбежали ко мне с поднятыми копьями.

– Да, я волк, – закричал я. – Да, я колдун, я пойду за волками и привидениями и приведу их к вам!

С этими словами я повернулся и побежал так скоро, что они не могли меня догнать. По дороге мне попала девушка, она несла на голове корзину с хлебами, а в руках мертвого козленка. Я дико взвыл, набросился на нее, вырвал хлеба и козленка и побежал дальше к реке.

Перейдя речку, я спрятался на ночь в скалах и съел свою добычу.

Встав на заре, я стряхнул росу с волчьей шкуры, потом вступил в лес и завыл по-волчьи. Волки-привидения узнали мой голос и откликнулись издалика. Скоро раздался их топот, и волки обступили меня целыми десятками и ласкались ко мне. Я сосчитал их, оказалось, триста шестьдесят три зверя.

Тогда я направился в пещеру и вот живу здесь с волками уже двенадцать месяцев. С ними я охочусь, с ними свирепствую, они меня знают и слушаются меня! Теперь, Умслопогаас, я покажу тебе их!

И Галази, надев на юношу волчью шкуру, протяжно завыл. Еще не успело замереть эхо, как с вышины скал, из глубины леса, с востока, с запада, с севера, с юга раздался ответные завывания. Волки приближались – вот раздался топот и подскочил большой серый волк, а за

ним много других. Они бросились к Галази, ласкаясь к нему, но он отстранил их ударами Стража. Тогда, заметив Умслопогааса, они, раскрыв пасти, накинулись на него.

– Стой! Не двигайся! – крикнул Галази. – Не бойся.

– Я привык к собачьим ласкам! – отвечал Умслопогаас. – Что же в них страшного?

Он говорил смело, но в душе трусил, так как зрелище было самое ужасное. Волки набросились на него со всех сторон, разинув пасти, почти закрывая его. Но ни один волк не тронул его, подскакивая, звери обнюхивали шкуру и тогда ласкались и лизали его. Умслопогаас увидел, что самцы перестают на него бросаться, но самки еще толпились кругом, узнавая шкуру волчихи. Все звери были большие, истощенные, голодные, все зрелые – детенышей вовсе не было. Их было столько много, что при луне трудно было сосчитать. Вглядевшись в их красные глаза, Умслопогаас почувствовал, что сердце его становится волчьим. Подняв голову, он тоже взвыл, и самки завывали в ответ.

– Стая собрана, пора на охоту! – крикнул Галази. – Поторопимся, дружище, нам этой ночью предстоит дальний путь! Эй, Черный Клык, Серое Рыло, эй, слуги мои, черные, серые, вперед, вперед!

Он с криком прыгнул вперед, за ним Умслопогаас, а позади их устремились волки-привидения. Они сбежали, как лани с горных уступов, перескакивая со скалы на скалу, и вдруг перед самой чащей остановились.

– Я чую добычу! – крикнул Галази. – Вперед, слуги мои, вперед!

Вскоре из лесу выскочил буйвол, и волки кинулись за ним. Буйвол, спасаясь от преследователей, летел со всех ног, но Умслопогаас, опередив других и даже Галази, нагнал его, вскочил на спину и ударил копьём. Животное закачалось и рухнуло на землю. В это время подросли остальные волки и поделили между собой добычу.

Вскоре после охоты Умслопогаас рассказал Галази свою историю, и тот спросил его, останется ли он с ним жить, разделит ли власть над волками или отправится разыскивать отца своего, Мопо, в краале Чаки.

Умслопогаас признался, что хочет только разыскать свою сестру Наду, о которой он ни на минуту не забывал, но Галази уговорил его подождать до возмужалости, и он остался.

Друзья на глазах у всех волков заключили кровавый братский союз до смерти, и волки завывали, почуяв человеческую кровь. С той поры братья во всем были заодно, и волки-духи откликались на голоса обоих. Не одну потом лунную ночь они охотились вместе, добывая себе пищу. Иногда они переправлялись через реку, охотились по равнинам, так как в горах водилось мало дичи. Тогда, заслышав могучий вой, жители крааля выходили из шалашей и, следя, как стая неслась по степи, говорили, что это носятся духи, и со страхом прятались. Однако братья-волки и их стая до сих пор не убивали еще людей.

После нескольких месяцев жизни на заколдованной горе Умслопогаасу стала сниться Нада. Просыпаясь, он подумывал о том, как бы разузнать про меня, про отца его, Мопо, а также про ту, кого он считал матерью, про сестру Наду и про всех остальных родственников.

Однажды он оделся, прикрыв наготу и оставив Галази, и спустился в тот крааль, где жила прежде старуха. Там он выдал себя за молодого человека, сына одного вождя из далекой страны, ищущего себе жену. Жители крааля выслушали его, хотя вид его показался им диким, свирепым, а кто-то из них даже спросил, не он ли Галази Волк, Галази Колдун.

Умслопогаас отвечал, что он ничего про Галази не знает, а еще менее про каких-то волков. Пока они так рассуждали, в крааль вступил отряд из пятидесяти воинов. Умслопогаас узнал в них воинов Чаки и сначала хотел заговорить с ними, но Элозий внушил ему молчать, так что он сел в углу большого шалаша и стал прислушиваться. Немного погодя начальник крааля, страшно струсивший, так как думал, что отряд послан умертвить его, а также все ему подвластное, спросил одного из пришельцев, что ему нужно.

– Дело наше небольшое, но бесполезное. Король послал нас разыскивать некоего юношу Умслопогааса, сына Мопо, королевского врачевателя. Мопо распустил слух, что юношу растерзал лев вот в этих горах; Чака желает убедиться, насколько это правда.

– Не видали мы никакого такого юношу! – ответил начальник. – Да на что он вам?

– Мы исполним приказание, убьем его!

«Подождете еще!» – подумал про себя Умслопогаас.

– Что за человек этот Мопо? – спросил опять начальник крааля.

– Он злоумышленник, – ответил вождь, – и король уже умертвил всех его родных, всех мужей, жен и детей.

Глава 15. Смерть королевских палачей

Услышав эти слова, Умслопогаас вскипел гневом, так как любил меня, Мопо, и считал погибшим с остальными своими родными. Он смолчал, но, выждав, когда никто не смотрел в его сторону, проскользнул за спинами военачальников и достиг дверей шалаша. Он быстро выбрался из крааля и скорым бегом, перейдя речку, поднялся на гору Призраков.

Между тем военачальник спросил главу крааля, знает ли он что-нибудь про искомого юношу. Начальник рассказал про Галази Волка, но вождь ответил, что это не мог быть он, так как Галази уже много месяцев обитает на горе Призраков.

– Есть тут еще другой юноша, – сказал начальник, – это незнакомец высокого роста, сильный, с глазами, сверкающими, как копья. Он здесь, в шалаше, сидит вон там, в тени!

Военачальник заглянул в угол, но Умслопогаас уже исчез.

– Юноша убежал, – сказал он. – Как же никто этого не заметил? Уж не колдун ли он? И вправду до меня дошли слухи, будто на горе обитают двое и что оба они по ночам охотятся с привидениями, но я не уверен, что это так!

– Тебя стоит убить, – сказал разозленный воин. – Ты дал юноше убежать; несомненно, он Умслопогаас, сын Мопо!

– Я не виноват, – сказал начальник крааля, – оба эти юноши – колдуны, они могут являться и исчезать, как им вздумается. Только помни одно, королевский гонец, если ты собираешься на гору Призраков, то иди один, без твоих воинов, потому что туда никто не смеет являться!

– А я посмею, завтра же! – ответил военачальник. – Мы становимся храбрыми в краале Чаки, мои люди не боятся ни копий, ни духов, ни диких зверей, ни колдовства, они боятся лишь королевского слова. Солнце садится, накорми нас, завтра мы пойдем в гору!

Так, отец мой, говорил безумный воин, которому не суждено было видеть другой закат солнца.

Между тем Умслопогаас достиг горы, и, когда пришел Галази, Умслопогаас в нескольких словах рассказал ему все случившееся.

– Тебе грозила опасность! – сказал Галази. – Что же дальше?

– А вот что! – ответил Умслопогаас. – Наше войско томится по человечьему мясу. Накормим его досыта воинами Чаки, вон они там, засели в краале, чтобы убить меня. Я хочу отомстить за отца, Мопо, за всех своих убитых родственников, за матерей, за жен Мопо. Что ты скажешь?

Галази расхохотался.

– Славно придумал, брат! Мне надоело охотиться за зверями, и в эту ночь погонимся за людьми!

Они отдохнули, поели, затем, вооружившись, вышли. Галази завыл, волки сбежались десятками, пока наконец не собрались все. Тогда он обошел их, потрясая Стражем, а звери сидели на задних лапах, следя за ним огненными зрачками.

Потом стая, по обыкновению, разделилась. Самки пошли за Умслопогаасом, самцы – за Галази. Неслышно, быстро спустились они в равнину, переплыли реку и остановились на том берегу, на расстоянии восьми полетов копья от крааля. Братья-волки стали совещаться. Они решили так, что Галази с самцами направятся к северным воротам, а Умслопогаас с самками – к южным. Тихо, благополучно добрались они до ворот, так как по знаку братьев волки перестали выть. Ворота заросли терном, но братья отодрали его и сделали проход. В это время от треска сучьев в краале проснулись собаки и услышали запах волков, следовавших за Умслопогаасом. Собаки с лаем выбежали, быстро достигли южных ворот крааля и набросились на Умслопогааса, раздвинувшего терновник. Когда волки завидели собак, им удержу не было,

они тоже бросились на них и рвали на части. Шум этой драки долетел до воинов Чаки и до жителей крааля, так что они вскочили от сна, хватаясь за оружие. Выходя из шалашей, они видели освещенного луной человека, одетого в волчью шкуру, бежавшего через тот загон, где обыкновенно находился скот, когда он не пасся в высокой траве лугов. За человеком следовали бесчисленные волки, серые и черные. Тогда жители крааля завопили в страхе, что это привидения, и повернули к северным воротам. Но о ужас! И тут им встретились человек в волчьей шкуре и тоже множество волков, серых и черных.

Тогда одни люди падали на землю с отчаянными криками, другие старались убежать; большая же часть воинов, а с ними жители крааля собрались группами, решив, несмотря на свой страх, храбро умереть в зубах духов.

Умслопогаас громко завывал, взывал также Галази. Они кинулись на воинов, на жителей крааля, с ними кинулись и волки. К небесам поднялись стоны, вопли, а серые волки все насккивали, рвали, кусали. Они не боялись ни копий, ни керри.

Воины некоторых убили, но остальные не унимались. Скоро отряды людей разбились, на каждом человеке уже висели по два-три волка, таща его к земле. Некоторые люди убежали, но волки выслеживали их и раздирали на куски, прежде чем те успевали добраться до ворот крааля. Братья-волки свирепствовали. Страж неустомимо работал, многие склонялись под ним, часто сверкало при луне занесенное копье Умслопогааса. Наконец все кончилось – в краале не осталось никого живого, и проголодавшиеся за долгое время волки теперь, насыщаясь, угрюмо ворчали. А братья, сойдясь, радовались звериной радостью, оттого что убили тех, кто пришел их убивать. Они созвали волков и приказали им обыскать шалаши, волки ворвались туда, как собаки в лесную чащу, терзали спрятавшихся там людей или, выгнав их наружу, затравливали тут. Вдруг какой-то высокий человек выскочил из последнего шалаша. Волки кинулись к нему, но Умслопогаас отогнал их, так как узнал лицо этого человека. Это был тот самый военачальник, которому Чака поручил убить Умслопогааса. Отогнав зверей, юноша подошел к воину со словами:

– Привет тебе, королевский посланец! Поведай нам, что привело тебя сюда, поведай нам это здесь, под тенью той, что сидит на камне!

Он указал копьем на серую колдунью горы Призраков, ярко освещенную месяцем.

Военачальник не лишен был благородства, хотя и прятался от волков. Он смело ответил:

– Какое тебе дело, колдун? Все равно твои духи сорвали мое дело, пусть они покончат и со мной!

– Не торопись так, – сказал Умслопогаас, – скажи-ка лучше, не послали ли тебя разыскивать некоего юношу, сына Мопо?

– Ты не ошибся, – ответил вождь. – Я, правда, искал юношу, а нашел только злых духов! – Он взглянул на волков, раздиравших добычу.

– А вот скажи мне, – продолжал Умслопогаас, сдергивая с головы шкуру так, что свет луны падал на него, – скажи, признаешь ли ты лицо того юноши, которого ищешь?

– Да, признаю! – ответил пораженный вождь.

– Ага, – засмеялся Умслопогаас, – узнал? Дурень ты, ведь я угадал, какое тебе дано поручение, слышал твою болтовню, и вот мой ответ тебе! – Он указал на груды мертвых тел. – Теперь выбирай, да поживей! Хочешь спастись бегством, нагоняемый всей стаей, или померяешься силами вот с этими четырьмя? – Он указал на Серое Рыло, на Черного Клыка, на Кровь и на Смертоносца. Волки слушали, глотая слюни. – А может быть, ты выступишь против меня, если же я паду, то против того, кто сражается палицей, кто вместе со мной правит этим серым и черным войском?

– Я боюсь привидений, но не людей и не колдунов, – ответил вождь.

– Идет! – крикнул Умслопогаас, потрясая копьем.

Тогда они, подбежав друг к другу, вступили в яростный поединок. Скоро копье Умслопогааса сломалось о щит воина, и он остался обезоруженным. Умслопогаас повернулся и быстро побежал, перепрыгивая через волков, а воин настигал его, заноса копье и издеваясь над ним.

Галази удивлялся, что Умслопогаас трусит одного человека и мечется во все стороны, опустив глаза в землю. Вдруг следовавший за ним Галази заметил, как он вспорхнул, будто птица, и нагнулся к земле. Потом закрутился на месте, и что же – в руках его был топор. Вождь кинулся на него, но Умслопогаас с разбега ударил, и лезвие большого, занесенного над ним копья, упало на землю, выбитое из рукоятки. Снова Умслопогаас ударил, лунообразный топор, проткнув толстый щит, вонзился глубоко в тело. Тогда военачальник всплеснул руками и упал на землю.

– Ага! – крикнул Умслопогаас. – Ты искал юношу, а нашел топор. Спи сладко, вождь Чаки!

Затем Умслопогаас обратился к Галази со словами:

– Я вперед не буду сражаться копьем, а одним только топором. Это, отыскивая его, я так убегал, точно трус. Но этот топор плохой, видишь, рукоятка переломилась от силы удара. Я хочу добыть тут большой топор Джикизы, прозванный Виновником Стонов, о котором мы столько слышаны, так, чтобы топор с палицей работали вместе.

– Но это в другую ночь! – сказал Галази. – На первый раз и этого довольно. Теперь разыщем утварь и хлеб, это пригодится нам, а потом до зари скорее назад, в гору!

Так вот, как братья-волки умертвили отряд Чаки, и это был один из первых разгромов, удавшихся им с помощью волков. Каждую ночь они свирепствовали в стране, нападая на тех, кого ненавидели, и уничтожали всех. Слава их и волков-призраков все росла, скоро страна совсем опустела. Однако они заметили, что волки не соглашались переходить границы, не хотят повсюду драться. Так, однажды ночью братья собрались напасть на крааль племени Топора, где жил вождь Джикиза, прозванный Непобедимым, владевший топором Виновник Стонов. Но когда они подбирались к краалю, волки вдруг повернули обратно. Тут Галази припомнился его сон, когда с ним беседовал мертвый в пещере и предупреждал его, что только там, где когда-то охотились людоеды, могут охотиться и волки.

Братья ни с чем вернулись домой, но Умслопогаас стал обдумывать свой план добычи топора.

Глава 16. Умслопогаас достает топор

Прошло уже немало времени с тех пор, как Умслопогаас встретился с Галази. Юноша вырос и превратился в храброго, сильного мужчину, но до сих пор не достал еще топора Виновник Стонов.

Иногда он прятался в камышах у реки, посматривая на крааль Джикизы Непобедимого, следя за воротами крааля. Раз он заметил высокого человека, несшего на плече блестящий топор с рукояткой из клыка носорога. С тех пор желание владеть топором все сильнее овладевало Умслопогаасом.

Несмотря, однако, на такое сильное желание, он не видел возможности добыть топор. Случилось так, что однажды к вечеру, когда Умслопогаас спрятался в камышах, он увидел девушку, стройную и прекрасную, с кожей такой же блестящей, как медные украшения на ее теле. Она тихо шла по направлению к месту, где он лежал, не остановилась у края камышей, а вошла в них и, усевшись на земле на расстоянии полета копья от Умслопогааса, стала плакать, сквозь слезы разговаривая сама с собой.

– Пусть бы волки-привидения напали на него, на все его имущество, – рыдала она, – пусть напали бы и на Мезило. Я готова сама натравить их, готова быть растерзанной их клыками. Лучше умереть под зубами волков, чем отдать себя этому толстому борову Мезило! А я, если меня за него выдадут, я вместо поцелуев пырну его ножом. Если бы я распоряжалась волками, захрустели бы кости в краале Джикизы до новолуния, всех бы загрызли.

Умслопогаас все это слышал и вдруг предстал перед девушкой. Он был высок, имел дикий вид, а клыки волчицы сверкали на его лбу.

– Девица! Волки-привидения наготове, – сказал он. – Они всегда к услугам тех, кто в них нуждается!

Увидав его, девушка слабо вскрикнула, потом притихла, пораженная ростом и свирепым взглядом говорившего с ней.

– Кто ты? – спросила она. – Кто бы ты ни был, я не боюсь тебя!

– Напрасно, девица, меня все боятся, и недаром. Я один из прославленных братьев-волков, я колдун с горы Призраков. Берегись, как бы я не убил тебя! Не трудись звать на помощь, я бегая скорее, чем твои соплеменники!

– Я никого звать не собираюсь, человек-волк, только стоит ли убивать такое молодое существо, как я?

– Твоя правда, девица! – ответил Умслопогаас. – Но скажи мне, о каком Джикизе и Мезило говорила ты? Твои речи дышали яростью, они любы моему сердцу!

– Ты, как видно, подслушал их, – ответила девушка, – можно не повторять!

– Как хочешь, милая! Расскажи лучше про себя, быть может, я могу тебе помочь!

– Не о чем рассказывать, история моя коротка и обыденна. Зовут меня Зинитой, а Джикиза Непобедимый приходится мне отчимом. Он женился на моей покойной матери, но я не его крови. Теперь он сватает меня некоему Мезило, толстому старику, которого я ненавижу, но Джикизу прельщает количество предложенного за меня скота!

– Нет ли у тебя кого другого на примете? – сказал Умслопогаас.

– Никого нет! – ответила Зинита, глядя ему пристально в глаза.

– Так как же избежать Мезило?

– Одно спасение – смерть, человек-волк. Умирая, я спасусь, умрет Мезило – будет то же самое, так как меня выдадут за другого. Если же Джикиза умрет, вот тогда хорошо! Скажи, человек-волк, разве не проголодалось твое войско?

– Сюда я не могу их привести, – ответил Умслопогаас. – Как же быть?

– Есть еще способ, – сказала Зинита, – только бы человек нашелся! – Опять она так странно посмотрела, что в нем кровь загорелась. – Слушай, знаешь ли ты, кто правит нашим племенем? Им правит владеющий топором Виновник Стонов. Тот, кто на войне выбьет топор из рук держащего его, тот станет новым вождем. Но если сражающийся топором умрет непобежденным, тогда сын займет его место и право на топор. Так было с четырьмя поколениями, ибо до сих пор владеющий Виновником Стонов всегда оставался непобежденным. Но я также слышала, что прадед Джикизы обманом добыл топор. Когда топор легко ранил его, он упал, притворяясь мертвым. Тогда Владеющий Топором засмеялся и хотел отойти, но прадед Джикизы вскочил позади, пронзил его копьем и таким образом сделался вождем племени. Поэтому сам Джикиза, убивая топором, всегда отсекает головы.

– А многих он убивает? – спросил Умслопогаас.

– Да, за последние годы многих, – сказала девушка. – Никто не может противостоять ему, никакие силы, потому что, вооруженный Виновником Стонов, он непобедим и сражаться с ним – это идти на верную смерть. Пятьдесят один человек пробовали, и вот перед шалашом Джикизы валяются их белые черепа. Помни одно – топор добывается в сражении, краденый или найденный случайно, он теряет силу, даже приносит позор, смерть завладевшему им!

– Как же сойтись с Джикизой?

– А вот как. Раз в год, в первый день новолуния, летом Джикиза созывает совет военачальников. Тут он вызывает желающих, одного или многих, сразиться с ним из-за топора, стать вождем вместо него. Если один человек выступит, они идут в загон, и там дело кончается. Тогда, отрубив врагу голову, Джикиза возвращается на совет. Всем дозволяется участвовать в совете, и Джикиза обязан драться со всеми, кто бы ни принял его вызов!

– Не пойти ли мне туда? – сказал Умслопогаас.

– После этого совета, в следующее новолуние, меня выдадут за Мезило! – сказала девушка. – Тот, кто покорит Джикизу, станет вождем и может выдать меня, за кого хочет!

Тут Умслопогаас понял ее намек, понял, что понравился ей, и мысль эта тронула его, до сих пор чуждавшегося женщин.

– Если случайно я там буду, если стану править племенем Топора благодаря железному владыке – топору Виновнику Стонов, то знай, девица Зинита, что и ты заживешь в его тени!

– Я согласна, волк-человек, хотя многие бы побоялись жить в этой тени. Но раньше добудь топор, многие пытались, а никому не удалось!

– Кому-нибудь должно удалиться! – сказал он. – До свидания!

С этими словами Умслопогаас бросился в реку и быстро поплыл по течению.

Девушка Зинита следила за ним, пока он не скрылся из виду, и любовь охватила ее сердце, любовь свирепая, ревнивая, сильная. Он же, направляясь к горе Призраков, думал больше о Виновнике Стонов, чем о девице Зините, так как в глубине души Умслопогаас предпочитал войну женщинам, хотя именно женщины внесли горе в его жизнь.

Пятнадцать дней до новолуния Умслопогаас много думал и мало говорил. Однако он рассказал Галази часть правды и объявил о своем намерении сразиться с Джикизой Непобедимым из-за топора Виновника Стонов.

Галази советовал оставить это, говорил, что воевать с волками вернее, чем разыскивать какое-то неведомое оружие. Он сообщил также, что добычей топора дело не кончится, придется отвоевать девушку, а от женщин он не ждал добра. Разве не женщина отравила его отца в краале халакази? На все эти доводы Умслопогаас ничего не отвечал, так как сердце его жаждало и топора, и девушки, но первого больше, чем второй.

Между тем время шло, и настал день новолуния. На заре этого дня Умслопогаас надел охотничью сумку, обвязав под ней, вокруг бедер, шкуру волчихи. В руки он взял толстый боевой щит, сделанный из кожи буйвола, и еще тот самый лунообразный топор, которым он убил воина Чаки.

– И с таким оружием выступаешь ты против Джикизы? – сказал Галази, косо поглядывая на него.

– Ничего, оно послужит мне! – ответил Умслопогаас.

Когда он поел, они медленно спустились с горы, и так как Умслопогаас сберегал силы, то перешли речку вброд. На том берегу Галази спрятался в камышах, чтобы не быть узнанным. Тут Умслопогаас простился с ним, не зная, удастся ли им свидеться. Добравшись до ворот края, он заметил, что много людей проходят в них и смешиваются с толпой. Скоро все пришли к открытому пространству перед шалашом Джикизы, где собрались его советники. Посреди них перед кучей черепов сидел, сверкая глазами, сам Джикиза, страшный, надменный, волосатый человек. К руке его прикреплен был кожаным ремнем великий топор Виновник Стонов, и каждый, подходя, приветствовал его, называя Инкозикаас, то есть владыкой. Самому Джикизе никто не кланялся.

Умслопогаас сел в толпе перед советниками, никто не обратил на него внимания, кроме Зиниты, уныло двигавшейся взад и вперед, угощая пивом королевских наперсников. Ближе к Джикизе, по его правую сторону, сидел жирный маленький человек с блестящими глазками, жадно следившими за Зинитой.

«Вероятно, это Мезило!» – подумал Умслопогаас. Немного погодя Джикиза заговорил, стреляя глазами:

– Послушайте, советники мои, что я решил! Я решил выдать падчерицу мою Зиниту за Мезило, только мы еще не сошлись с ним на свадебном подарке. Я требую от Мезило сотню голов скота, потому что девушка прекрасна, стройна и безупречна. Да к тому же она мне дочь, хоть и не моей крови. Но Мезило предлагает только пятьдесят голов, так что предоставляю вам помирить нас!

– Пусть так, Владеющий Топором! – ответил один из советников. – Но прежде, о, Непобедимый, ты обязан в этот день года, согласно древнему обычаю, вызвать всенародно желающих сразиться с тобой за Виновника Стонов и за право власти над племенем Топора!

– Какая тоска! – ворчал Джикиза. – Когда же этому конец? В юности моей я уложил пятьдесят трех человек и с тех пор все выкрикиваю свой вызов, точно петух на навозной куче, и никто его не принимает! Так слушайте же: есть ли между вами желающий вступить в поединок со мной, Джикизой, за великий топор Виновник Стонов? Он будет принадлежать отвовавшему его, а с ним и владычество над племенем Топора!

Все это он пробормотал скоро, точно молился духу, в которого не верил, и опять заговорил о скоте Мезило и о девице Зините. Но вдруг поднялся Умслопогаас и, поглядывая на него из-за своего боевого щита, закричал:

– Есть, Джикиза, желающий сразиться с тобой за Виновника Стонов и за связанное с этим оружием право власти!

Тут вся толпа расхохоталась, а Джикиза сверкнул глазами.

– Опусть твой большой щит, выходи! – сказал он. – Выходи, назови свое имя, свое происхождение, ты, дерзающий сразиться с Непобедимым за древний топор!

Тогда Умслопогаас выступил вперед и показался всем таким свирепым, несмотря на молодость, что никто не рассмеялся.

– Что тебе, Джикиза, в моем имени, в родстве? – сказал он. – Брось это, поторопись лучше сразиться со мной, как исстари заведено, так как я жажду владеть Виновником Стонов, занять твое место и решить вопрос о скоте Мезило Борова. Когда я тебя убью, то выберу себе такое прозвище, какого никто еще не носил!

Опять народ смеялся, но Джикиза вскочил, захлебываясь от ярости.

– Как? Что такое? – сказал он. – Ты осмеливаешься так говорить со мной, ты, молокосос, со мной, Непобедимым обладателем топора! Не думал я дожить до подобного разговора с длинноногим щенком. Пошел в загон! Я отсеку голову этому хвостуну! Он хочет меня заме-

стить, отобрать право, которым благодаря топору пользовались я и четыре поколения моих предков. Вот сейчас я разможжу ему голову, и тогда мы обратимся к делу Мезило!

– Прекрати болтовню! – перебил его Умслопогаас. – Если же не умеешь молчать, то лучше попрощайся с солнцем!

Тут Джикиза задохнулся от бешенства, пена выступила у него изо рта, так что он больше не мог говорить. Это забавляло всю толпу, кроме Мезило, косо поглядывавшего на высокого свирепого незнакомца, и Зиниты, глядевшей на Мезило тоже без особой любви.

Все двинулись к загону, и Галази, издалека заметив это, не мог больше удержаться и, подойдя, смешался с толпой.

Глава 17. Умслопогаас становится вождем племени Топора

Когда Умслопогаас и Джикиза Непобедимый пришли в загон, они остановились в середине, на расстоянии десяти шагов друг от друга.

Умслопогаас – вооруженный большим щитом и легким лунообразным топором, а Джикиза – Виновником Стонов и небольшим щитом.

Глядя на такое вооружение, народ думал, что владелец топора быстро расправится с незнакомцем.

По данному знаку Джикиза с яростным ревом налетел на Умслопогааса. Но тот не шелохнулся до той минуты, когда враг приготовился ударить. Тогда он внезапно отскочил в сторону и сильно хватил по спине давшего промах Джикизу. Он ударил его гладью лезвия, так как убивать топором не намеревался. В сотенной толпе раздался взрыв смеха. Джикиза чуть не лопнул от досады, от позора. Он обежал кругом, как дикий бык, еще раз налетел на Умслопогааса, поднявшего щит, чтобы встретить его. Тогда вдруг Умслопогаас в то мгновение, когда великий топор был высоко занесен вверх, испустил как бы крик ужаса и побежал.

Опять раздался смех, а Умслопогаас бежал все быстрее. За ним в слепой ярости гнался Джикиза. Туда, сюда по загону носился Умслопогаас на расстоянии копья от Джикизы, держа спину к солнцу, чтобы следить за тенью своего врага. Еще раз он обежал круг, а толпа рукоплескала этой погоне, подобной тому, как на охоте загонщики травят лань. Умслопогаас так ловко бежал, что хотя шатался от слабости и многие думали, что ему не хватит дыхания, однако несея все быстрее, увлекая за собой Джикизу. Когда наконец Умслопогаас понял по дыханию врага и по дрожанию тени, что силы его истощились, он притворился, что сам падает, что сбивается с дороги вправо. Спотыкаясь, он уронил большой щит под ноги Джикизы. Тогда тот сослепу налетел на него, запутался в нем ногами и растянулся во весь рост на земле. Умслопогаас, видя это, опустил на него, как орел на горlinkку. В одно мгновение он выхватил топор Виновник Стонов, сильным ударом отделил его от ремня, прикреплявшего его к руке Джикизы, и отскочил, занося большой топор, отбросив все остальное оружие. Тут все присутствующие оценили его хитрость, и ненавидевшие Джикизу громко возликовали. Остальные молчали.

Медленно поднялся Джикиза с земли, удивляясь, что еще жив, схватил маленький топор Умслопогааса и, глядя на него, зарыдал. Умслопогаас же, подняв великого Виновника Стонов, железного владыку, рассматривал его кривые стальные зубцы, красоту рукоятки, обмотанной медной проволокой и кончающейся шишкой, как у палки. Он любовался им, как жених красотою новобрачной. Потом на глазах у всех он, поцеловав широкое лезвие, громко воскликнул:

– Привет тебе, мой владыка, отвоеванный мной в сражении! Никогда мы с тобой не станемся, вместе и умрем, потому что я не допущу, чтобы кто-нибудь владел тобой после меня!

Так воскликнул он перед народом, потом обратился к плачущему, все утратившему Джикизе.

– Где же гордость твоя, Непобедимый? – смеялся Умслопогаас. – Продолжай поединок. Ты вооружен, как был только что я, однако я перед тобой не струсил!

Джикиза с минуту поглядел на него, потом с проклятием швырнул в него маленький топор и, повернувшись, бросился бежать к воротам загона.

Умслопогаас нагнулся, топор пролетел над ним. Так как он не двигался с места, то народ думал, что он даст Джикизе уйти. Но не того ему хотелось. Умслопогаас подождал, пока Джикиза почти достиг ворот, тогда он с диким ревом, с быстротой молнии бросился вперед. Джикиза тоже прибавил шагу, вот он у ворот, вот они столкнулись, блеснула сталь, и вдруг все увидели, как Джикиза упал мертвый, убитый насмерть могучим топором Виновником Стонов которым он и отцы его владели столько лет.

В толпе раздался громкий крик, что Джикиза наконец убит, многие рукоплескали Умслопогаасу, называя его вождем, господином племени Топора. Но сыновья побежденного, десять сильных, храбрых мужей, кинулись к нему, чтобы умертвить его. Умслопогаас отбежал, заноса Виновника Стонов, а некоторые из советников бросились разнимать их, крича:

– Остановитесь!

– Разве не по вашему закону, – сказал Умслопогаас, – я, победивший вождя племени Топора, становлюсь сам вождем?

– Таков закон, – ответил один из престарелых советников, – но вот что он также предписывает: ты должен победить всех, кто выступит против тебя. Так было при моем отце, когда дед покойного Джикизы завладел топором, так должно быть и по сей день!

– Я согласен, – сказал Умслопогаас, – но кто же еще поборется со мной за топор Виновник Стонов, за право власти над племенем Топора?

Тогда все десять сыновей Джикизы, как один человек, выступили вперед, потому что сердца их обезумели от ярости из-за смерти отца, а также потому, что их род лишился власти. Им уже безразлично было – жить или умереть.

Кроме них, никто не выступал, все мужи боялись Умслопогааса, боялись Виновника Стонов.

Между тем он сосчитал их.

– Клянусь головой Чаки, их десять! – вскричал он. – Если теперь сражаться со всеми, то мне не останется времени разобрать дело Мезило и девицы Зиниты. Слушайте! Что скажете вы, сыновья Джикизы побежденного, если я предложу еще кому-нибудь драться со мной против десяти? Согласны ли вы на это?

Братья рассудили между собой, что такие условия более выгодны, чем если им выходить по одному.

– Пусть так! – ответили они, и советники тоже одобрили.

Умслопогаас, бегая кругом по загону, заметил в толпе брата своего Галази и понял, что тот жаждет разделить с ним бой. Тогда он громко крикнул:

– Выбираемый мной союзник в случае нашей победы станет вторым правителем племени Топора!

Выкрикивая это, он медленно обошел ряды, всматриваясь в лица, пока не дошел до Галази, опирающегося на Стража.

– Вот большой человек с большой палицей, – сказал Умслопогаас. – Как зовут тебя?

– Мое имя Волк! – ответил Галази.

– Скажи-ка, Волк, согласен ты разделить со мной бой двух против десяти? Если победа за нами, ты разделишь и власть мою над этим племенем!

– О, великий владелец топора, – ответил Галази, – мне глушь леса, вершины гор дороже краалей и поцелуев жен, но ты так отличился, что я готов испытать радость битвы, я согласен драться с тобой рядом и видеть конец этого дела!

– Так помни уговор! – сказал Умслопогаас.

Удивительная пара дошла до середины загона. Они поражали всех, а некоторым даже пришлось на ум, что это, несомненно, братья-волки с горы Призраков.

– Что, Галази, ведь сошлись наконец Виновник Стонов с палицей Стражем! – сказал Умслопогаас. – Я думаю, немногие сильнее их!

– А вот увидим! – ответил Галази. – Во всяком случае, борьба веселая, а какой конец, там видно будет!

– Да, хорошо побеждать, но смерть – всему конец, и это еще лучше!

Потом они стали сговариваться о способе борьбы, и Умслопогаас, размахивая топором, с любопытством рассматривал его зубцы. После долгого разглядывания оба воина стали спиной

друг к другу посреди загона. Все присутствующие заметили, что Умслопогаас держит топор по-новому, кривыми зубцами к себе, тупым краем к врагу.

Десять братьев столпились вместе, потрясая асегаями. Пятеро выстроились перед Умслопогаасом, пятеро перед Галази Волком. Все были большого роста, рассвирепевшие от бешенства, от сознания позора.

– Одно колдовство спасет этих двоих! – сказал стоявший близко советник.

– Силен топор, – ответил другой, – да и палицу я как будто знаю. Ее, кажется, зовут Стражем Бродов. Горе неповинующимся ей. Я видал ее в деле в дни моей юности. К тому же вооруженные палицей и топором далеко не трусы. Это еще юноши, но они вскормлены волками!

Между тем подошел старец, которому надлежало дать условный знак. Это был человек, разъяснивший Умслопогаасу закон. Условным знаком служило подброшенное копье, и когда оно коснется земли, бой должен начаться. Старец взял копье, подбросил его, но из-за слабости руки так неловко, что оно упало среди сыновей Джикизы, столпившихся перед Умслопогаасом. Они раздвинулись, пропуская копье, привлекая взоры всех к месту его падения. Умслопогаас следил за падением копья, не интересуясь местом. Вот оно коснулось земли, и, крикнув какое-то слово, они с братом, не дожидаясь натиска десяти, бросились вперед, каждый на свою группу врагов.

Пока те десять, смущенные, не двигались с места, Волки-братья уже налетели на них, так как первенство принадлежало им.

Недолго продолжался бой, но присутствовавшим минуты казались часами. Вскоре четверо братьев были убиты, а топор и палица продолжали неистовствовать. Тогда остальные, разъяренные, поняв невозможность борьбы, бросились бежать.

– Эй вы, сыновья Непобедимого, стойте, не бегите так быстро! – закричал Умслопогаас. – Я прощаю вас. Оставляйте мести мои шалаши и возделывать мои поля с остальными бабами крааля! Теперь, советники, битва кончена, пойдемте в шалаш вождя, где Мезило ждет нас! – Он повернулся и пошел с Галази, а за ним молча, пораженный всем виденным, следовал народ.

Добравшись до шалаша, Умслопогаас сел на то место, где утром еще сидел Джикиза. Девушка Зинита принесла воды, чистую тряпицу и обмыла ему рану, нанесенную копьем. Он поблагодарил ее, но когда она хотела сделать то же самое с еще более глубокой раной Галази, тот грубо отстранил ее и сказал, что не желает вокруг себя никакой женской возни. Тогда Умслопогаас обратился к сидевшему перед ним перепуганному Мезило Борову.

– Ты, кажется, сватал девушку Зиниту, даже насильно преследовал ее? Я предполагал убить тебя, но на сегодня довольно крови! Приказываю тебе поднести свадебный подарок этой девушке, которую я сам возьму себе в жены. Ты подаришь ей сто голов скота! А потом, Мезило Боров, удались отсюда, из племени Топора, пока не случилось с тобой чего-нибудь худшего!

Мезило встал и пошел с позеленевшим от страха лицом. Заплатив все сто голов, он поскорее убежал по направлению к краалю Чаки. Зинита следила за его бегством, радовалась ему и также тому, что Убийца взял ее себе в жены.

Между тем советники и военачальники преклонились перед тем, кого они прозвали Убийцей, воздавая ему почести как вождю, как Владеющему топором.

Став вождем многочисленного племени, Умслопогаас возвысился, разбогател скотом, обзавелся женами. Никто не смел ему перечить. Изредка, правда, какой-нибудь смельчак дерзал вступить с ним в поединок, но никто не мог покорить его. Вскоре все знали, к чему ведет гнев Виновника Стонов. Галази также возвысился, но мало жил с племенем. Он больше любил дикие леса, высокие горы и часто, как в старину, носился ночью по лесу, по равнинам, сопровождаемый воем волков-призраков.

Но Умслопогаас реже охотился с волками. Он проводил ночи с Зинитой, которая любила его и от которой у него рождались дети.

Глава 18. Проклятие Балеки

Снова, отец мой, рассказ возвращается к началу, как река течет с верховьев. Я расскажу о событиях, случившихся в краале Гибамаксегу, прозванном белыми людьми Гибелик или крааль Погибель стариков, потому что Чака умертвил в нем всех старцев, не пригодных к войне.

В знак печали по погибшей от его руки матери Чака назначил на целый год траур, и никто не смел ни рожать детей, ни жениться, ни есть горячую пищу. Вся страна стонала и плакала, как плакал сам Чака. Беда ждала смельчака, рискнувшего появиться перед королем с сухими глазами.

Приближался праздник новолуния, со всех сторон сходились люди, тысячами, десятками тысяч, оглашая воздух жалобным плачем. Когда все собрались, Чака со мной пришел к народу.

– Теперь, Мопо, – сказал король, – мы узнаем, кто чародеи, навлекшие наше горе, и кто чист сердцем!

С этими словами он подошел к одному знаменитому вождю, по имени Цваумбана, главе племени Амабова, явившемуся сюда с женой и со всей своей свитой. Этот не мог больше плакать – он задыхался от жары и жажды. Король посмотрел на него.

– Видишь, Мопо, – сказал он. – Этот скот не горюет по моей покойной матери. О, бессердечное чудовище! Неужели ему радоваться солнцу, пока ты и я плачем, Мопо? Нет, ни за что! Уведите его, уведите всех, кто при нем, уведите бессердечных людей, равнодушных к смерти моей матери, погибшей от злых чар!

Чака, плача, пошел дальше, я, рыдая, следовал за ним, а вождя Цваумбана со всеми его приближенными убили королевские палачи и, убивая, плакали над своими жертвами. Вот мы подошли к человеку, быстро понюхавшему табак. Чака успел это заметить.

– Смотри, Мопо, у чародея нет слез, а бедная мать – мертва. Он нюхает табак, чтобы прослезить свои сухие от злобы глаза. Уберите это бесчувственное животное, ах, уберите его!

Так убили и этого. Скоро Чака совсем обезумел от ярости, бешенства, от жажды крови. Он приходил, рыдая, к себе в шалаш пить пиво, и я сопровождал его, так как он говорил, что горяющим надо подкрепляться. По дороге он все размахивал ассегаем, приговаривая:

– Уберите их, бессердечных тварей, равнодушных к смерти моей матери!

Тогда попадавшихся ему на пути убивали. Когда палачи уставали, их самих приканчивали. Мне тоже приходилось убивать, иначе меня бы убили. Наконец сам народ потерял рассудок от жажды, от неистового страха. Стали нападать друг на друга, каждый выискивал своего врага и закалывал его. Никого не пощадили, страна походила на бойню. В тот день погибли семь тысяч человек, но Чака все плакал, повторяя:

– Уберите бесчувственных скотов, уберите их!

В его жестокости, отец мой, таилась хитрость, потому что, закалывая многих ради забавы, он одновременно разделялся с теми, кого ненавидел или боялся.

Настала ночь. Закат был багровым, все небо казалось кровавым, кровь текла по всей земле. Тогда резня прекратилась, все ослабели, люди, тяжело дыша, валялись кучами, живые вместе с мертвыми. Видя, что многие умрут до рассвета, если им не позволят вкушать пищи, напиться, я сказал об этом королю. Я не дорожил жизнью и даже забыл о мести, такая тоска меня грызла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.